

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

На правах рукописи

Максимов Александр Александрович

**ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный
судебный процесс; муниципальное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:

кандидат юридических наук, доцент

Занко Тигран Антонович

Москва – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Особенности развития политических прав и свобод в эпоху цифровизации.....	16
1. 1. Теоретико-правовые основания политических прав и свобод. Понятие и общая характеристика	16
1. 2. Эволюция правового регулирования деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.....	35
1. 3. Мировой опыт использования информационно-телекоммуникационных сетей при реализации политических прав и свобод человека и гражданина .	51
Глава 2. Современные механизмы реализации права на участие в управлении делами государства	66
2. 1. Электронная демократия в России.....	66
2. 2. Право на обращение и иные консультативные институты непосредственной демократии	81
2. 3. Особенности проведения публичных мероприятий в сети Интернет ...	107
Глава 3. Особенности конституционно-правового регулирования реализации права на информацию в сети Интернет	120
3. 1. Теоретические основы права на информацию.....	120
3. 2. Конституционно-правовые особенности реализации права на доступ к информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в сети Интернет	136
3. 3. Особенности осуществления запретов и ограничений в сети Интернет	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
БИБЛИОГРАФИЯ	188

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Одной из важнейших проблем на современном этапе развития конституционной доктрины является необходимость переосмысления содержания существующих элементов конституционно-правового статуса человека и гражданина с учетом развития информационных технологий. Важным катализатором подобной деятельности является трансформация механизмов реализации прав и свобод, прежде всего связанная с увеличением роли информационных технологий, что безусловно активизирует научную и законотворческую деятельность и видится вполне закономерным в эпоху электронной демократии¹.

Хотя теории, связанные с расширением применения механизмов электронной демократии, уже занимают важное место в конституционно-правовой доктрине, о непосредственном использовании цифровых технологий при реализации многих составляющих политических прав говорить преждевременно. Совокупность указанных действий приводит к формированию современных тенденций, среди которых стоит выделить основные.

Во-первых, в настоящее время в сфере реализации политических прав и свобод человека и гражданина российское конституционно-правовое регулирование придерживается фрагментарного режима появления новелл. Данная практика складывается не только в сфере реализации политических прав человека в сети Интернет, но и в сфере цифровых прав в целом, обусловлено это в первую очередь высокой динамикой развития рассматриваемых правоотношений, при которой авторы научных доктрин пытаются угнаться за развитием исследуемых отношений². Предполагается, что такие действия осуществляются в связи с отсутствием понимания

¹ Барциц И.Н. Конституционная демократия это свободные выборы плюс интернетизация всей страны // Социологические исследования. 2013. № 9 (353). С. 115–116.

² Шахрай С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской Академии Наук. 2018. № 12. Том 88. С. 1076.

конкретного направления развития, как в доктринальных, так и в практических положениях³.

Во-вторых, на протяжении довольно длительного промежутка времени наблюдается тенденция перехода существующих офлайн-правоотношений в сферу сети Интернет, чему безусловно содействует развитие информационных технологий. Подобная тенденция способствует стремительному появлению новых форм реализации политических прав, которые требуют повышенного внимания, в связи с возможным привлечением большего числа участников. Вопрос распространения конституционных принципов на подобные механизмы также вызывает повышенный интерес и требует отдельного внимания.

При этом у специалистов в области права возникает проблема восприятия цифрового пространства в качестве действенного механизма реализации прав человека и гражданина, следствием чего является многообразие подходов к пониманию правовой природы подобного института. Также дискуссионным считается вопрос относительно необходимости наделяния самостоятельностью права на доступ к сети Интернет, особенно актуальной данная проблема видится в свете декларирования выделения подобного права на международном и национальных уровнях.

В российской правовой науке немногочисленны исследования, рассматривающие правовую природу сети Интернет в качестве площадки и средства для реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, в связи с этим существует реальная потребность в комплексном анализе институтов реализации группы политических прав в сети Интернет и их правового закрепления. Также в существующих российских и иностранных научных трудах отмечается, что конституционно-правовое регулирование сферы политических прав и свобод является упорядоченным

³ Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 6.

не полностью и имеет определенные пробелы, что в большей мере характерно для механизмов реализации группы указанных прав и свобод в информационно-телекоммуникационном пространстве.

Третьим и, наверное, наиболее важным, представляется вопрос подходов к распространению на отношения в цифровом пространстве схожего регулирования, применяемого в отношении прав и свобод за пределами онлайн-сферы. В научной литературе можно найти предложения о необходимости приравнять права в онлайн-пространстве к традиционным, существующим в офлайн-среде, и распространить на них существующие гарантии и обязанности. Однако при решении данного вопроса в законодательной теории и практике возникают трудности, требующие решений, но несмотря на все противоречия, все же исходным необходимо считать тезис о распространении на правоотношения в цифровой реальности действия Конституции Российской Федерации как нормативного акта, имеющего высшую юридическую силу в правовой системе⁴.

С целью разрешения существующих научных противоречий, в рамках данного исследования предложены определенные шаги по решению важных вопросов в части соотношения новейших правоотношений в онлайн-формате с уже сформированными и урегулированными правовыми конструкциями за пределами Всемирной сети.

Важно подчеркнуть, что непризнание каких-либо правоотношений и соответствующее отсутствие их правового регулирования несет реальную угрозу нарушения конституционно-правового законодательства и основ конституционного строя Российской Федерации. В этой связи озабоченность вызывают вопросы участия иностранных граждан в организации публичных мероприятий в российском сегменте сети Интернет и возможности вовлечения в несанкционированные собрания, митинги, демонстрации, шествия или пикетирования на территории России посредством

⁴ Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 29.

использования возможностей цифровых технологий, в том числе из-за рубежа⁵.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, можно утверждать, что исследование конституционно-правового регулирования политических прав и свобод человека и гражданина в онлайн-пространстве представляется востребованным и крайне актуальным на современном этапе развития общества.

Степень научной разработанности темы исследования. Вопросы, связанные с институтами реализации прав и свобод человека и гражданина, являются довольно хорошо изученными, что обусловлено их значимостью для всей юридической доктрины, однако вопросы, связанные с применением различных правовых норм в контексте использования информационных технологий, в связи с новизной самих правоотношений, можно охарактеризовать как получившие наименьшее внимание со стороны представителей юридической науки и, таким образом, являющиеся мало разработанными. В свою очередь, на сегодняшний день прослеживается увеличение интереса со стороны правоведов к области регулирования онлайн-пространства, но все же нужно признать, что вопрос регулирования политических прав и свобод в сети Интернет представляется довольно специфическим и все еще не имеет большого количества исследований, в связи с чем стоит отметить отсутствие достаточного количества специальной литературы, содержащей комплексный подход к рассматриваемым правоотношениям.

⁵ В рамках диссертационного исследования не будет подробно рассматриваться дискуссионный вопрос относительно возможности реализации отдельных политических прав и свобод в Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства. При этом автор исходит из позиции, что российское конституционно-правовое законодательство содержит прямой запрет на возможность организации публичного мероприятия иностранными гражданами. Данное ограничение является совершенно оправданным и выступает одним из гарантов государственной целостности Российской Федерации (см., например: Таева Н.Е. Право иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, собираться мирно, без оружия // *Юридический мир*. 2006. № 12. С. 4–12; Рубанова М.Е. Конституционно-правовые ограничения политических прав иностранных граждан в Российской Федерации // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2017. № 1. С. 41–46; Жилаев А.В., Голованова Т.В. Регулирование и практика реализации права иностранных граждан на доступ к государственной службе в Российской Федерации // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2020. № 1 (76). С. 70–75).

В научной литературе при исследовании тематики, связанной с реализацией прав и свобод в сети Интернет, большее внимание уделяется вопросам социальной и политической проблематики, при этом аспекты юридического регулирования подобной деятельности отходят на второй план. В свою очередь, специалисты в области конституционного права чаще всего рассматривают механизмы реализации запретов и ограничений, нежели их конституционно-правовое закрепление.

В основу настоящего исследования легли научные труды по вопросам регулирования основных прав и свобод человека и гражданина таких российских ученых, как: С.А. Авакьяна, С.С. Алексеевой, О.Л. Алферова, А.А. Антопольского, С.А. Афанасьева, М.В. Баглая, И.Н. Барцица, И.Л. Бачило, И.Ю. Богдановской, Р.С. Буянтуевой, Н.В. Витрука, В.Д. Зорькина, Т.Ш. Иззатова, А.Т. Карасева, С.В. Кобзевой, А.И. Ковлера, А.Н. Кокотова, И.Ю. Крылатова, В.В. Лапаевой, Е.А. Лукашевой, В.А. Мещерягина, С.В. Нарутто, Л.А. Нудненко, Н.В. Рахманина, А.Ю. Сибилевой, Э.В. Талапиной, А.И. Хуснутдинова, А.А. Шапова, С.М. Шахрая, А.И. Черкасова, С.Н. Шевердяева, Б.С. Эбзеева и других.

При изучении рассматриваемой тематики большое внимание уделялось работам иностранных специалистов, таких как: P. Alston, J. Bartlett, V.G. Cerf, S. Fadi, Y. Harlan, M.K. Land, D.G. Robinson, M.L. Trajkovska, S. Barocas, A.D. Selbts, E. Goldman, J. Kosseff и других.

При проведении исследования отдельное внимание уделялось результатам деятельности международных органов и специалистов в области прав человека, а также применялись материалы международных исследовательских групп.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе реализации политических прав и свобод человека и гражданина с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Предметом диссертационного исследования стали нормы конституционно-правового законодательства Российской Федерации и зарубежных стран, нормы международного права, правовые акты Российской Федерации, российская, иностранная и международная судебная практика, материалы правоприменительной практики, пользовательские соглашения, научная литература по исследуемой теме и доклады международных организаций по правам человека.

Целью диссертационного исследования является полное и всестороннее изучение особенностей конституционно-правового регулирования отдельных политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в сети Интернет, на основе которого формулируются научно-обоснованные предложения в части развития и совершенствования данных правоотношений, подходов к их пониманию и дальнейшего конституционно-правового регулирования.

Задачи исследования. Исходя из цели исследования, можно выделить следующие его задачи:

- оценить влияние сети Интернет на конституционно-правовое регулирование политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации;
- исследовать конституционно-правовую природу современных институтов политических прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет;
- выявить и классифицировать существующие конституционно-правовые механизмы реализации отдельных политических прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет;
- исследовать конституционно-правовую природу применения запретов и ограничений в части реализации политических прав и свобод в сети Интернет;
- выявить негативные тенденции правового регулирования в сфере реализации отдельных политических прав и свобод в Российской Федерации в сети Интернет;

- выработать и обосновать научно-практические рекомендации совершенствования конституционно-правового регулирования механизмов осуществления отдельных политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в сети Интернет.

Методологическая основа исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составили формально-логические методы – анализ, синтез, абстрагирование и моделирование, а также структурный и системно-функциональный методы. Применялись и специальные методы юридического познания действительности: сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический. Историко-правовой метод познания применялся при анализе развития политических прав и свобод человека и гражданина, а также с его помощью был исследован процесс становления и развития политических правоотношений в цифровом пространстве. С помощью сравнительно-правового и формально-юридического методов познания был исследован существующий мировой опыт закрепления в конституционном законодательстве права на всеобщий доступ к сети Интернет, на основании которого был сделан вывод о преждевременности закрепления тождественных положений в российской нормативной базе.

Нормативную правовую основу диссертационного исследования составили: Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы и федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты, законодательные акты субъектов Российской Федерации, а также законодательство зарубежных стран.

Эмпирическая основа диссертационного исследования состоит из: решений Конституционного суда Российской Федерации и иных судебных органов, материалов решений, вынесенных Европейским судом по правам человека и зарубежными органами, на которые возложены функции по осуществлению конституционного контроля. При работе над

диссертационным исследованием использовались размещенные в научных изданиях и средствах массовой информации данные о статистических и социологических исследованиях, а также иные материалы, имеющие значение для исследуемой темы.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в рамках проведенного диссертационного исследования сформулированы и структурированы определения и составные части новых правовых явлений, оказывающих значительное влияние на все элементы правового статуса личности в современном обществе. Выработаны рекомендации и предложения по совершенствованию конституционно-правового регулирования группы политических прав.

Новизной обладают и предложенные меры по стандартизации механизмов осуществления запретов и ограничений в онлайн-пространстве. Сформулированные автором правовые конструкции на уровне диссертационного исследования используются впервые и, как представляется, должны оказать позитивное влияние на дальнейшее развитие группы политических прав.

На защиту выносятся следующие научные положения:

1. Установлена необходимость усиления роли стимулирующей функции, направленной на развитие конституционно-правового законодательства в сфере использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет в целях реализации прав и свобод человека и гражданина. Формирование норм, обеспечивающих достижение указанной цели на уровне конституционно-правового законодательства, необходимо для дальнейшего развития механизмов взаимодействия государства и общества в сети Интернет. Вынесение таких норм на конституционно-правовой уровень будет являться катализатором развития всей правовой системы и отвечать современным правовым тенденциям, направленным на использование сети Интернет в качестве одного из

действенных механизмов реализации политических прав и свобод человека и гражданина.

2. Основываясь на современных тенденциях реализации политических прав и свобод человека и гражданина, установлена необходимость расширения понятийного аппарата в сфере публичных мероприятий путем включения в нормативные правовые акты новых видов и форм массовых акций, в частности понятия «онлайн-митинг». При этом диссертантом, с целью нормативного регулирования уже существующих правоотношений, основываясь на анализе новых форм выражения мнений, осуществляемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, выработано и сформулировано определение предложенного понятия, разработаны и систематизированы его основные черты и характеристики. Под термином «онлайн-митинг» предлагается понимать – массовое собрание граждан на определенной странице сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, реализуемое с целью публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера.

3. Сформулирована и обоснована конституционно-правовая природа применения института «Право на свободу выбора получаемой информации». Введение данной правовой конструкции обусловлено необходимостью соблюдения положений ст. 29 Конституции Российской Федерации, а также современными особенностями распространения информации в сети Интернет, которые являются важной составляющей предложенного правового механизма, состоящего в отсутствии какого-либо навязывания получаемой информации со стороны ее распространителей, что необходимо воспринимать как элемент правового статуса личности в онлайн-пространстве. В рамках исследования сформулированы основные составляющие предложенной терминологии, к которым стоит относить:

- свободу от навязывания информации;
- отсутствие необоснованного ограничения информации;

- конкретизация нормативного правового регулирования, деятельности ресурсов, с помощью которых происходит распространение информации.

4. Сформулирована необходимость установления нормативно-правового закрепления обязанности органов власти принимать решения по рассмотрению инициатив, которые были направлены через Интернет-ресурс «Российская общественная инициатива» с использованием усложненной процедуры и соответствуют критериям, предлагаемым диссертантом. Подобный вывод основан на обширной практике применения форм институтов народовластия, осуществляемых посредством информационных технологий, свидетельствующей об отсутствии принятия решений по важнейшим вопросам общественно-политической жизни, при условии соблюдения всех необходимых критериев.

5. Констатирована преждевременность закрепления в российском конституционно-правовом законодательстве формулировок, связанных с декларацией всеобщего права на доступ к сети Интернет. Подобное утверждение базируется на существующем международном опыте и различных аспектах российской действительности. В свою очередь положения, укрепляющие значимость сети Интернет и способствующие распространению цифровых технологий, требуют нормативного закрепления в российских правовых документах.

6. Сделан вывод о необходимости установления общеобязательных стандартов, регулирующих содержание соглашений Интернет-ресурсов с пользователями, основной целью при этом является недопущение ограничения института прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет. Базируется подобное предложение на анализе действующих пользовательских соглашений, имеющих разнообразную практику содержащихся норм, в том числе о возможности применения запретов и ограничений, налагаемых на пользователей цифровых ресурсов.

7. Выявлена и обоснована негативная тенденция расширительного понимания механизмов цензурирования информации. Основываясь на всестороннем исследовании особенностей цензурирования информации в социальных сетях, утверждается, что конституционно-правовые запреты и ограничения, возникшие в связи с использованием сети Интернет, по смысловому и содержательному принципу отличаются от первоначально заложенных конституционным законодателем.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования обусловлена его новизной и содержащимися теоретико-правовыми выводами автора. Предложения, основанные на результатах данного исследования, могут использоваться для дальнейшего законодательного регулирования рассматриваемой сферы правоотношений. Также в исследовании предлагаются возможные пути совершенствования указанных правоотношений и меры по защите института политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Содержащиеся в работе материалы могут применяться в процессе подготовки учебников, учебных курсов и учебно-методических пособий, а также преподавания курсов конституционного права Российской Федерации, конституционного права зарубежных стран и избирательного права Российской Федерации.

Апробация диссертационного исследования. Основные результаты и выводы исследования опубликованы автором в семи научных публикациях, четыре из которых опубликованы в научных изданиях, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции.

Перечень публикаций автора:

1. Максимов А.А. Возникновение и развитие права на протест в России // Вестник Евразийской академии административных наук. 2018. № 3 (44). С. 87–91.

2. Максимов А.А. Существует ли право на доступ к Интернету? // Современное право. 2019. № 6. С. 58–64.

3. Максимов А.А. Право на свободу выбора получаемой информации // Вестник Евразийской академии административных наук. 2020. № 3 (52). С. 58–61.

4. Максимов А.А. Некоторые проблемы реализации политических прав человека в Российской Федерации // Международная научно-практическая интернет-конференция «Современные вызовы и актуальные проблемы науки, образования и производства: межотраслевые диспуты» (г. Киев, Украина, 13 ноября 2020 г.): сборник статей / С. 757–766.

5. Максимов А.А. Конституционно-правовые аспекты запретов и ограничений, связанных с использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет» // Современное право. 2021. № 1. С. 29–35.

6. Максимов А.А. Онлайн-митинг как способ реализации политических прав человека // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 2. С. 30–38.

7. Максимов А.А. Конституционно-правовые особенности цензурирования информации в социальных сетях // Административное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 86–98.

Результаты диссертационного исследования были представлены и поддержаны в выступлениях автора на международных научных конференциях: Международная научная конференция студентов и аспирантов «Сперанские чтения» (г. Москва, 28 ноября 2018 г.); Международная научно-практическая Интернет-конференция «Современные вызовы и актуальные проблемы науки, образования и производства: межотраслевые диспуты» (г. Киев, Украина, 13 ноября 2020 г.); Международная научно-практическая конференция «Глобализация и публичное право» (г. Москва, 20 ноября 2020 г.), Международная конференция-сессия «Государственное управление и развитие России: проектирование будущего» (г. Москва, 17 – 21 мая 2021 г.).

Диссертация обсуждена и одобрена на заседаниях кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Структура диссертационного исследования. Настоящая диссертация состоит из оглавления, введения, трех глав, разделенных на 9 параграфов, заключения и библиографического списка.

Глава 1. Особенности развития политических прав и свобод в эпоху цифровизации

1. 1. Теоретико-правовые основания политических прав и свобод. Понятие и общая характеристика

Традиционно права и свободы человека и гражданина понимаются как обеспечиваемые государством возможности поведения человека в различных сферах, которые получили свое закрепление не только в международно-правовых актах, но и на национальном уровне, чаще всего в конституционных актах, которым уделяется повышенное внимание, в связи с тем, что нормы и принципы конституционного права заслуженно занимают важнейшее место в правовой системе любого государства, закрепляя базовые юридические положения. Как указывает С.А. Авакьян: «важнейшей особенностью конституционного права стало то, что оно, сохраняя свою адресную связь с государством, все в большей мере становится правом общества»⁶. Данное мнение подтверждают существующие современные тенденции, согласно которым постоянное увеличение и расширение различных видов правоотношений в обществе неуклонно порождает необходимость их закрепления в законодательстве.

Согласно мнению Н.В. Витрука, конституционные права, свободы и обязанности являются основанием для всего нормативного регулирования, существующего в государстве, демонстрируют направление развития законодательства на определенном историческом этапе, при этом в связи с характером и формой их правового закрепления содержат важнейшие социальные и правовые особенности, обусловленные их влиянием на иные права и обязанности граждан⁷.

⁶Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 3.

⁷Чхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность. М.: Юрид. лит., 1967. 339 с.

Тезисом, не нуждающимся в подтверждении, является и тот факт, что человек, его права и свободы занимают центральное место в нормах Конституции Российской Федерации, а их признание и соблюдение выступают основной целью функционирования государства⁸. Именно факт особого статуса отдельного перечня прав и свобод человека и гражданина влечет их закрепление в Конституции Российской Федерации, а также в различных отраслевых нормативных правовых актах.

Основные конституционные права и свободы граждан в Российской Федерации сгруппированы в положениях 2-ой главы Основного закона. Однако, в связи с положениями ст. 55 Конституции, этот перечень является не полным, так как перечисление в Конституции основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других прав и свобод человека и гражданина. При этом нужно указать, что в конституционно-правовой доктрине подчеркивается, что основные права и свободы должны содержаться именно в нормах Основного закона страны, однако не должна исключаться возможность закрепления группы данных прав и в иных источниках конституционно-правовых норм⁹. В свою очередь, закрепление основных прав именно в нормах Конституции обусловлено той значимостью, которая присуща Основному закону как документу, обладающему высшей юридической силой в национальном законодательстве.

Права человека в рамках данной работы будут рассматриваться исходя из «узкого» подхода, при котором они осуществляются как сугубо юридическая категория. Стоит указать, что наиболее часто права и свободы в конституционном праве по общему правилу рассматриваются следующим образом: право соотносится с возможностью получения каких-либо материальных благ, а свобода – как определенное дозволение, невмешательство со стороны государства в какие-либо действия¹⁰. В свою очередь личные права и свободы определяются, как правило, через

⁸ Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации. М.: Статут, 2017. 624 с.

⁹ Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 т. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. Т. 1. С. 657.

¹⁰ Verdirame G. Human Rights in Political and Legal Theory // King's College London Law School Research Paper №. 2014-31. 2014. p. 23.

категорию «возможность», что, как указывает Н.И. Матузов: «вполне себя оправдало, прочно вошло в научный оборот, в теорию прав личности»¹¹. Наряду с этим понятие «возможность» включает в себя то, что при наличии определенных условий может стать реальностью. Исходя из этого, можно говорить о том, что устоявшейся в науке является позиция, когда субъективные права в первую очередь рассматриваются как установленная законом мера поведения субъекта права¹², при которой обязанность рассматривается как необходимость, при том, что необходимость есть философская категория, а обязанность юридическая¹³.

Согласно концепции поколений прав человека, сформулированной К. Васеком¹⁴, основанной на специфическом содержании прав человека и принципах свободы, равенства и братства¹⁵, политические права и свободы человека относятся к первому поколению прав человека, проистекающих из реформистских теорий 16 и 17 веков, связанных с английскими, американскими и французскими революционными движениями. Первое поколение прав человека включает личные права, вытекающие из естественных прав, и созданного на их основе позитивистского подхода. Важность группы политических прав и свобод человека и гражданина не угасает на протяжении длительного промежутка времени в связи с их основной правовой ценностью, заключающейся в защите свободы личности¹⁶.

Хрестоматийная концепция поколений прав К. Васека относит ко второму поколению прав человека сформулированные в начале 20 века экономические, социальные и культурные права и свободы, к третьему

¹¹ Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. С. 77.

¹² См., например: Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юрид. изд-во, 1947. 364 с.; Игнатенкова К.Е. Дозволение как способ правового регулирования: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 4.

¹³ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М: Изд-во Московского ун-та, 1997. 299 с.

¹⁴ Vasak K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. 1977. № 11. P. 28–29.

¹⁵ Vasak K. Pour une troisième génération des droits de l'homme // Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet / Ed. by C. Swinarski. 1984. P. 837, 839.

¹⁶ Уетсон Б.Г. Права людини // Права людини: концепції, підходи, реалізація: пер. з англ. / Під ред. Б. Зізік.– К.: вид-во «Ай Бі». 2003. 262 с.

поколению – коллективные права человека, сформировавшиеся в середине 20 века.¹⁷ Однако, если содержание первых трех групп прав человека практически не вызывает споров среди специалистов в области права, то относительно содержания группы прав четвертого поколения позиция не является однозначной. Некоторые представители юридической науки предлагают относить к ним биологические права человека, в которые включаются право на аборт и право на самоубийство или, например, право на мир и ядерную безопасность¹⁸, однако наиболее логичными видятся теории, предлагающие к четвертому поколению прав человека относить цифровые права¹⁹, при этом отмечая, что права, существующие за пределами сети Интернет, требуется защищать и в сети Интернет²⁰.

Политические права и свободы по праву считаются основными конституционными правами и свободами граждан, своими корнями уходя далеко в глубь истории²¹. Развитие политических прав и свобод напрямую связано с развитием иных основных прав, можно даже утверждать, что развитие принципов и механизмов реализации группы политических прав является первопричиной развития иных структурных элементов правового статуса личности. Подобная тенденция наблюдается и на современном этапе развития политических прав и свобод, который будет подробно изучен в данной работе. Исходя из общепринятых позиций, начало существующего этапа следует исчислять с даты принятия действующей Конституции Российской Федерации. В положениях Основного закона был значительно расширен перечень политических прав и свобод граждан и провозглашены новые демократические принципы, что повлекло дальнейшие правовые

¹⁷ Глушкова С.И. К вопросу о новых подходах в исследовании прав человека // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2010. №14 (57). С. 22.

¹⁸ См., например: Олейник Н.Н., Олейник А.Н. Историческое развитие поколений «Прав человека» // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. №14 (211). С. 126; Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Новый Юрист, 2013. 500 с.

¹⁹ Martinez-Villalba J. C. R. La Cuarta Ola De Derechos Humanos: Los Derechos Digitales (Fourth Wave of Human Rights: The Digital Rights) // Revista Latinoamericana de Derechos Humanos. № 25 (1). 2014. P. 15–45.

²⁰ Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // Peace Human Rights Governance. 2017. Vol. 1. № 2. P. 223–250.

²¹ Лукашева Е.А. Права человека. М.: Норма, 2004. С. 167.

реформы, способствующие укреплению правового статуса личности в государстве²².

Переходя к рассмотрению нормативного регулирования рассматриваемой сферы, нужно отметить, что важнейшими документами в области прав человека в настоящее время признаются: Всеобщая декларация прав человека 1948 г.²³, Международный пакт о гражданских и политических правах 1976 г.²⁴, Факультативный протокол № 1 и Факультативный протокол № 2 к Международному пакту о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1976 г.²⁵, совокупность данных документов, ввиду своей значимости, получило неофициальное название Международный билль о правах человека²⁶. Также важным документом является и Всеобщая декларация прав человека, хотя она не имеет статуса международного договора, по общему мнению, ввиду своей значительности и в силу сложившегося обычая приобрела характер обязательного документа, взяв на себя функции неофициального эталона, от которого исходят, принимая документы ООН²⁷.

В свою очередь, ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации подчеркивает, что «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права»²⁸. Данное положение вместе с учетом положений ст. 55 означает, что российское законодательство в сфере прав человека должно соответствовать требованиям международных стандартов²⁹.

²² Котляров С.Б., Кукушкин С.Б. Историческое развитие института политических прав и свобод человека и гражданина // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. 2020. № 2. С. 5.

²³ РГ. 1995. № 67.

²⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

²⁵ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

²⁶ Viennet C. Social Rights in Refugee Law and Human Rights Law: The Non-discrimination Principle as a Harmonization Tool // 2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3693671>.

²⁷ Нураков Н. Политическая регламентация подходов к обеспечению прав человека // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 1 (22). С. 98.

²⁸ СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

²⁹ Гасанов К.К. Содержание принципа неотчуждаемости основных прав человека // Вестник Московского университета МВД России. 2012. №3. С. 134.

Стоит подчеркнуть, что термины «основные права и свободы» и «конституционные права и свободы» видятся равнозначными, ввиду практики закрепления основных прав именно в этом документе³⁰. В рамках данной работы будет применяться именно такой подход.

По общему правилу классификация конституционных прав и свобод возможна на основе определенных признаков (критериев) и всегда условна³¹. Зачастую применяется подход, согласно которому происходит разделение основных прав и свобод на следующие группы: «неотчуждаемые, гражданские, политические, экономические, социальные и культурные»³². Также, в зависимости от субъектов, происходит разделение на категории прав и свобод человека и прав и свобод гражданина, при этом объем и набор второй группы прав уже первой и довольно часто их содержание зависит от конкретного подданства человека. Дополнительно, в зависимости от вида субъекта, различают – индивидуальные и коллективные права и свободы. Необходимо отметить, что политические права гражданина являются политическими правами и свободами человека с единственной лишь оговоркой – при их реализации человек находится в устойчивой политико-правовой связи с государством, при этом права человека выражают взаимосвязь личности и власти, а права гражданина базируются на правовом статусе личности, связанной политико-правовыми отношениями с конкретным государством.

Конституция Российской Федерации во многом в своих положениях повторяет общепризнанные нормы международного права в области политических прав. В основном, это выражается в схожести смыслового содержания как норм Конституции, так и норм международных документов. Применительно к сфере основных прав и свобод человека данный подход видится наиболее подходящим. В свою очередь, подобная практика

³⁰ Невирко Д.Д. Права и свободы человека и гражданина: проблемы соотношения, взаимодействия и иерархии: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 181 с.

³¹ Tehrani A.A., Dahaghi M.R. The Influence of Liberty Concepts on the Legal Classification of Constitutions and Constitutional Governments // Journal of Politics and Law. 2017. № 10 (4). P. 139–145.

³² Стремouxов А.В. Права человека. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2009. С. 212.

положительно сказывается на содержании не только прав граждан, но и на содержании прав человека в целом. Как отмечается, текстуальное повторение положений базовых международных документов является сдерживающим механизмом в отношении нарушения данных прав³³.

По мнению Б.С. Эбзеева, к политическим правам стоит относиться как к «определенному демократическому результату развития общества и правового государства, их нельзя рассматривать как предоставленные, дарованные государством»³⁴. Фактически существует определенная тенденция, свидетельствующая о взаимосвязи уровня развития демократии в государстве с уровнем реального осуществления политических прав граждан, при этом также нужно исходить из того, что политические права и свободы являются необходимой составляющей функционирования любого государства, ведь именно посредством составных частей рассматриваемой сферы правоотношений происходит реализация данных прав и, в том числе, осуществляется формирование органов государственной власти.

Переходя к подробному изучению элементов, составляющих основу политических правоотношений в современной российской действительности, нужно рассмотреть доктринальные подходы к пониманию политических прав. Так, например, А.Ю. Сибилева определяет рассматриваемые права как неотчуждаемые права и свободы гражданина, на которых базируются формирующиеся возможности участия в управлении делами государства и в политической жизни общества самостоятельно и сообща³⁵, схожего подхода придерживается и Е.А. Лукашева³⁶. Как указывают А.Т. Карасев и В.А. Мещерягина: «крайняя важность составляющих группы политических прав и свобод состоит в том, что они являются ядром правового статуса человека и гражданина, давая возможность понять, где проходит граница

³³ Афанасьева С.А. Реализация политических прав и свобод человека и гражданина (на примере города Москвы): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 218 с.

³⁴ Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005. С. 347.

³⁵ Сибилева А.Ю. Пределы регулирования политических прав граждан как предмет конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. №11 (96). С. 170.

³⁶ Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 53.

государственной власти и свободы личности, посредством правоотношений личности с государством и с другими лицами»³⁷. В свою очередь Д.К. Григорян подчеркивает особое значение исследуемой группы конституционных прав, при этом указывая, что «политические права граждан являются неременным условием функционирования всех других видов прав, поскольку они составляют органическую основу системы демократии и выступают как ценности, которыми власть должна ограничивать себя и на которые должна ориентироваться»³⁸. Приведенные подходы к пониманию политических прав являются значимыми и в полной мере раскрывающими сущность исследуемых правоотношений.

С.А. Афанасьевой выделяется два основных подхода к реализации политических прав. В соответствии с первым, который можно охарактеризовать как широкий, указанный термин рассматривается как «вовлеченность членов социально-политической общности в существующие внутри нее политические отношения и структуру власти»³⁹. При так называемом узком подходе «реализация политических прав и свобод представляется как предпринимаемые частными гражданами действия, целью которых является влияние на власть»⁴⁰. В контексте данной работы, по большей части, исследование будет склоняться в сторону узкого подхода к пониманию указанных правоотношений, однако широкому подходу, для которого свойственно вовлечение индивидов в политические отношения, также будет уделено необходимое внимание, в связи с положениями о том, что политические права принадлежат человеку не только как индивидуальному лицу, но и группам граждан, то есть являются коллективными.

³⁷ Карасев А.Т., Мещерягина В.А. Соотношение конституционного права на обращение с политическими правами и свободами // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3. С. 66.

³⁸ Григорян Д.К. Политические права личности как основа политической власти // Философия права. 2008. №4 (29). С. 89.

³⁹ Афанасьева С.А. Реализация политических прав и свобод человека и гражданина в г. Москве // Актуальные проблемы российского права. 2009. №1 (10). С. 103.

⁴⁰ Там же.

Изучение рассматриваемой темы необходимо начать с определения понятийного аппарата, а именно понять, что стоит относить к группе политических прав и свобод человека и гражданина. Так, Л.Д. Воеводин выделяет такие элементы, как: «право на участие в управлении государственными и общественными делами, право на объединение, свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций»⁴¹, при этом право на референдум наделяется самостоятельностью, а активное и пассивное избирательное право включается в группу прав на управление делами государства. В свою очередь бывший судья Конституционного суда Российской Федерации Н.В. Витрук придерживается более общего подхода и выделяет всего три группы политических прав, а именно:

- «право на участие в общественно-политической и государственной жизни страны;
- право на участие в управлении производством;
- право, обеспечивающее свободу мнений»⁴².

Данный подход является довольно обобщенным, и недостаточно полным, однако наиболее подходящим видится разделение рассматриваемой группы прав, предложенное С.А. Авакьяном. По его мнению, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, человеку гарантируются следующие политические права:

- «свобода мысли и слова;
- право на информацию;
- право на объединение;
- право на манифестации;
- право на участие в управлении делами государства и на осуществление местного самоуправления;
- избирательное право;
- право на обращение»⁴³.

⁴¹ Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М.: Изд-во Московского ун-та. 1972. С.278–279.

⁴² Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. С. 133.

Схожий перечень составных частей группы политических прав приводит и М.В. Баглай⁴⁴.

Несмотря на отнесение ведущими специалистами в области конституционных правоотношений права на информацию к числу политических прав человека, в юридической литературе до сих пор ведутся споры. Для разрешения подобных противоречий стоит обратить внимание на позицию Конституционного суда Российской Федерации⁴⁵, который, опираясь на положения ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, указывает, что право на информацию, содержащееся в ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации, корреспондирует с положениями указанных международных актов. По мнению многих представителей юридической науки, указанные положения являются составной частью права на информацию и относятся именно к группе политических прав человека⁴⁶, что, в свою очередь, позволяет в контексте данной работы использовать схожую позицию.

Стоит согласиться также с мнением С.А. Авакьяна и в части признания свободы мысли и слова в качестве основы для всех политических прав и свобод граждан⁴⁷, но лишь с той оговоркой, что термин «основа» не применяется в качестве обозначения самого значимого из остальных. В

⁴³ Авакьян Указ. соч. С. 717; Колюшин Е.И. Избирательная реформа 2020 года в свете принципов избирательного права // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С. 56.

⁴⁴ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 768 с.

⁴⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2011 № 1624-О-О «По жалобе граждан Андреевой Татьяны Алексеевны, Морозова Филиппа Владиславовича и других на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁶ См., например: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 251.; Голубок С.А., Тимофеев М.Т. Где начинается и чем кончается свобода слова: замечание общего порядка № 34 Комитета по правам человека // Международное правосудие. 2012. № 3. С. 32–36; Соколова П.В. Некоторые особенности пользования политическими правами военнослужащими // Юридический мир. 2011. № 2. С. 30–32; Авакьян С.А. указ. соч.; Хижняк В.С. Конституционное право человека и гражданина на информацию в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 222 с.; Иззатов Т.Ш. Механизм реализации конституционного права граждан на информацию в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 159 с.; Афанасьева С.А. Реализация политических прав и свобод человека и гражданина (на примере города Москвы): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 218 с.

⁴⁷ Авакьян С.А. Проблемы обеспечения конституционных публично-политических прав и свобод граждан российской федерации: новые реальности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 1. С. 4.

данном случае свобода мысли и слова выступает фундаментом для остальных прав и свобод в политической сфере, порождая и развивая их многообразие. Нужно понимать, что свободное распространение информации и идей, а также открытые дискуссии о политических разногласиях между гражданами и избранными представителями — это одна из основ демократического государства⁴⁸.

Однако, ученые все же выделяют некоторые права в данной группе в качестве важнейших для статуса личности. Так, например, Е.А. Лукашева придерживается позиции относительно главенствующей роли права на участие в управлении государственными делами, которое, как она справедливо отмечает, юридически обеспечивает включение граждан в сферу принятия и осуществления государственных решений⁴⁹. Е.В. Киричек предлагает в качестве самого значительного института политических прав рассматривать право на объединение⁵⁰. Однако все же необходимо отметить, что все перечисленные права, стоит рассматривать в их общем значении, нельзя придавать какому-либо из перечисленных прав особую значимость и статус, они важны в своей совокупности.

Важно, что отсутствие выделения того или иного права в качестве более значимого, также не будет оказывать влияния, на реализацию и развитие исследуемых правоотношений. Концепция настоящего исследования предполагает, что отдельное внимание будет уделено следующим элементам группы политических прав и свобод человека и гражданина: праву на информацию, праву на манифестации, праву на участие в управлении делами государства, а также праву на обращение. Глубина рассмотрения в рамках данного исследования отдельных политических прав и свобод человека и гражданина основана на уровне их развития и важности для правовой науки на существующем этапе развития.

⁴⁸ Yusingco M. H. Social Media, Disinformation, and the 2022 BARMM Parliamentary Elections // ASOG Working Paper 21-002. 2021. P. 6.

⁴⁹ Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 153.

⁵⁰ Киричек Е.В. Политические права и свободы граждан России: Федеральный и региональный уровни // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. №2 (24). С. 21.

Исходя из положений, о необходимости обеспечения определенности и устойчивости права, как одних из необходимых факторов эффективности конституционного законодательства⁵¹, в рамках данного параграфа необходимо также разрешить вопросы спорной терминологии рассматриваемой сферы, в связи с этим нужно указать, что в термин «манифестация» зачастую закладывается обобщающий характер по отношению к любым публичным акциям, проводимым под открытым небом. Подобные акции могут быть совсем не связаны с политикой и иметь к ней лишь косвенное отношение, либо напрямую быть политическим мероприятием. Рассматривая право на манифестации, с точки зрения предметной сущности, его реализация может быть выражена в виде протеста против политического курса или же заявления о солидарности с властями или вовсе не иметь никакого отношения к действующей в стране власти. Однако стоит отметить, что смысл права на манифестации в наибольшей степени обусловлен протестными отношениями, выражением недовольства граждан. Имеет право быть и выход граждан на манифестации с целью прославления органов власти, такая форма публичных мероприятий получила широкое распространение в советский период. Возможны также и публичные акции, не относящиеся к деятельности государственных органов, к ним можно отнести шествия, имеющие отношения к траурным датам, историческим событиям и т.д.⁵²

Стоит отметить, что в настоящее время на международном и национальном уровне в большинстве развитых государств существует унифицированный подход к правам человека, заключающийся в их восприятии как единого комплекса, общей системы, которая формирует институт правосубъектности. То есть не должно быть более важных и менее важных прав и свобод человека и гражданина, все они по-своему необходимы и являются жизненно важными для большинства развитых

⁵¹ Нарутто С.В. Определенность законодательства как гарантия прав и свобод человека и гражданина в конституционно-судебной доктрине // *Lex russica (Русский закон)*. 2018. № 10 (143). С. 41.

⁵² Авакьян С.А. Указ. соч.

стран⁵³. Но важно отметить, что значимость политических прав исходит из того, что именно их осуществление обеспечивает создание институциональных гарантий для реализации всех остальных прав в обществе⁵⁴. Также складывается ситуация, при которой права рассмотренной группы взаимосвязаны и многие их составные части являются логическим продолжением других прав этой группы. Так, например, можно утверждать, что будет верным включение права на обращение в состав права на информацию, которое, в свою очередь, выступает гарантией его реализации.

Конкретизация конституционных норм в сфере политических прав и свобод происходит посредством принятия специального нормативного регулирования. К основным нормативным правовым актам, регламентирующим подобную деятельность в Российской Федерации, стоит относить следующие Федеральные законы: «Об общественных объединениях»⁵⁵, «О политических партиях», «О системе государственной службы Российской Федерации», «О государственной гражданской службе в Российской Федерации», «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», «О выборах Президента Российской Федерации», «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации»⁵⁶, «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁵⁷, «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности

⁵³ Киричек Е.В. Социально-экономические и культурные права и свободы – важнейший элемент конституционно- правового положения (статуса) человека и гражданина в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 1 (19). С. 48.

⁵⁴ Лапаева В.В. Критерии ограничения прав граждан Российской Федерации на политическое объединение (в свете европейских стандартов правовой демократии) // Права человека: теория, история, практика. 2014. С. 110.

⁵⁵ СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 777.

⁵⁶ Федеральный закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» от 13.01.1995 № 7-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 170.

⁵⁷ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.12.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами»⁵⁸, а также, Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»⁵⁹ и Указ Президента Российской Федерации от 05.04.1994 № 662 «О порядке опубликования и вступления в силу Федеральных законов»⁶⁰.

Отдельно необходимо подчеркнуть значимость решений Президента Российской Федерации, которые в сложившейся практике имеют одно из важнейших значений для определения вектора развития всей правовой системы России, так учеными подчеркивается, что подобная комплексность полномочий Президента Российской Федерации в исследуемой области правоотношений оказывает, в том числе, большое воздействие на многие сферы общественного бытия⁶¹.

В связи с этим стоит отметить, что одним из важнейших российских институтов, на который возложена обязанность по обеспечению устойчивого развития государства, согласно ст. 80 Конституции Российской Федерации, является институт президентства. Президент Российской Федерации является гарантом Конституции, а также прав и свобод человека и гражданина. В соответствии с той же ст. 80 Конституции, на Президента возложена обязанность по охране суверенитета Российской Федерации. Указанный комплекс прав и обязанностей, в совокупности с российской действительностью, наделяет Президента специфическим статусом, в соответствии с которым он фактически является основным органом власти, координирующим механизмы реализации политических прав в стране. Так, указы Президента Российской Федерации утверждают стратегии национального развития на долгосрочную перспективу, в положениях

⁵⁸ Федеральный закон от 12.05.2009 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2392.

⁵⁹ Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 18.04.2018, с изм. от 17.01.2019) «О средствах массовой информации» // РГ. 1992. № 32.

⁶⁰ Указ Президента Российской Федерации от 05.04.1994 № 662 (ред. от 01.04.2015) «О порядке опубликования и вступления в силу Федеральных законов» // РГ. 1994. № 64.

⁶¹ См., например: Окуньков Л.А. Президент и Правительство (в механизме государственной власти) // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 9; Барциц И.Н. Конституционно-правовое обеспечение реформы государственного управления // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 24. С. 2–10.

которых уделяется внимание и развитию различных институтов политических прав граждан⁶². Президентом, в том числе, большое внимание уделяется и вопросам цифровизации. Так, Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204⁶³, одной из главных национальных целей развития Российской Федерации устанавливает ускорение технологического развития России и обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономику и социальную сферу страны. Данный указ видится не только крайне важным для успешного развития цифровых технологий в России, ведь фактически он относит данную стратегическую цель к ряду важнейших в государстве, но также признает и ведущую роль информационно-телекоммуникационных сетей в развитии будущей экономики.

В национальных законодательствах стран существуют различные подходы к закреплению группы политических прав⁶⁴. Как оценивается правоведами, совпадение формулировок, содержащихся в международных документах, с формулировками, декларируемыми на национальном уровне, свидетельствует об уровне демократизации государства⁶⁵. Довольно часто подобная позиция аргументируется соотношением распространения регулятивных норм на иностранных граждан, находящихся на территории страны на законных основаниях.

Рассматривая терминологическую составляющую политических прав, стоит отметить, что в некоторых странах законодатель идет по пути расширительного толкования международных норм — например, Бразилия и

⁶² См., например: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 29.05.2020 г. № 344 // СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3475; Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

⁶³ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

⁶⁴ См. например: Joseph S. Social Media, Human Rights and Political Change // Boston College International & Comparative Law Review, Vol. 35. 2012. P. 145–188; Bailleux A. Human rights in network // Journal européen des droits de l'homme, Vol. 3. 2014. P. 293–325.

⁶⁵ Афанасьева С.А. Указ. соч. С. 34.

Франция, в целях развития правовых норм в части правоотношений в сфере объединений граждан, на конституционно-правовом уровне закрепляют право гражданина выступать в роли инициатора создания политических партий. В свою очередь, Россия и Китай, напротив, даже не используют термина «политическая партия» в своих конституциях⁶⁶.

Важным аспектом при реализации политических прав гражданина представляется принцип народовластия, который закреплен в положениях Конституции Российской Федерации, а именно в ст. 3, в которой содержится положение о том, что единственным источником власти в стране является ее многонациональный народ⁶⁷. Важность данного положения состоит в том, что именно посредством реализации политических прав воля народа становится волей всего государства, что также отражает демократичный характер страны.

В то же время существуют определенные тенденции нормативного регулирования, возникающие из-за ускорения технологического развития общества. При этом нельзя сказать, что существующее российское конституционно-правовое законодательство охватывает все правовые механизмы, связанные с политическими правами, существующими в обществе. Эволюция научно-технического прогресса, а также использование его результатов в жизнедеятельности индивида, непременно порождает новые, не изученные правовые конструкции. Данное утверждение в полном объеме применимо и к сфере политических правоотношений. В настоящее время подобным катализатором развития выступает информационно-телекоммуникационная сеть Интернет. Важно понимать, что развитие механизмов реализации политических прав и свобод с использованием возможностей цифрового пространства, несет в себе как существенные положительные аспекты, так и значительные негативные последствия. Рассмотрение существующих механизмов реализации указанной сферы

⁶⁶ Афанасьева С.А. Политические права человека и политические права гражданина: соотношение категорий // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. 2016. С. 23.

правоотношений безусловно находится в рамках интереса конституционно-правовой науки, при этом, представляется не столь значительным, конкретизация места осуществления рассматриваемой сферы, а именно в цифровом пространстве или в привычном, офлайн формате.

Справедливо будет отметить, что объем правоотношений, которые осуществляются в сети Интернет с момента принятия действующей Конституции Российской Федерации, вырос многократно. Это, в свою очередь, порождает большое количество новых, можно сказать, дополнительных и вспомогательных, прав и обязанностей, налагающих определенные ограничения как на деятельность индивида, так и на деятельность органов государственной власти и местного самоуправления.

Также стоит обозначить некоторые аспекты государственно-правового регулирования, возникающие при деятельности федеральных органов власти в сфере реализации политических прав граждан. В соответствии с положениями ст. 18 Конституции 1993 года «права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность органов публичной власти». Соблюдение прав и свобод человека и гражданина на территории России обеспечивается органами правосудия, органами законодательной и исполнительной власти, различными общественными организациями, консультативно-совещательными органами, должностными лицами и иными общественными институтами.

Существуют разные мнения относительно подходов к пониманию и применению терминологии в сфере реализации прав и свобод человека и гражданина. Например, С.С. Алексеев, утверждает, что в данный термин необходимо включать возможности поведения человека и обязанных лиц, с целью претворения норм права в жизнь⁶⁸. В свою очередь, под механизмом реализации прав и свобод человека, по мнению К.Б. Толкачева, стоит

⁶⁸ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С. 91.

понимать определенную систему средств и факторов, обеспечивающих необходимые условия уважения всех прав и основных свобод человека, вытекающих из достоинства, присущего человеческой личности, и являющихся существенными для ее свободного и полного развития⁶⁹. И.Ю. Крылатова в данный термин включает систему последовательных действий субъектов реализации права (граждан, других участников правовых отношений) по воплощению в жизнь предписаний норм о правах человека⁷⁰.

Осуществление политических прав и свобод гражданина в юридических источниках определяется как регламентированный правовыми нормами процесс, обеспечивающий каждому гражданину те материальные и духовные блага, которые лежат в основе принадлежащих ему субъективных прав, а также защиту этих прав от любых посягательств⁷¹.

Основываясь на вышеперечисленных подходах, можно указать, что механизмы реализации политических прав и свобод — это практическая деятельность субъектов правоотношений, направленная на реализацию юридически закрепленных норм в сфере политических прав.

Важно учитывать, что уровень конституционно-правового развития механизмов реализации институтов политических прав напрямую взаимосвязан с уровнем развития иных групп основных прав. При этом важным также является уровень развития демократических процессов в обществе и реальный уровень реализации декларируемых государством норм. Полнота реализации юридически закрепленных норм зависит прежде всего от содержания правового регулирования, своевременность принятия которого зависит от действий со стороны органов, осуществляющих функции по реализации прав и свобод человека и гражданина.

Специфическим явлением при рассмотрении подобных механизмов стоит указать юридическое содействие, под которым понимается

⁶⁹ Толкачев К.Б. Теоретико-методологические основания реализации личных конституционных прав и свобод человека и гражданина: дисс. ... доктора юрид. наук. СПб., 1998. С.139.

⁷⁰ Крылатова И.Ю. Механизм реализации и защиты прав человека в Российской Федерации: понятие, сущность, структура, формы // Антиномии. 2014. №14 (3). С. 216.

⁷¹ Бутылин В.К, Гончаров И.В. Обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел. М.: Альянс, 2012. С. 67.

«реализуемая различными субъектами в предусмотренных позитивным правом видах и формах в качестве основной либо вспомогательной функции непринудительная в отношении получателя профессиональная юридическая деятельность, способствующая средствами юридического характера беспрепятственной реализации их прав и законных интересов»⁷². Иными словами, применительно к сфере политических правоотношений к данному понятию стоит относить деятельность государственных и муниципальных органов, а также должностных лиц, которая способствует реализации политических прав и свобод человека и гражданина.

Обобщая вышесказанное, можно к числу основных и действенных механизмов реализации политических прав в России отнести: активное и пассивное избирательное право, свободу выражения мнений, право на свободу манифестаций, право на информацию, право на управление делами государства, возможность доступа к средствам массовой информации, свободу объединений, возможность отправления правосудия, право на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления. Некоторые механизмы из данного перечня будут подробно рассмотрены в рамках данной работы ввиду их особой значимости при использовании сети Интернет.

Подводя итог, стоит указать, что в современных условиях отнесение права на информацию к группе политических прав человека полностью оправданно и закономерно. Важность группы политических прав состоит в равном по юридической силе значении, то есть нельзя предавать какому-либо из них особую значимость и статус, для правового статуса личности они важны в своей совокупности.

⁷² Панченко В.Ю. Юридическое содействие реализации прав и законных интересов: Методология, теория, правовая политика. М.: Орбита-М, 2015. С.146.

1. 2. Эволюция правового регулирования деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет

Стремительное развитие информационных технологий с каждым годом оказывает все более значительное влияние на различные правоотношения, а информационно-телекоммуникационная сеть Интернет перестает быть обычным средством развлечения и становится необходимой составляющей жизнедеятельности людей, некоторые авторы уже называют этот процесс информационной революцией⁷³. Всемирная сеть все больше похожа на виртуальное отражение повседневной реальности, цифровизация становится одной из основных стратегических целей развития государств⁷⁴. Различные государственные институты все чаще начинают пользоваться потенциалом и возможностями Всемирной паутины, что находит свое отражение в правовых нормах⁷⁵. Российский законодатель идет по пути постепенного внедрения нового нормативного регулирования отношений, развивающихся в онлайн-среде, при этом все больше затрагивая конституционные права граждан⁷⁶. Подобная деятельность несет в себе безусловные положительные результаты, однако отмечаются и специфические негативные тенденции, которые будут рассмотрены в дальнейшем⁷⁷.

В юридической науке набирают популярность работы, связанные с реализацией прав человека в сети Интернет, при этом актуальность данных исследований обусловлена не только новизной рассматриваемой сферы правоотношений, но и быстротой развития множества новых процессов,

⁷³ Шапова А.А. Особенности правового регулирования конституционного права каждого производить информацию в сети «интернет» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2020. №1. С. 114.

⁷⁴ См., например: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

⁷⁵ Pildes R.H. Participation and Polarization // Penn. J. of Constitutional Law, NYU School of Law, Public Law Research Paper №. 20–34. 2020. P. 340–408.

⁷⁶ См., например: Овчинников А.И., Фатхи В.И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. №3 (90). С. 104.

⁷⁷ Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 26.

которые нуждаются в своевременном нормативном регулировании⁷⁸. Например, авторы указывают на опасность новых технологий для классической теории права⁷⁹, на пагубное влияние Интернета на психическое развитие детей⁸⁰, на развитие Интернет-травли⁸¹, на необходимость криминализации хранения Интернет-контента⁸², на потенциал технологии блокчейн⁸³, на распространение ложной информации⁸⁴, проблематику в сфере цифровой социализации⁸⁵. Все вышеперечисленное является лишь малой частью вызовов, на которые стоит ответить представителям современной юридической науки. Однако, углубляясь в изучение вышеперечисленных правоотношений,

Права человека, как известно, имеют историческую основу, под этим понимается, что содержание правового статуса личности будет различным в зависимости от исторического момента. Это особенно актуально в рамках данной работы, поскольку изменения, связанные с использованием сети Интернет, безусловно, оказывают сильное влияние на понимание и расширение прав и свобод человека и гражданина. В связи с чем даже выдвигаются теории о необходимости формулирования группы прав человека, связанных с использованием новых технологий и относящихся к правам пятого поколения⁸⁶.

Роль сети Интернет в жизни общества сложно недооценивать, однако необходимым является изучение становления и развития конституционно-

⁷⁸ Оспанов Т.А. К вопросу о политической конкуренции в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 33–37.

⁷⁹ Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы. / Э.В. Талапина. – М.: Журнал российского права, № 2 (254). 2018. С. 6.

⁸⁰ Гольдяпина И.Ю. Законодательство России в области обеспечения информационной безопасности детей // Эпоха науки. 2017. №12. С. 19.

⁸¹ Chouhan D. S. Cyberbullying: the scale of the problem in adults & children // International Journal of Research. 2019. Volume 8. № 6. P. 1502–1510.

⁸² Кобзева С.В. Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет // Информационное право. 2017. №2. С. 11.

⁸³ Ивакушкин К.М. Блокчейн для существующих и новых моделей бизнеса. / К.М. Ивакушкин. – Сб.: мат. конф. «Технологии блокчейна». – 28.02.2017 г.

⁸⁴ Clemens S. From Fairness to Fake News: How Regulations Can Restore Public Trust in the Media // Concordia Law Review. 2020. Vol. 5. № 1. P. 219–275

⁸⁵ Попова А.В. Цифровая социализация, теговое мышление и современный образовательный процесс в государственно-правовом измерении // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 50–69.

⁸⁶ Goulart G. The Impact of New Technologies in Human and Fundamental Rights: Internet Access and Freedom of Speech // Revista Direitos Emergentes na Sociedade Global, Vol. 1. № 1. 2012. P. 147.

правового регулирования данной сферы общественных отношений. Соображения о необходимости нормативного регулирования прав человека, существующих в симбиозе с информационными технологиями, ученые правоведы высказывали довольно давно, особенный акцент делался на необходимости принятия специального закона о государственной политике, по отношению к глобальной сети⁸⁷, однако на сегодняшний день подобный закон так и не принят и в целом его принятие видится крайне затруднительным, в первую очередь, из-за содержания положений, оказывающих влияние на сеть Интернет, в различных нормативных правовых актах. Все же вопрос о необходимости специального отраслевого закона все еще является важным и актуальным, особенно в свете всеобщей цифровизации.

Возникновение права на доступ к Интернету, безусловно, связано с развитием науки и технологий. С учетом того, что Интернет стал доступным широким массам только лишь в начале 90-х годов 20 века, сама возможность формирования и закрепления данного права и его переход в разряд фундаментальных в столь короткие сроки является большим заблуждением. Конечно, эта технология пользуется огромной популярностью во всем мире и число пользователей растет в геометрической прогрессии, но все же даже для такой технологии срок является крайне малым⁸⁸.

Для начала надо определить, что стоит включать в содержание термина Интернет. В российском законодательстве отсутствует легальный термин понятия Интернет, однако в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» содержится понятие информационно-телекоммуникационной сети, одной из разновидностей которой и является Интернет. Под информационно-телекоммуникационной сетью понимается следующее: «технологическая система, предназначенная для передачи по

⁸⁷ Алферов О.Л. Право и Интернет (обзор) // Теория и практика общественно-научной информации. 2002. № 17. С. 237.

⁸⁸ Rastegari S., Dehkordi S. Protection of consumer rights in Cyberspace // New Marketing Research Journal. 2013. Specialissue. p. 81–99.

линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники». Данная терминология в полном объеме не раскрывает содержания рассматриваемых правоотношений.

Согласно Большому энциклопедическому словарю, сеть Интернет (от англ. Internet, лат. inter – между и net – сеть, сетка) — Всемирная компьютерная сеть электронной связи, позволяющая пользователям персональных компьютеров, находясь на любом расстоянии, в любой точке земного шара, иметь связь друг с другом, принимать и передавать текстовую и изобразительную информации⁸⁹. Стоит отметить содержательное определение С.Н. Петровского, согласно которому Интернет — это «международная сеть электросвязи общего пользования, предназначенная для обмена машиночитаемыми сообщениями (данными), то есть сведениями об окружающем мире, его объектах, процессах и явлениях, объективированных в форме, позволяющей провести их непосредственную машинную обработку»⁹⁰.

Учеными выделяется ряд признаков, характеризующих сущность понятия Интернет, обобщая эти признаки, можно указать следующее: Интернет – это технологическая система, основной функцией которой является передача информации со специальным режимом доступа, который обеспечивается с применением средств вычислительной техники⁹¹.

В целом приведенные определения и признаки довольно содержательны, однако не в полной мере описывают аспекты существования сети Интернет, следовательно, можно предложить следующее определение сети Интернет – это глобальный канал обмена информацией, позволяющий пользователям при помощи средств связи осуществлять коммуникацию и иные действия, с учетом юрисдикции местоположения пользователя.

⁸⁹ Большой энциклопедический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82>.

⁹⁰ Петровский С.В. Интернет-услуги в российском праве. М.: Издат. сервис, 2003. С. 18.

⁹¹ Рахманина Н.В. Понятие Интернета и проблемы, связанные с оказанием финансовых интернет-услуг // Legal Concept. 2015. № 4. С. 108.

Предложенный термин достаточно подробно описывает основные составляющие рассматриваемого механизма и выработан с учетом многих факторов.

По мнению А.И. Хуснутдинова, под доступом в Интернет понимается «возможность подключения к сети Интернет, а также возможность пользования ее ресурсами и самостоятельного распространения информации»⁹². Данный подход полностью отражает существующую действительность и не нуждается в конкретизации.

При изучении влияния информационной сети Интернет важно определить, какая из групп основных прав человека оказывает наибольшее влияние на правоотношения, возникающие в связи с ее использованием. Самая часто встречающаяся теория существования права на доступ к Интернету заключается в признании данного права составной частью права на информацию⁹³, что на нынешнем этапе развития общества является довольно обоснованным подходом. В свою очередь, в контексте данного исследования право на информацию будет рассматриваться как составная часть политических прав человека.

Постепенное увеличение влияния Интернета на реализацию прав человека повлекло за собой попытки нормативного закрепления права на Интернет. Некоторые государства декларируют основополагающий характер доступа к Интернету в контексте права на информацию, однако практика государств в этой области не является последовательной или достаточно широко распространенной. Далеко не все государства решаются взять на себя такую ответственность и обеспечить реализацию права на доступ к Сети. В законодательстве некоторых стран, которые можно назвать самыми прогрессивными в регулировании рассматриваемой тематики, существует нормативное закрепление права на Интернет на конституционном уровне. Действуя подобным образом, конституционный законодатель следует

⁹² Хуснутдинов А.И. Право на доступ в Интернет – новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4 (119). С. 112.

⁹³ Талапина Э.В. Указ. соч.

логическим принципам, ведь фактически одной из самых главных целей информационной сети Интернет является именно распространение и обеспечение доступа к информации.

В целом при рассмотрении возможности реализации политических прав в сети Интернет стоит рассмотреть возможность использования термина «право на доступ в Интернет» как необходимую составляющую подобной деятельности. В правовых источниках уже сложились определенные подходы к пониманию данных правоотношений.

Первая попытка закрепления права на доступ к Интернету в мировой практике была предпринята в Эстонии в 2000 году, когда был принят Закон о публичной информации⁹⁴, утверждающий доступ к Интернету в качестве одного из основных прав человека. Согласно положениям этого Закона, «в массовых библиотеках для всех лиц должен быть обеспечен посредством Интернета свободный доступ к публичной информации». Исходя из формулировки данных положений, можно сделать вывод, что эстонский законодатель рассматривал Интернет только в качестве вспомогательного права, целью которого является упрощение реализации других прав. Закон имел большое значение для дальнейшего развития правовых норм, регулирующих данную сферу в этой стране. В дальнейшем это привело к тому, что сейчас Эстония обладает уникальным опытом проведения голосования на выборах в федеральный парламент посредством сети Интернет.

По-настоящему существенной попыткой закрепить рассматриваемое право на уровне конституционно-правового законодательства стоит считать внесение гарантии доступа к Интернету в проект Конституции Исландии в 2011 году. Данный проект содержал следующую формулировку: «Правительство гарантирует условия, способствующие открытому и информированному общественному обсуждению. Доступ к Интернету и информационным технологиям ограничивается только по решению суда и на

⁹⁴ Public Information Act. 2000. // URL: [https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/518012016001/..](https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/518012016001/)

тех же существенных условиях, которые применяются к ограничениям свободы выражения мнений».

Впервые право на доступ к Интернету, гарантированное государством, появилось в положении Конституции Мексики, подобные изменения были внесены в 2015 году и содержатся в первой части, посвященной правам человека и их гарантиям. Формулируется положение о доступе в Сеть следующим образом: «Государство гарантирует доступ к информационно-коммуникационным технологиям, доступ к услугам радиовещания, телекоммуникаций и широкополосного доступа в Интернет. С этой целью государство устанавливает эффективные конкурентные условия для предоставления таких услуг»⁹⁵. Можно увидеть, что Основной закон Мексики наделяет рассматриваемое право самостоятельностью, не делая его составной частью права на информацию. Важность данного положения сложно переоценить, фактически оно указывает на признание права на доступ к Интернету и отнесении его к ряду фундаментальных прав, а гарантирование их реализации со стороны государства не дает юридической возможности их умаления⁹⁶.

Право на доступ и свободное пользование Интернетом содержит Конституция Грузии⁹⁷, дополнения, содержащие эти положения были внесены в 2018 году. В Конституциях Турции, Новой Зеландии и конституционных актах Великобритании встречается термин Интернет, однако, он используется для регулирования отношений в сети Интернет и не связан с декларацией права на доступ к Сети⁹⁸.

Крайне важно обращать повышенное внимание на уже существующий опыт закрепления каких-либо прав на конституционном уровне, ведь нужно помнить про одну из важнейших функций права, которая стимулирует и

⁹⁵ Конституция Мексиканских Соединенных Штатов от 05.02.1917 г. URL: <https://gotomexico.today/mexico/people/1744.html>.

⁹⁶ Maqueo M. S. El derecho al olvido digital desde la perspectiva de la Unión Europea y la viabilidad de su extrapolación al caso de México // Latin American Law Review. 2019. № 3. P. 79–97.

⁹⁷ Конституция Грузии от 24.08.1995 г. // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=35>.

⁹⁸ Конституция Турецкой Республики от 07.11.1982 г. // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=84>.

поощряет развитие новых правоотношений. В случае с правом на Интернет, она должна оказывать воздействие на государственные институты и влиять на развитие не только самих информационных технологий и их инфраструктуры, но также оказывать крайне положительное влияние на доступ и возможность распространения информации.

Стимулирующая функция в правовой среде рассматривается как деятельность стимулирующих и стимулируемых объектов, направленная на улучшение юридической системы, в которую входят механизмы реализации прав и свобод. Стимулирующая функция существует наряду с охранительной и регулятивной, при этом отмечается, что в основе реализации стимулирующей функции находится поощрение⁹⁹. Таким образом, эту функцию можно рассматривать как противопоставление санкциям, заключающееся в виде поощрений и льгот. Поощрение в праве является формой положительной оценки поведения индивида государством, несущей благоприятные последствия¹⁰⁰.

В Конституциях других стран присутствуют положения, которые косвенно связаны с использованием сети Интернет, однако не называют конкретно право на ее использование, а имеют лишь схожие формулировки. Например, похожие положения присутствуют в Конституциях Португалии и Греции. В ч. 6 ст. 35 Основного закона Португалии закреплено, что: «Каждому гарантируется свободный доступ к информационным сетям общественного пользования»¹⁰¹. В Конституции Греции в статье 5А, закреплено право, имеющее не прямое отношение к праву на доступ в Интернет, а именно: «Все лица имеют право на участие в информационном обществе. Облегчение доступа к информации, передаваемой электронными

⁹⁹ Медведев С.М. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ // Мир политики и социологии. 2012. № 11. С. 77.

¹⁰⁰ Лебедева Е.Н. Взаимовлияние юридических дозволений и стимулирующей функции права // Вестник саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 135.

¹⁰¹ Конституция Португальской Республики от 02.04.1976 г. // URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/portugal/portug-r.htm.

способами, а также ее производство, обмен и распространение является обязанностью государства»¹⁰².

О праве на доступ к Интернету на международном уровне впервые высказался специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франк Ла Рю (Frank La Rue). Так, в своем докладе в мае 2011 года он заявил, что: «облегчение доступа к Интернету для всех лиц, с минимальным ограничением к содержанию онлайн-контента, насколько это возможно, должны быть приоритетом для всех государств»¹⁰³. Данное заявление вызвало серьезную дискуссию, и многие даже охарактеризовали его майский доклад как провозглашающий «право человека на интернет». В действительности в своих докладах специальный докладчик проводил гораздо более тонкие различия. Он подчеркнул важность доступа к Интернету, как для свободы выражения мнений, так и для социальных, политических прав, свободы собраний и объединений. При этом он осудил определенные виды практики, которые «полностью ограничивают доступ к Интернету», что не отвечает принципу соразмерности и нарушает статью 19 Международного пакта о гражданских и политических правах¹⁰⁴ (далее – МПГПП). Доклад Ла Рю вызвал острые дискуссии о взаимосвязи прав человека и новых технологий. Учеными высказывались определенные опасения, касательно обесценивания прав человека, например, Филипп Алстон (Philip Alston) высказал мнение, что «распространение новых прав, скорее всего, будет способствовать серьезной девальвации ценности прав человека»¹⁰⁵.

Винтон Серф (Vinton Gray Cerf) после опубликования данного доклада высказал мнение, что Интернет является средством обеспечения

¹⁰² Конституция Греческой республики от 11.06.1975 г. // URL: <http://www.hellenicparliament.gr/en/Vouli-ton-Ellinon/To-Politevma/Syntagma/>.

¹⁰³ La Rue F. Report of the Special Rapporteur on the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression, Frank La Rue: addendum // A/HRC/17/27/Add.2 URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:9sp-o8LQsUJ:https://digitallibrary.un.org/record/700120%3Fln%3Dru+%&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=safari>.

¹⁰⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

¹⁰⁵ Alston Ph. Conjuring Up New Human Rights: A Proposal For Quality Control // American Journal of International Law. 1984. Vol. 78. № 3. P. 607, 614.

прав, а не самим правом¹⁰⁶. Он также утверждал, что к категории прав человека нужно относить только то, что действительно необходимо человеку для жизни. Безусловно, данная точка зрения заслуживает внимания, однако не стоит забывать о значении рассматриваемой технологии в современном мире. С каждым годом все больше аспектов жизни человека зависит от Интернета, он переходит из разряда просто технологии в жизненную необходимость, значительно облегчая и упрощая жизнь своим пользователям.

Вопросы, связанные с регулированием права на Интернет, не могли обойти стороной и Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), у которого существует широкая судебная практика, касающаяся вопросов так или иначе связанных с регулированием прав человека в рассматриваемой сфере. Судья ЕСПЧ М.Л. Трайковска (Mirjana Trajkovska) подчеркивает, что Интернет в геометрической прогрессии увеличивает возможности нарушения прав человека¹⁰⁷. Авторы выделяют основные категории споров, рассматриваемых Европейским судом по вопросам, связанным с использованием интернет-пространства, так, например, Е.Е. Юркина перечисляет следующие категории дел: споры в отношении доменов; блокировка сайтов; ответственность порталов за комментарии и модерирование форумов; личная жизнь в Интернете (контроль работодателем личной переписки на рабочем месте)¹⁰⁸.

Также в соответствии с решениями ЕСПЧ, можно определить конкретные рамки понятия частной жизни, которые стоит понимать в онлайн-контексте, а именно: персональные данные человека; информация, содержащая личные данные; имя человека; тайна связи (в контексте онлайн-связи); права, связанные с изображениями человека. Европейский суд уже два раза выпускал обзор практики по делам, связанным с Интернетом, в 2011

¹⁰⁶ Cerf V.G. Internet Access Is Not a Human Right. // URL: http://www.nytimes.com/2012/01/05/opinion/internet-access-is-not-a-human-right.html?_r.

¹⁰⁷ Trajkovska M.L. Privacy, freedom of expression and internet // *Mélanges en l'honneur de Essays in honor of Dean Spielmann*. Oisterwijk: Wolf legal publishers. 2015. P. 335–342.

¹⁰⁸ Юркина Е.Е. Европейская конвенция о защите прав человека и Интернет // *Прецеденты Европейского суда по правам человека*. 2018. № 1. С. 17.

году вышла пилотная версия, обновленную подготовили в 2015 году, что в очередной раз свидетельствует о значимости сферы рассматриваемых правоотношений.

Бывший судья ЕСПЧ от Российской Федерации А.И. Ковлер в одной из своих статей, касающейся эволютивного толкования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция)¹⁰⁹, высказывает идею о том, что появление новых технологий (Интернета, электронной и мобильной почты, скрытых видеокамер, GPS, кабельного и спутникового телевидения) создает как небывалые возможности для развития, так и новые опасности в сфере частной жизни¹¹⁰. Он также отмечает, что на эти опасности Суд своевременно реагирует своими постановлениями. Так, например, в деле Янковскис против Литвы¹¹¹, где заявителю, который являлся заключенным, было отказано в доступе к сайту Министерства образования, что лишало его права на получение информации и, как следствие, права на образование. Суд указал на нарушение ст. 10 Европейской Конвенции, гарантирующей свободу выражения мнений. В деле Калда против Эстонии¹¹² осужденному был ограничен доступ к сайту, на котором содержалась правовая информация, суд также обнаружил нарушение статьи 10. Суд указал, что у государств, являющихся членами Совета Европы, нет обязанности предоставлять заключенным доступ к Интернету, однако если государство разрешило такой доступ, то оно должно мотивировать причины отказа в доступе к определенным сайтам.

Как неоднократно указывал в своей практике ЕСПЧ, ограничение права, закрепленного в ст. 10, может допускаться только если вмешательство

¹⁰⁹ СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹¹⁰ Ковлер А.И. Эволютивное толкование Европейской Конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский суд по правам человека как субъект толкования права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 96.

¹¹¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 17.01.2018 г. по делу «Янковскис (Jankovskis) против Литвы» (application № 21575/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 1.

¹¹² Постановление Европейского Суда по правам человека от 19.01.2016 г. по делу «Калда (Kalda) против Эстонии» (application № 17429/10) // Бюллетень Европейского Суда по правам человек. 2016. № 6.

со стороны государства является «необходимым в демократическом обществе» и содержит соответствующую мотивировку¹¹³.

Одним из основных обстоятельств, являющихся крайне значимым при изучении обширной практики Европейского суда по делам, связанным с использованием сети Интернет, является позиция суда, сформулированная при рассмотрении дела Редакция газеты «Правое дело» и Штекель против Украины¹¹⁴, а именно то обстоятельство, что вред, причиненный публикацией, размещенной с использованием сети Интернет, является потенциально более опасным, нежели в обычной печатной прессе.

Стоит обратить внимание на интересный опыт судебной практики конституционной палаты Верховного суда Коста-Рики. В решении по делу № 10627 от 18 июня 2010 года¹¹⁵ суд указал на обязанность государства в содействии организации доступа к новым технологиям всех граждан страны, отметив важность использования новых технологий в контроле за работой государственных органов, проведении выборов, свободы выражения мнений и т.д.

В 2011 году был принят Модельный закон СНГ «Об основах регулирования Интернета»¹¹⁶, который устанавливал основные направления регулирования отношений, связанных с информационной сетью Интернет. Однако, как указывают авторы, несмотря на свой прогрессивный характер, данный акт никак не был учтен государствами-членами Содружества Независимых Государств в национальном законодательстве¹¹⁷.

¹¹³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 21.07.2005 г. по делу «Гринберг (Greenberg) против России» (application № 23472/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 12.; Постановление Европейского Суда по правам человека от 07.12.1976 г. по делу «Хэндисайд (Handyside) против Великобритании» (application 5493/72) // URL: http://eur.court.eu/uploads/ECHR_Handyside_v_the_United_Kingdom_07_12_1976.pdf.

¹¹⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 05.05.2011 г. по делу «Редакция газеты «Правое дело» и Штекель (Editorial Board of Pravoye Delo and Shtekel) против Украины» (application № 33014/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 11.

¹¹⁵ Sala Constitucional Resolución № 10627 – 2010. // URL: http://jurisprudencia.poderjudicial.go.cr/SCIJ_PJ/busqueda/jurisprudencia/jur_Documento.aspx?param1=Ficha_Sentencia¶m2=1&nValor1=1&nValor2=483875&tem1=Internet&strTipM=T&lResultado=8&strTem=ReTem.

¹¹⁶ Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2011. № 51. С. 191–198.

¹¹⁷ Шатилина А.С. Права человека в Интернете: проблема признания права на доступ к Интернету // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 1. С. 19–23.

Некоторые авторы указывают на важность положений, содержащихся в статье 19 МПГПП для развития права на доступ к Интернету. Так, американская исследовательница Молли Лэнд выделяет ряд принципов, вытекающих из содержания статьи 19 МПГПП, и утверждает, что они закладывают основу для формирующегося «международного права на Интернет»¹¹⁸. Она утверждает, что механизмы реализации прав не менее важны, чем сами права. Признание важности механизмов, которые используются при реализации права на доступ к Интернету, а также возможностей, которые несёт в себе использование доступа к Интернету, в целях реализации других прав, может сыграть важную роль в развитии всего спектра публичных прав.

Право на доступ к Интернету в российском законодательстве стоит рассматривать в связке с правом на доступ к информации, которое гарантируется ч. 4 ст. 29 Конституции России. Также важными являются положения ч. 1 ст. 30 Конституции России, которые гарантируют право на свободу объединения. В настоящее время существует огромное количество Интернет-ресурсов, задачей которых является объединение граждан по различным признакам и преследующих разные цели. Неопределенность данного вопроса может вызывать большое количество неразрешимых разногласий, проблем и споров.

О конкретизации в Конституции права на Интернет-сообщества рассуждает и С.А. Авакьян, который указывает на необходимость конституционной основы для новых вариантов реализации традиционно известных публичных прав¹¹⁹.

Немаловажным остается вопрос и о качестве распространяемой в Интернете информации. Специалисты из различных областей права уже акцентируют внимание на проблеме содержания информации на Интернет-ресурсах, созданных для объединения граждан. Например, медицинские

¹¹⁸ Molly K. Land. Toward an International Law of the Internet // Harvard International Law Journal. 2013. № 54. P. 182.

¹¹⁹ Авакьян С.А. Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 года // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 24.

специалисты обеспокоены такой проблемой, как распространение неправильной информации о симптоматике и лечении различных заболеваний¹²⁰.

На уровне федерального законодательства стоит обратить внимание на ст. 57 Федерального закона № 126-ФЗ от 07.07.2003 «О связи»¹²¹, в которой перечислены гарантии на доступ и оказание универсальных услуг связи, в том числе упоминается об использовании точек доступа к сети Интернет. В данной статье указывается на необходимость установки устройств для доступа к сети Интернет в населенных пунктах с численностью не менее чем двести пятьдесят человек. Некоторые ученые высказывают опасения, что формулировки, содержащиеся в рассматриваемом законе, являются слишком конкретизированными и приводят доводы в пользу их упрощения¹²². Например, в статье содержатся нормы, указывающие на необходимость создания волоконно-оптической линии для каждого населенного пункта несмотря на то, что в настоящий момент уже существуют более дешевые и современные способы создания в населенных пунктах общественных точек доступа. В том числе для реализации положений данной статьи был создан проект по устранению цифрового неравенства, реализацией которого занимается Ростелеком. По словам министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации К.Ю. Носкова, по состоянию на февраль 2019 года, в целях реализации данной программы подключено 8000 из 14000 населенных пунктов с численностью населения от 250 до 500 жителей¹²³.

С целью формирования новых форм экономической деятельности, повышения качества предоставления услуг, повышения эффективности

¹²⁰ Горнов Д.М., Ермолаева Е.В. Социальные сети как пространство взаимодействия субъектов медицины // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. № 1. С. 125.

¹²¹ СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

¹²² См., например: Reglitz M., Rudnik A. Internet access as a right for realizing the human right to adequate mental (and other) health care // International Journal of Mental Health. 2020. № 49. P. 97–103; Протопопова В.Ф., Леонтьев Н.А. Проблема обеспечения высокоскоростным доступом к сети Интернет Усть-Майского улуса Якутии // Наука и образование: новое время. 2017. № 3 (20). С. 109.

¹²³ Константин Носков рассказал о ходе устранения цифрового неравенства // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 2019. 14 февраля. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/38782/>.

государственного или муниципального управления, для ускоренного появления и внедрения новых продуктов и услуг в сферах применения цифровых инноваций, а также создания благоприятных условий для разработки и внедрения цифровых инноваций в России был принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 258 «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹²⁴. Также важно отметить, что одними из основополагающих принципов, декларируемых упомянутым законом, являются недопустимость ограничения конституционных прав и свобод граждан и обеспечение безопасности личности, общества и государства.

Фактическими механизмами достижения указанных целей и принципов является установка специальных исключений, позволяющих субъектам на определенном временном промежутке протестировать инновационные продукты и услуги без риска нарушения норм законодательства¹²⁵. Подобный механизм получил название «регуляторная песочница» (regulatory sandbox) и впервые был осуществлен в Великобритании в 2015 году¹²⁶. В настоящий момент более 80% компаний, участвовавших в «регуляторной песочнице», функционируют, что свидетельствует об эффективности рассматриваемого института¹²⁷.

Можно утверждать, что российское правовое регулирование экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций полностью соответствует выработанным международным стандартам, что должно иметь крайне положительные последствия, как для области экономических правоотношений, так и для механизмов электронного взаимодействия населения с органами власти, что может быть достигнуто как

¹²⁴ СЗ РФ. 2020. №31 (ч.1). Ст. 5017.

¹²⁵ Наумов В.Б., Бутримович Я.В., Котов А.А. Обеспечение качества правового регулирования экспериментальных правовых режимов // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3 (117). С. 42.

¹²⁶ Regulatory Sandbox Lessons Learned. Report 2017 // URL: <https://www.fca.org.uk/publication/research-and-data/regulatory-sandbox-lessons-learned-report.pdf>.

¹²⁷ Cruz R. G. de la. The Regulatory Sandbox and Potential Opportunities for Spanish FinTechs // URL: <https://www.sefofuncas.com/pdf/Garc%C3%ADa%20de%20la%20cruz.pdf>.

расширением цифровизации, так и увеличением интереса к сфере цифровых технологий в целом.

На особое внимание со стороны государства, уделяемое Интернет-пространству, указывает и тот факт, что в мае 2018 года Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации было преобразовано в Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. По словам Д.А. Медведева, это было сделано с целью реализации цифровой повестки дня¹²⁸. Данное преобразование можно считать символическим и закономерным одновременно, так как в России увеличивается внимание к цифровым технологиям.

Необходимо отметить, что в России уже была попытка нормативного закрепления права на доступ к Интернету. В феврале 2016 года Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации занималось разработкой проекта Федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и иные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения права граждан на доступ к информации¹²⁹. Данный законопроект разрабатывался с целью упрощения деятельности компаний, оказывающих услуги по использованию Интернету. Проект закона предполагал отмену обязательного одобрения 2/3 жильцов многоквартирного дома при установке оборудования для подключения к сети Интернет. Данная инициатива преследовала цель вывести часть жильцов из зависимого положения, касающегося получения одобрения для права на доступ к информации. Однако этот законопроект получил отрицательное заключение после оценки регулирующего воздействия и так и не нашел должного интереса со стороны законодателя.

Конечно, невозможно ответить на вопрос, как кодификация правовых норм повлияет на развитие информационных технологий в дальнейшем,

¹²⁸ Минкомсвязь переименована в Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций // Коммерсантъ. 2018. 15 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3629435>.

¹²⁹ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=45791>.

однако на существующем этапе развития общества она должна дать крайне позитивный импульс развитию для данного института.

Подводя итог, стоит указать, что, проводя научные изыскания в рассматриваемой области познания, необходимо исходить из тезиса, что в настоящее время информационно-телекоммуникационная сеть Интернет является одним из важнейших механизмов реализации прав человека, а деятельность государств по принятию норм, гарантирующих подключение к сети Интернет, а также обязанности, возложенные на себя рядом стран по обеспечению каждого гражданина доступом в Интернет, носит социальный характер.

В свою очередь наделение права на доступ к Интернету самостоятельностью является преждевременным, в связи с чем данное право стоит рассматривать только как составную часть права на информацию, ввиду невозможности его полного обеспечения со стороны государства. В связи с этим право на информацию заслуживает более детального изучения относительно иных политических прав.

Указание в источниках конституционного права на существенную значимость права на доступ к Интернету при осуществлении прав человека должно выполняться. Подобная деятельность поможет создать необходимую базу для включения права на доступ к Интернету в число основных прав человека.

Помимо увеличения повышенного внимания к праву на доступ к сети Интернет на международном уровне, некоторые страны пошли дальше и уже сейчас осуществляют необходимое регулирование данного вопроса на уровне конституционного законодательства, вводя определенные элементы в свои конституционно-правовые документы.

1. 3. Мировой опыт использования информационно-телекоммуникационных сетей при реализации политических прав и свобод человека и гражданина

В современной мировой практике концепция развития взаимоотношений человека и государства в цифровом пространстве получила наибольшее распространение как система электронного правительства, обобщенно – e-government. Необходимо подчеркнуть, что понятия «электронное правительство», «электронная демократия», «электронное государство», «открытое правительство» и иные схожие термины не имеют концептуального отличия и в целом употребляются в отношении одной и той же группы правоотношений, зачастую сводящейся к деятельности, направленной на улучшение функционирования каналов связи между государством, в лице органов публичной власти и гражданским обществом в лице индивидов. В рамках данной работы термин «электронная демократия» будет использоваться как самый широкий по смысловому содержанию из всех приведенных, что в целом отражает концепцию, существующую в науке¹³⁰.

Термин «электронная демократия» употребляется применительно к различным отношениям, однако наибольшее использование связано именно с группой политических прав человека. В первую очередь это происходит в связи с появившейся тенденцией развития деятельности органов власти, направленной на открытость и прозрачность, а также в связи с появившимися возможностями партисипативного управления. Подобной позиции придерживается Р.Ф. Азизов, который утверждает, что: «применение различных информационных технологий при осуществлении прав человека в политической сфере является оправданными, естественно, при гарантиях соблюдения базовых демократических принципов. Реализация унифицированной системы электронного государства создает предпосылки для формирования принципиально новой модели демократии – цифровой (электронной) демократии (digital democracy), основанной на более полном подчинении деятельности государства обществу и возможности прямого

¹³⁰ См., например: Черкасов К.В., Захаревич Д.А. «Открытое правительство» и «Электронное правительство»: вопросы соотношения концепций государственного управления // Гражданин и право. 2016. № 2. С. 40–41.; Киселев А.С. Современные теоретические подходы к понятию электронного государства // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 32–39.

участия граждан в решении государственных и местных вопросов путем онлайн-голосования»¹³¹, в свою очередь, важно указать и то, что электронные способы реализации механизмов, затрагивающих прав и свободы индивида, не должны означать отрицания традиционных методов¹³².

Институты электронной демократии начали активно развиваться в последние десять-пятнадцать лет и многие развитые страны ежегодно внедряют их различные формы в свою деятельность. Например, иностранными исследователями указывается на заинтересованность государственных органов США в привлечении третьих лиц в рамках проекта открытого правительства (open government), действующего в целях распространения информации о деятельности государственных органов для улучшения качества жизни населения¹³³. Причем стоит отметить, что акцент делается не только на информации государственного масштаба, к которой, например, относится информация о правотворчестве федеральных органов власти, о реализации государственных программ и т.д., внимание уделяется в том числе расписанию автобусов и информации о санитарно-техническом состоянии ресторанов и кафе. Подобные шаги применяются с целью реализации положений национальной Директивы открытого правительства (Open Government Directive)¹³⁴, реализующейся на территории страны.

Наработав определенный положительный опыт, США совместно с еще семью странами разработали и подписали международную Директиву открытого правительства, базовым положением которого является принцип политической подотчетности¹³⁵. В частности, в документе указывается, что «люди во всем мире требуют большей открытости в деятельности

¹³¹ Азизов Р.Ф. Электронное правительство как элемент электронного государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4 (35). С. 25.

¹³² Барциц И.Н. Демократическая модернизация информационного общества: российская модель // Социология власти. 2011. № 3. С. 10

¹³³ Yu H. and Robinson D.G. The New Ambiguity of 'Open Government' // 59 UCLA L. Rev. Disc. 178. 2012. P. 177–208.

¹³⁴ Open Government Directive. 2009. // URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/open/documents/open-government-directive>.

¹³⁵ Open Government Declaration. 2011. // URL: <https://www.opengovpartnership.org/process/joining-ogp/open-government-declaration/>

правительства»¹³⁶. В числе своих обещаний подписавшие стороны обязуются своевременно предоставлять ценную информацию, включая необработанные данные, в форматах, которые общественность может легко найти, понять и использовать, а также в форматах, облегчающих их повторное использование». Относительно деятельности данного института А.Ю. Головин и А.А. Спиридонов указывают методы, на основе которых реализуется его деятельность, так, к ним относят методы прозрачности, партнерства и сотрудничества¹³⁷. По смысловому содержанию указанные принципы составляют основу для организации структуры открытого правительства в большинстве стран, в том числе в России. На положительные тенденции и востребованность использования онлайн-взаимодействия между органами власти и населением указывается и при изучении опыта арабских стран¹³⁸. Стоит отметить, что в целом существующие тенденции электронной демократии поддерживаются большинством развитых государств, а исследователями подчеркивается, что в связи с этим, в европейских странах активно осуществляется законодательный гражданский процесс, особенно отмечается увеличение заинтересованности граждан в демократизации, посредством использования электронных платформ, в частности, в законодательном процессе, связанным с принятием бюджета¹³⁹.

Среди всех мировых стран пионером в развитии электронной демократии по праву может считаться Эстония. Именно в этой стране в 2001 году был создан проект «Сегодня я решаю» (Today I decide)¹⁴⁰, который позиционировался как портал с возможностью обсуждения законодательных инициатив, а также декларировалась цель снижения административных

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Головин А.Ю., Спиридонов А.А. Правовые основы и методы реализации идей открытого правительства в США // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2–2. С. 12.

¹³⁸ Salem F. The Arab World Online 2017-2021: Digital Transformations and Societal Trends in the Age of the 4th Industrial Revolution // The Arab World Online Policy Report Series. 2017. p. 149.

¹³⁹ Кобзева С.В. Демократизация государственного управления и электронное правительство // Информационное право. 2018. № 2. С. 4–9.

¹⁴⁰ The TiD+. URL: <http://tidplus.net/project/>.

барьеров при участии избирателей в определении государственной политики. Этот инструмент оказался успешным – более 7000 зарегистрированных пользователей предложили и обсудили 1187 новых инициатив. Данный проект способствовал участию граждан в общественно-политической жизни, позволяя им выдвигать новые идеи и обсуждать их на открытом форуме, гарантируя при этом лаконичный ответ на уровне принятия решений. Многолетний опыт работы с этим инструментом ясно показал, что он может стать значимым для всех правительств и государственных органов во всем Европейском союзе. Однако при всех своих плюсах механизм реализации данного института не содержал в себе обязанности государственных органов учитывать мнение населения и поэтому фактически является местом общественных обсуждений в онлайн-пространстве.

Начальное развитие указанных институтов осуществлялось без каких-либо конкретных механизмов и сроков учета общественного мнения. Первой страной, официально закрепившей право на Интернет-петиции, стала Великобритания¹⁴¹. В настоящий момент в этой стране действуют нормы, согласно которым после сбора 100 000 подписей, на что дается ровно год, вопрос, изложенный в петиции, будет рассматриваться парламентом. Однако, как указывается авторами, после принятия электронная петиция может быть легко отклонена парламентом, без каких-либо правовых последствий¹⁴².

Также в марте 2012 года Финляндия приняла закон, который ввел новый элемент прямой демократии в финскую политическую систему¹⁴³, Закон получил название «Акт о Новых гражданских инициативах» (New Citizens' Initiative Act), согласно положениям данного акта любой гражданин, достигший избирательного возраста, может создать петицию на определенной платформе с целью предложить изменение существующего законодательства или создания нового нормативного акта. Для рассмотрения

¹⁴¹ Рекончишек Е.А. Взаимодействие власти и общества Великобритании в контексте петиционных кампаний // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 11 (39). С. 43.

¹⁴² Bartlett J., Miller C., Reffin J., Weir D., Wibberley S. Social Media Is Transforming How to View Society... // Vox Digita. 2014. URL: https://www.demos.co.uk/files/Vox_Digita_-_web.pdf?1408832211.

¹⁴³ Potential and challenges of e-participation in the European union. // URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556949/IPOL_STU\(2016\)556949_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556949/IPOL_STU(2016)556949_EN.pdf).

органами власти данных предложений их должны в течение 6 месяцев поддержать 50 000 человек, зарегистрированных с помощью специальной процедуры. Однако стоит отметить, что даже получивший поддержку акт по решению Правительства может не рассматриваться. Таким образом, данный институт также обладает совещательным характером.

Интересным представляется опыт США, где с 2011 года реализуется проект «Мы народ» (We the people), основным тезисом которого является возможность размещения на сайте Белого дома петиции, которая будет рассмотрена при получении определенной поддержки. Субъектом подобной инициативы может выступить любой гражданин, зарегистрировавшийся на сайте, а для подписания петиции требуется лишь указание имени и электронной почты человека. Официальный ответ направляется каждому подписавшему петицию в течение 60 дней после получения необходимой поддержки, которая должна составлять не менее 100 000 подписей и их сбор ограничен 30 днями.

США также являются страной, которая одной из первых начала использовать дистанционное голосование на различных уровнях власти. Первые попытки предпринимались уже с 1986 года и являлись успешными, основной целью декларировалось вовлечение в политический процесс граждан, проживающих за рубежом, с этой целью американскими властями развивалась программа SERVE, основной задачей которой являлось создание возможности для голосования из-за пределов государства. Как отмечается учеными, реализация данной программы имела только положительный результат. В целом за ее реализацию отвечало Министерство обороны США, которое также докладывало о положительной тенденции ее использования и отсутствии возможности нарушения принципа анонимности при голосовании. В целом конгресс США подчеркивал, что необходимо продолжить развитие принципов электронного голосования и в том числе на

уровне отдельных штатов¹⁴⁴, посредством принятия различных нормативных актов, направленных именно на вовлечение электората в демократические процессы¹⁴⁵.

Авторами выделяется значимая роль США при осуществлении механизмов реализации политических прав граждан в сети Интернет и даже приводится ряд определенных стадий, которые применимы и к остальным развитым странам. Так, к ним относятся:

- теледемократия;
- кибердемократия;
- электронная демократия¹⁴⁶.

Американская правовая система также пытается решить важнейший вопрос, связанный с деятельностью распространителей информации в Сети. Согласно ст. 230 Закона об этике в сфере коммуникаций 1996 (Communications Decency Act) с Интернет-провайдеров снимается ответственность за распространение пользователями запрещенной информации, пока размещаемая информация не будет содержать материалов, распространение которых является федеральным преступлением¹⁴⁷. Сформулирована она следующим образом: «Ни один поставщик или пользователь интерактивной компьютерной услуги не должен рассматриваться как издатель или докладчик какой-либо информации, предоставленной другим поставщиком информационного контента». Интересной особенностью является то, что согласно правоприменительной практике такие онлайн-платформы имеют право удалять информацию, которую считают оскорбительной и призывающей к насилию. Введение в законодательную базу ст. 230 наделило распространителей информации в Сети практически абсолютной неприкосновенностью в части содержания

¹⁴⁴ The Military and Overseas Voter Empowerment Act. 2009. URL: https://www.law.cornell.edu/topn/military_and_overseas_voter_empowerment_act

¹⁴⁵ Help America Vote Act. 2002. // URL: http://www.eac.gov/assets/1/workflow_staging/Page/41.PDF.

¹⁴⁶ Кириленко В.П., Чимаров Н.С. К вопросу об использовании инновационных подходов в избирательном процессе при электронном голосовании // Управленческое консультирование. 2014. № 12 (72). С. 113–114.

¹⁴⁷ Goldman E., Kosseff J. Zeran v. America Online E-Resource // Santa Clara Univ. Legal Studies Research Paper. 2020. p. 267.

распространяемой ими информации, которое ограничивается при приравнивании оказания компьютерных услуг в качестве издателя или носителя контента в случаях нарушения федерального уголовного законодательства и законодательства об интеллектуальной собственности и Закона о конфиденциальности электронных сообщений¹⁴⁸.

Почти двадцатипятилетнему сроку применения данной нормы сопутствовало большое количество судебных разбирательств, целью которых являлось ограничение размещения информации, содержащей крайне негативные материалы, однако сложившаяся практика показывает, что судебными решениями ограничивается только информация, являющаяся интеллектуальной собственностью. Соответственно, крупнейшие Интернет-ресурсы, в том числе популярные социальные сети, освобождаются от ответственности за распространяемые с их помощью материалы. Однако, в свою очередь, их свобода усмотрения на содержание распространяемой пользователями информации практически безгранична. Ярчайшим примером является ситуация с 45 Президентом США Д. Трампом (Donald Trump), который подвергся давлению со стороны практически всех крупнейших социальных сетей. Американский опыт нормативного регулирования деятельности по ограничению распространяемой информации базируется на нескольких правовых положениях. Базовыми являются нормы, декларируемые первой поправкой к Конституции США¹⁴⁹, устанавливающие запрет издавать законы, ограничивающие свободу слова или печати. При этом, в соответствии с уже указанной ст. 230 и правоприменительной практикой США, а именно делом *New York Times v. United States*¹⁵⁰, касающегося публикации материалов секретного доклада о войне во Вьетнаме, которые распространялись после их утечки. Суд установил

¹⁴⁸ Умнова (Конюхова) И.А. Информационное право как отрасль права нового поколения: ответ на технократизацию // Государство и право в новой информационной реальности. 2018. № 1. С. 50–51.

¹⁴⁹ Конституция Соединенных Штатов Америки от 17.09.1787 г. // URL: <https://brightonbeachnews.com/rus/constitution-of-the-usa-russian-text/>.

¹⁵⁰ Решение Верховного Суда США от 30.06.1971 г. по делу «Нью Йорк Таймс (New York Times) против Соединенных штатов Америки», 403 U.S. 713 (1971) // URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/403/713>.

границы одного из аспектов осуществления прав, гарантированных первой поправкой, в отношении средств массовой информации (далее – СМИ). Суд пришел к выводу, что превентивный запрет публикации определенной информации (закрывающийся в ограничении прав СМИ на свободу печати) недопустим и повлечет нарушения положений первой поправки, несмотря на позицию правительства о том, что такая публикация может нанести ущерб государственной тайне.

Как ни парадоксально, но при существующем регулировании крупнейшие американские ресурсы не подпадают под действие первой поправки. Так, в деле *Prager University v. GOOGLE LLC, FKA Google, Inc.; YOUTUBE, LLC*¹⁵¹ рассматривался иск о цензуре информации на видеохостинге, что, по мнению заявителя, нарушает его права, гарантированные первой поправкой. Федеральный суд Калифорнии постановил, что технические платформы, такие как YouTube, не связаны первой поправкой при принятии решения об удалении оскорбительного контента, так как первая поправка запрещает ограничивать свободу слова правительству, а не частным организациям, которой является YouTube.

В связи со сложившейся ситуацией в Сенате США даже были предложения о проведении независимого аудита для крупнейших компаний, являющихся платформами для распространения информации, в результате которого они могут быть наделены иммунитетом ст. 230, но лишь при условии, что их модерация информации свободна от политической цензуры¹⁵², однако законопроект не получил дальнейшего развития. Со схожими положениями выступал и Д. Трамп, издавший весной 2020 года Указ, в котором, в частности, отмечалось, что Twitter, Facebook, Instagram и YouTube обладают огромной, если не беспрецедентной, властью формировать интерпретацию публичных мероприятий, подвергать цензуре,

¹⁵¹ The regulation that helped build the internet may be in trouble. URL: <https://www.marketplace.org/shows/marketplace-tech/trump-executive-order-social-media-legal-protections/>.

¹⁵² To amend the Communications Decency Act to encourage providers of interactive computer services to provide content moderation that is politically neutral. // URL: <https://www.hawley.senate.gov/sites/default/files/2019-06/Ending-Support-Internet-Censorship-Act-Bill-Text.pdf>.

удалять или скрывать информацию, контролировать то, что люди видят или не видят¹⁵³, однако он тоже не был реализован, и положения ст. 230 не были реформированы, в связи с чем необходимо время, чтобы узнать, по какому пути будет развиваться американское регулирование рассматриваемых правоотношений.

Решение вопросов, связанных с указанной проблемой, представляется довольно актуальным на сегодняшний день. При этом действенным может являться обязанность Интернет-ресурсов размещать в пользовательских соглашениях критерии запретов и ограничений в сфере размещения информации пользователями. Данные предложения будут рассмотрены в 3 главе исследования.

Одной из основных проблем, с которой столкнулись большинство стран при реализации политических прав с использованием информационных технологий, является подтверждение личности участников. Как видится, основной проблемой при дистанционном голосовании или при сборе подписей в поддержку петиции является именно подтверждение личности индивида. Также стоит указать, что создание общих баз данных избирателей вместе с учетом их политических предпочтений может иметь негативный эффект¹⁵⁴, в части возможности повлиять на предпочтения избирателей заинтересованными лицами.

Как уже отмечалось ранее, право на информацию занимает одно из значимых мест в группе политических прав и исследование международного опыта регулирования данной сферы также крайне важно. Зарождение права на информацию чаще всего связывают с конституциями первой волны, однако необходимо учитывать, что в них данное право закреплялось посредством права на свободное выражение своих мнений, которое можно относить к так называемому первому поколению прав человека. К примеру,

¹⁵³ Executive Order on Preventing Online Censorship. 2020. // URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-preventing-online-censorship/>.

¹⁵⁴ Леви Д.А. Институт выборов: перспективы развития в эпоху информационных технологий // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 2 (11). С. 80–83.

подобное положение содержит ст. 19 Конституции Бельгии 1831 года¹⁵⁵. Также стоит учитывать и позиции тех авторов, которые относят право на информацию к четвертому поколению прав человека¹⁵⁶, обосновывая это достижением определенного технического прогресса. Однако с уверенностью можно утверждать, что право на информацию получило ту важность, которую имеет в настоящий момент, в середине 20 века, во время принятия базовых международных актов о правах человека, при этом нужно исходить из того, что в контексте данной работы право на информацию стоит рассматривать как возникшее задолго до его закрепления в данных документах и являющимся коренным по отношению к праву на свободу выражения мнений.

Сторонником такой теории, например, является А.И. Богдановская, которая указывает на взаимосвязь права на информацию и свободу выражения мнений, приводя в качестве примера толкование конституционных норм судебными органами. Так, например, в работах указанного автора приводится решение Верховного суда Японии, который установил, что право на информацию гарантируется ст. 21 Конституции страны, в которой закрепляется свобода выражения мнений. Также Верховный суд Индии уточнил положение ст. 19 Конституции, в которой говорится о свободе слова и свободе выражения мнений, как содержащей положение о свободе доступа к информации о деятельности государства¹⁵⁷.

Для дальнейшего изучения рассматриваемой темы необходимо разобраться в содержании таких понятиях как «свобода информации» и «право на информации». Как известно, без признания свободы как возможности выбора невозможно существование права¹⁵⁸, свобода – это фундамент права, все юридические отношения вытекают из него¹⁵⁹.

¹⁵⁵ Конституция Королевства Бельгии от 07.02.1831 г. // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=157>.

¹⁵⁶ Новак-Каляева Л.Н. Классификация прав человека в контексте функциональной взаимосвязи с государственным управлением // Вестник государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 68.

¹⁵⁷ Богдановская И.Ю. Право на информацию и право на доступ к информации. М.: Юстицинформ, 2009. С. 9–10.

¹⁵⁸ Ягофарова И.Д. Право как мера ограничения свободы: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

¹⁵⁹ Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. Ярославль, 1872.

Важно подчеркнуть, что в современных условиях право на информацию является важным элементом взаимосвязи всех остальных прав и свобод человека и гражданина. Именно благодаря информации, в большинстве случаев, возможна реализация личных, экономических, социальных, политических и других прав человека. Как указывал специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Абид Хусейн (Abid Hussain): «Право на поиск или доступ к информации представляет собой один из существенных элементов права на свободу слова и свободное выражение своих убеждений. Свобода потеряет всякий смысл, если лишить людей доступа к информации»¹⁶⁰.

Конституционный законодатель разных стран при закреплении права на информацию чаще всего выделяет его в качестве самостоятельного права, такая практика существует, например, в Бразилии, Эстонии, Финляндии, также стоит отметить содержание подобного права в нормах Билля о правах, являющимся составной частью Конституции США, а также в ряде прецедентов американских органов судебной власти. В некоторых странах право на информацию является составной частью других основных прав и свобод человека, так, например, довольно часто оно рассматривается в связи с правом на свободу выражения мнения. К числу таких стран относят, например, Канаду, Республику Корею и Венгрию. В целом большинство Конституций мира содержат положения, в той или иной форме упоминающие право на информацию, но даже если подобные положения в Основном законе страны отсутствуют, они выводятся посредством толкования норм права уполномоченными органами¹⁶¹.

В международных актах право на доступ к информации о деятельности органов государственной власти рассматривается как составная

¹⁶⁰ Hussain A. Promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression: report of the Special Rapporteur, Abid Hussain, pursuant to Commission on Human Rights resolution 1993/45. // E/CN.4/1995/32. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/181170?ln=ru>.

¹⁶¹ Максимова О.И. Право человека на информацию в конституционном законодательстве Российской Федерации и зарубежных государств (сравнительно-правовой анализ) // Общество и право. 2010. № 3 (30). С. 64.

часть свободы информации и свободы выражения мнения. Такой подход вытекает из положений международных документов, составляющих основу института прав человека. Всеобщая декларация прав человека 1948 года содержит право придерживаться своих убеждений, а также свободу искать, получать и распространять информацию. В Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ст. 10 указано, что каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Положения ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах практически полностью повторяют положения ст. 10 Европейской Конвенции.

В контексте данной работы будут учитываться положения, содержащиеся в международных договорах, регулирующие право на доступ к информации, в контексте использования сети Интернет. Такие положения присутствуют в документах Организации Объединенных Наций, например, в положениях Конвенции о правах инвалидов присутствуют положения об обязанности государств-участников обеспечивать все необходимые условия для существования фактических средств и методов реализации механизмов свободы выражения мнений людям с ограниченными возможностями наравне с другими, пользуясь по своему усмотрению всеми возможными формами коммуникации¹⁶².

В свою очередь положения Орхусской конвенции содержат нормы, содержащие требования к странам-участницам данного соглашения о постоянном увеличении объема информации в электронных базах данных¹⁶³. Стоит подчеркнуть, что в настоящее время данная конвенция не ратифицирована Российской Федерацией.

¹⁶² СЗ РФ. 2013. № 6. Ст. 468.

¹⁶³ Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Заклучена в г. Орхусе 25.06.1998) // СПС «КонсультантПлюс».

Важно учитывать, что в момент принятия большинства упомянутых международных актов развитие цифровых технологий находилось на совсем ином уровне и соответственно рассматриваемые акты не могли передать ту форму и смысл, которые присущи различным правовым институтам в настоящий момент. Соответственно, можно утверждать, что изначально право на информацию рассматривалось как полностью политическое право, однако с развитием технологий ученые все чаще говорят о необходимости его рассмотрения как одной из составных частей личных прав граждан.

На изменения в правовой сфере жизни людей указывает В.Н. Монахов, подчеркивая, что начальным ускорителем европейского развития стали четыре фундаментальные экономические свободы, а именно — движение товаров, людей, капитала и услуг. Указанные свободы стали объектом нормативного регулирования еще в середине прошлого века в учредительных документах Европейского экономического сообщества. При этом, спустя некоторое время, в Европе уверенно заговорили о появлении нового элемента свободы общего развития. Вполне обоснованно, что в условиях активно формирующегося глобального информационного общества статус пятой свободы обрела именно свобода передачи информации и знаний¹⁶⁴.

В целях развития информационной сферы определенные шаги предпринимаются и на уровне Содружества Независимых Государств – так, например, была принята Концепция сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности и о Комплексном плане мероприятий по реализации Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности на период с 2008 по 2010 г¹⁶⁵. Как подчеркивается учеными,

¹⁶⁴ Монахов В.Н. Утро пятой свободы (к проблеме совершенствования правового режима свободы информации и знаний как ценностей и драйверов развития) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 122.

¹⁶⁵ Решение Совета глав государств СНГ «О Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности и о

основные положения данной концепции сводятся к проблемам защиты информации, тем самым уделяя большее внимание техническим проблемам, нежели юридическим¹⁶⁶.

Подводя итог, стоит указать, что большинство развитых демократических стран пошло по пути использования сети Интернет в качестве одного из действенных механизмов осуществления политических прав. При этом обширная международная практика в сфере управления делами государства с использованием сети Интернет сводится в основном к консультативным формам взаимодействия населения с властью и предоставлению различных услуг. Существуют возможности принятия населением императивных решений, однако в основном такая практика заключается во фрагментарном закреплении полномочий в области активного избирательного права, что также не может являться исчерпывающей мерой в современных условиях.

Комплексном плане мероприятий по реализации Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности на период с 2008 по 2010 год» (Принято в г. Бишкеке 10.10.2008) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁶Бачило И.Л., Бондуровский В.В., Вус М.А., Кучерявый М.М., Макаров О.С. О совершенствовании и гармонизации национального законодательства государств - участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности // Информационное право. 2013. № 1. С. 24–27.

Глава 2. Современные механизмы реализации права на участие в управлении делами государства

2. 1. Электронная демократия в России

Электронная демократия рассматривается как совершенно новое правовое явление, возникшее в связи с достижением определенного уровня развития информационных технологий. Переход различных сфер жизни общества в сеть Интернет уже невозможно не замечать, так же как и позитивные тенденции, наметившиеся в связи с подобной деятельностью. Важно понимать, что использование информационных технологий при реализации конституционных прав граждан должно рассматриваться исключительно в позитивном ключе, но только при условии организации гарантированного отсутствия различных злоупотреблений в данной области.

Своими корнями идеи электронной демократии уходят в положения о возможности участия граждан в управлении делами государства через механизмы непосредственной демократии, которые являются основными механизмами реализации права граждан на участие в управлении делами¹⁶⁷. Под электронной демократией принято понимать любое использование электронных средств связи, при совершении демократических процедур¹⁶⁸. В первую очередь подобный подход содержит механизмы использования общества в целях решения важнейших общественно-политических вопросов, а также для решения задач по устранению недостатков представительной демократии.

У исследуемого института отсутствует общепринятая легальная терминология, при этом крайне полезным видится подход, сформулированный в Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. Согласно его положениям

¹⁶⁷ Perez O. Collaborative e-rulemaking, democratic bots, and the future of digital democracy // Digital government: research and practice. Vol. 1. № 1. 13 p.

¹⁶⁸ Ромашкин Т.В. Институты цифровой экономики // Эпоха науки. 2018. № 15. С. 66–67.

под электронной демократией стоит понимать форму организации общественно-политической деятельности граждан, которая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий обеспечивает качественно новый уровень взаимодействия граждан между собой, с органами власти, общественными и коммерческими структурами¹⁶⁹. При этом необходимо отделять институт электронной демократии от института электронного правительства, деятельность которого направлена на качественно новый уровень получения государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов¹⁷⁰. Наряду с подобными терминологическими аспектами рассматриваемых в данном параграфе механизмов реализации прав, нужно отметить и негативное влияние отсутствия нормативного регулирования иных элементов электронной демократии. Отсутствие нормативно определенной правовой основы свидетельствует об отсутствии системного подхода к пониманию институтов электронной демократии со стороны законодателя, что негативно сказывается на государственной политике в данной области¹⁷¹.

Первым полноценным российским опытом использования электронной демократии принято считать институт «Открытого правительства», который появился в 2012 году, как один из механизмов управления, нацеленный на увеличение открытости деятельности государственных органов, посредством упрощения предоставления информации, а также для включения большего числа населения в управление делами государства, осуществляемый при этом через сеть Интернет. Некоторыми правоведами указывается, что подобный механизм начал зарождаться в 2010 году, когда на общественные обсуждения были вынесены проекты федеральных законов «Об образовании» и «О полиции»¹⁷². В целом

¹⁶⁹ Концепция развития электронной демократии до 2020 года // URL: <http://e-democratia.ru>.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Григорьев Я.В. Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 42.

¹⁷² Несмеянова С.Э., Колобаева Н.Е., Мочалов А.Н. «Открытое правительство» и права человека // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 5. С. 6.

данный процесс действительно можно считать началом формирования института прямой демократии.

Наиболее емкое понятие открытого правительства содержится в работах А.В. Мартынова. По его мнению, институт открытого правительства стоит охарактеризовать как «разработанный государством специальный механизм или систему взаимодействия государства и общества через многофункциональный Интернет-ресурс, предоставляющий возможность большому числу граждан принимать участие в обсуждении важнейших государственных решений, проектов нормативных правовых актов, предлагать собственные новые пути решения проблемных вопросов в различных сферах государственного управления, осуществлять общественный контроль за органами государственной власти и местного самоуправления»¹⁷³.

Формирование подобного института для решения задачи увеличения открытости деятельности органов власти, а также уменьшения бюрократической нагрузки на население подтверждает существующий тренд государственного управления, направленный на снижение административных барьеров. Актуальность создания подобного механизма, отвечающего не только за функционирование деятельности органов власти, но также направленного на упрощение предоставления государственных услуг посредством сети Интернет, подтверждается получением развития подобных институтов в других странах мира, например, в США¹⁷⁴.

Концепция открытого правительства сформировалась после доклада рабочей группы по подготовке предложений по формированию в России системы «открытое правительство» от 05.05.2012 года¹⁷⁵. В данном докладе были перечислены основные цели деятельности данной юридической конструкции, к которым, например, относились свободный обмен

¹⁷³ Мартынов А.В. Система «Открытое правительство» как один из главных механизмов открытого государственного управления в России // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 13–23.

¹⁷⁴ Несмеянова С.Э., Колобаева Н.Е., Мочалов А.Н. Указ. соч. С. 7.

¹⁷⁵ Итоговый доклад Президенту Российской Федерации Рабочей группы по подготовке предложений по формированию в Российской Федерации системы «Открытое правительство» 05.05.2012 г. URL: <http://open.gov.ru/upload/iblock/4a9/4a93d1880a77d405d84123d82d1b1257.docx>.

информацией между государством и обществом, обеспечение активного участия общества в подготовке и реализации решений органов власти, повышение качества и доступности государственных услуг для удовлетворения потребностей населения.

Как точно подчеркивает С.Н. Шевердяев, «комплекс вопросов, затрагиваемых концепцией открытого правительства, с точки зрения их конституционной основы, выходит далеко за пределы узкого понимания "права знать" как возможности быть проинформированным о деятельности правительства по какому-либо конкретному вопросу»¹⁷⁶. Действительно, рассматриваемые онлайн-платформы отвечают на более широкий спектр вызовов современного общества и его потребностей, фактически выступая своего рода посредником между государством и обществом при реализации прав граждан.

В юридической науке встречаются позиции, указывающие, что применение принципов прямой электронной демократии противоречит существующим конституционным нормам¹⁷⁷. С таким подходом сложно согласиться, так как фактически применение различных способов прямой электронной демократии никаким образом не затрагивает основы конституционного строя и не подменяет принципов осуществления представительной демократии. При этом сформировавшийся к настоящему моменту опыт использования различных электронных способов выражения мнения населением показывает в основном положительную тенденцию¹⁷⁸.

В свою очередь необходимо указать и на наличие негативных аспектов, связанных с рассматриваемыми механизмами. Авторами зачастую предлагаются идеи, согласно которым электронная демократия может значительно увеличивать вовлеченность населения в политические

¹⁷⁶Шевердяев С.Н. Реализация стратегии «открытого правительства» в Казахстане: институциональный и законодательный контекст // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 75.

¹⁷⁷ Антонов Я.В. Политико-правовые проблемы развития механизмов электронной демократии в Российской Федерации // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 6.

¹⁷⁸ См., например: Антонов Я.В. Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 101–113; Храмушин В.В. О перспективах развития представительной демократии в эпоху цифровой экономики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. №6 (131). С. 77–84.

процессы¹⁷⁹. Но нужно понимать, что согласно сложившейся практике при использовании средств электронной демократии отношение граждан к политическим и демократическим институтам не меняется¹⁸⁰, от чего напрямую зависит применимость всех возможных механизмов электронной демократии¹⁸¹. Фактически в российской действительности применение механизмов цифрового взаимодействия в основном сводится к упрощению демократических процедур, не имея серьезного результата по увеличению количества участников.

Основополагающим актом, регулирующим данную сферу правоотношений, принято считать Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»¹⁸². Согласно данному документу, устанавливались основные приоритеты и рамки осуществления электронного взаимодействия между государственными, муниципальными органами и населением. В качестве важнейших приоритетов, установленных данным актом, применительно к тематике данной работы стоит указать положения о необходимости предоставления 70% государственных услуг в электронном виде, создать единую платформу для размещения информации о проектной правовой деятельности, утвердить проект российской общественной инициативы.

Ученые указывают, что в первую очередь проект Открытого правительства необходимо рассматривать как действенный институт реализации конституционных прав граждан¹⁸³. В действительности принцип транспарентности, реализуемый при помощи рассматриваемых институтов,

¹⁷⁹ См., например: Осинюк В.А. Особенности развития электронной демократии в Москве // Власть. 2020. №2. С. 102; Лунгу Е.В. Закономерности современных конституционных правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2021. №1 (122). С. 61.

¹⁸⁰ Fossato F., Lloyd J. The Web that Failed: How Opposition Politics and Independent Initiatives are Failing on the Internet in Russia // Reuters Institute for the Study of Journalism, University of Oxford. 2008. URL: http://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/fileadmin/documents/Publications/The_Web_that_Failed.pdf.

¹⁸¹ Yansons Y. E-Democracy in Ukraine: condition and development taking into account European experience // EUREKA: Social and Humanities. 2021. №6. P. 47–54.

¹⁸² Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.

¹⁸³ Несмеянова С.Э., Колобаева Н.Е., Мочалов А.Н. Указ. соч. С. 8.

является крайне важным для осуществления положений, содержащихся в ст. 29 и ст. 32 Конституции Российской Федерации, в которых закреплены основы прав граждан на свободу информации и право на непосредственное участие в управлении делами государства. Стоит упомянуть, что возможность гражданами реализации своих конституционных прав напрямую зависит от уровня правового развития государства. В сложившихся современных реалиях, когда участие граждан в управлении делами государства становится все более доступным при использовании различных онлайн-средств коммуникации, когда участник обсуждений может выразить свою позицию относительно вопросов развития городской среды мегаполиса путем нажатия нескольких кнопок в мобильном устройстве, особую важность приобретают принципы партисипативного управления.

Под партисипативной демократией понимается форма распределения и осуществления власти, основанная на участии граждан в принятии политических решений¹⁸⁴. В работах выделяется три основных компонента партисипативной демократии, это – гражданское участие, публичное обсуждение и расширение прав и возможностей граждан¹⁸⁵. Фактически именно эти принципы и стали базисными при осуществлении работы рассматриваемой формы непосредственной реализации политических прав и свобод граждан. Также стоит уделить внимание теории совещательной демократии, согласно которой политическое решение легитимно, если оно основывается на публичном обсуждении равноправных граждан¹⁸⁶. Данная теория также должна учитываться при изучении подобных институтов непосредственной демократии, но, как видится, все же ее применение является менее значимым на нынешнем этапе развития информационных технологий.

¹⁸⁴ Пилипенко А.Н. Франция: к цифровой демократии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 188.

¹⁸⁵ Перезолова А.С. Практики партисипативного управления в публичной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. № 20 (1). С. 122–123.

¹⁸⁶ Там же.

При рассмотрении влияния сервисов открытого правительства на свободу получения информации стоит выделить ряд основных из них.

Во-первых, портал государственных услуг Госуслуги (gosuslugi.ru), на котором в настоящий момент можно не только получить большой спектр государственных или муниципальных услуг, но также на нем содержится большое количество информации о деятельности различных органов власти.

Электронный бюджет (budget.gov.ru), который является Единым порталом бюджетной системы Российской Федерации, был создан в соответствии со ст. 241.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации¹⁸⁷. Основной целью данного портала декларируется обеспечение доступа к информации о деятельности в бюджетной сфере, а также к информации об осуществлении органами власти своих полномочий в бюджетной системе.

Портал государственных программ (programs.gov.ru), на котором содержится информация о ходе реализации государственных программ Российской Федерации, на сайте можно ознакомиться с положениями самих программ, также на онлайн-ресурсе присутствует большое количество аналитической информации по различным направлениям государственных программ.

Портал открытых данных Российской Федерации (data.gov.ru), на котором содержится большое количество официальной информации, в том числе о государственных учреждениях.

Относительно сферы правоотношений, характеризующейся участием граждан в управлении делами государства, непосредственно затрагиваемой сервисами открытого правительства, стоит отметить, что предусмотрен большой перечень полномочий граждан по осуществлению народной законодательной инициативы – так, в частности, предусмотрена возможность вынесения на публичное обсуждение проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также возможность

¹⁸⁷ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

реализации права на обращение в органы государственной и муниципальной власти.

Некоторые исследователи, описывая различные институты учета общественного мнения, справедливо указывают, что наравне с ведущими мировыми демократиями и в России внедряются новые технологии для решения общественно важных вопросов в виде городских электронных референдумов¹⁸⁸. Стоит указать, что использование термина «референдум» является не вполне корректным и не имеет под собой какого-либо юридического основания, однако на сайте сервиса «Активный гражданин» (ag.mos.ru) также используется подобная терминология. Нужно понимать, что, в существующем российском законодательстве, не предусмотрена возможности проведения электронных референдумов¹⁸⁹, при этом, перечень правовых инструментов осуществления населением местного самоуправления является открытым¹⁹⁰, соответственно, не существует прямого законодательного запрета использования подобной терминологии. Сложно юридически обосновать использование подобной терминологии на официальном сайте программы открытого правительства, так как отраслевой Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не предусматривает возможности проведения местного референдума с использованием сети Интернет. Также Устав города Москвы¹⁹¹ и Закон города Москвы «О референдумах в городе Москве»¹⁹² не предусматривает использование сети Интернет в качестве одной из площадок для проведения какого-либо референдума, в текстах данных актов сеть Интернет используется лишь в качестве средства для размещения информации об осуществлении форм прямой демократии. Скорее всего,

¹⁸⁸ Перезолова А.С. Городские электронные референдумы: опыт проекта «Активный гражданин» // Власть. 2015. № 2. С. 110.

¹⁸⁹ Несмеянова С.Э., Колобаева Н.Е., Мочалов А.Н. Указ. соч. С. 10.

¹⁹⁰ Нарутто С.В. В.И. Фадеев о роли местного самоуправления в демократическом устройстве государства и общества // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9 (61). С. 180.

¹⁹¹ Устав города Москвы от 28.06.1995 г. (принят Московской городской Думой 28.06.1995) Закон г. Москвы от 28.06.1995 // Ведомости Московской городской Думы. 2001. № 8. Ст. 130.

¹⁹² Закон г. Москвы от 18.04.2007 г. № 11 (ред. от 31.05.2017) «О референдумах в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2007. № 29.

подобная практика использования данной терминологии существует для понимания основной сути мероприятия гражданами, не разбирающимися в юридической терминологии, и понятие референдум используется в обобщенном смысле, однако данные действия могут вводить население в заблуждение относительно юридического аспекта рассматриваемых демократических механизмов.

Помимо сервиса «Активный гражданин», к сфере участия граждан в управлении делами государства стоит отнести такие важные сервисы, как «Федеральный портал проектов нормативных правовых актов» (regulation.gov.ru), проект «Российская общественная инициатива» (roi.ru), «Официальный сайт единой государственной системы в сфере закупок» (zakupki.gov.ru). Нельзя не упомянуть такой сервис как «Ваш контроль» (vashkontrol.ru), который является элементом открытого правительства. Данный сервис был создан в качестве веб-интерфейса информационно-аналитической системы мониторинга качества оказания государственных услуг. Не менее важным является проект «Наш город» (gorod.mos.ru), который позиционируется как портал мэра города Москвы. Данный ресурс позволяет решать проблемы населения города, а также отправлять предложения по различным сферам общественной жизни.

Также крайне актуальным для российской системы электронной демократии представляется механизм дистанционного электронного голосования. Так в связи с принятием Федерального закона от 23.05.2020 № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», появилась возможность проведения дистанционного голосования, в том числе с использованием сети Интернет. Данные положения в основном касаются изменений норм Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ¹⁹³. В соответствии с нововведениями, в законодательство было введено понятие

¹⁹³ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

«дистанционное электронное голосование», которое характеризуется как голосование без применения бюллетеня на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения, а также в законодательстве теперь закреплена возможность сбора подписей избирателей и участников референдума онлайн, а именно через «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», однако их количество не может превышать 50% от общего числа подписей. Конечно, одним из оснований для данных нововведений является достижение нового этапа развития информационных технологий, что представляется крайне позитивной тенденцией. Подобный механизм электронной демократии в качестве эксперимента впервые был использован в 2017 году на голосовании жителей города Москвы по вопросам реновации жилья в столице. Далее в 2019 году на выборах депутатов Московской городской думы эксперимент был продолжен¹⁹⁴, а затем, был внедрен при проведении уже упомянутого голосования по принятию поправок к Конституции в 2020 году, а также на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы в том же году и получил много положительных оценок со стороны специалистов в области избирательного права. Дистанционное электронное голосование применялось также и на выборах в Государственную Думу в 2021 году, причем можно говорить о планомерном расширении субъектов федерации, жители которых могли принять участие в подобной форме электронного волеизъявления. Так, если в голосовании по поправкам к Конституции Российской Федерации подобным механизмом могли воспользоваться в двух регионах, то на выборах в 2021 году уже в семи. Такая тенденция на увеличение географии использования электронного голосования все же скорее является недостаточно стремительной, но, как представляется, зависит от технических аспектов подобной деятельности.

¹⁹⁴ Федеральный закон от 29.05.2019 № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» // СЗ РФ. 2019. № 22. Ст. 2659; Закон г. Москвы от 22.05.2019 г. № 18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 30.05.2019. № 30.

Однако не обошлось и без указания основных недостатков подобного механизма реализации конституционного права избираться и быть избранным, например Е.И. Колюшин, в качестве основных недостатков, отмечает «обеспечение тайны голосования и адекватного учета волеизъявления избирателя в итогах голосования»¹⁹⁵, с чем необходимо полностью согласиться. Действительно, несмотря на кажущуюся на первый взгляд простоту рассматриваемого механизма реализации политических прав, организация и обеспечения безопасности дистанционного электронного голосования требует большого количества ресурсов, ведь фактически обеспечение безопасности проведения имеет важнейший характер, так как его целью становится обеспечение реализации основных конституционных принципов. Таким образом складывается ситуация, что необходимость обеспечения основных демократических принципов при голосовании распространяется и на онлайн-пространство, где соответственно кратно увеличиваются способности не только повлиять на исход голосования, но и появляются возможности нарушения важнейших конституционных принципов как в области прав человека, так и в сфере суверенитета государства.

В рамках данного исследования уже отмечались существующие риски перехода механизмов реализации прав и свобод человека и гражданина в цифровое пространство, при этом многие из них напрямую зависят и от человеческого фактора, который невозможно не учитывать. Например, после электронного голосования по поправкам к Конституции появлялась информация об утечке персональных данных избирателей, воспользовавшихся указанным инструментарием¹⁹⁶. Говоря о человеческом факторе, необходимо отметить и такой негативный момент, как и возможная сложность осуществления контроля за результатами выборов, причем подобная озабоченность высказывается не столько в рамках влияния на

¹⁹⁵ Колюшин Е.И. Указ. соч. С. 112–113.

¹⁹⁶ В даркнет утекла база данных проголосовавших по поправкам в Конституцию // РБК. 2020. 4 августа. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/08/2020/5f28ce729a7947056524fb49

результаты выборов контролирующими органами, сколько на возможное вмешательство извне, однако подобные вопросы стоит решать специалистами по безопасности в сети Интернет.

Зарубежные государства также имеют большой опыт применения рассматриваемого механизма народовластия¹⁹⁷, а иностранными специалистами подчеркивается положительный характер применения дистанционного голосования посредством сети Интернет¹⁹⁸, однако при этом, отдельно выделяя проблемные вопросы, в основном касающиеся недостатков подсчета голосов, утечки персональных данных участников голосования и технических проблем¹⁹⁹.

Таким образом, электронное дистанционное голосование видится крайне удобным механизмом реализации политических прав и свобод человека и гражданина, которое требует увеличения практики использования, однако лишь при условии соблюдения первостепенной важности основных конституционных принципов.

В качестве основных проблем, связанных с реализацией механизмов электронной демократии в России, учеными указывается низкая информированность населения о возможностях приведенных Интернет-ресурсов, возникающие сложности в связи с применением юридической терминологии, существование цифрового неравенства, а также отсутствие гарантий учета мнения населения. Как указывает А.В. Нестеров, «граждане

¹⁹⁷ См., например: Collard S., Fabre E. Electronic Voting in the French Legislative Elections of 2012 // Design, Development, and Use of Secure Electronic Voting Systems. 2014. P. 176–198; Чимаров Н.С. Правовые стандарты новых технологий голосования в избирательном процессе Эстонской Республики // Управленческое консультирование. 2015. № 5 (77). С. 204–210.

¹⁹⁸ Singh M. From Social to Digital Capital: Implications for Digital Democracy Research // Duke Global Working Paper Series. 2021. № 35. p. 18; Vinayachandra, Geetha Poornima K., Rajeshwari M., Krishna Prasad K. A Conceptual Framework for the Integrated, Smart and Secure Remote Public Voting System (SSRPVS) // International Journal of Management, Technology, and Social Sciences (IJMTS), Vol. 5. 2020. № 1. P. 318–334.

¹⁹⁹ Khaleel I.S., Al-Janabi S., Dawood A.J. A Framework for QKD-based Electronic Voting // Journal of University of Anbar for Pure Science (JUAPS), Vol. 14. 2020. № 2. P. 95–103; Breedon K., Bryant C.A. Counting the Votes: electronic voting irregularities, election integrity, and public corruption // University of Memphis Law Review, Vol. 49. 2019. № 4. P. 980–1017; Ottoboni K., Stark P.B. Election Integrity and Electronic Voting Machines in 2018 Georgia, USA // E-Vote-ID 2019 Proceedings. 2019. p. 16.

не хотят быть статистами, а ученые высказывают свои мнения в статьях, которые чиновники не читают»²⁰⁰.

Вопрос цифрового неравенства оказывает значительное влияние на институты реализации политических прав человека в Сети, однако можно говорить о различии подобного влияния в зависимости от региона страны²⁰¹. Конечно, в первую очередь это продиктовано сложностью обеспечения технологического развития в равной степени на всей территории страны. Однако, как уже указывалось, необходимость устранения подобной практики должна быть первоочередной.

Проблема цифрового неравенства может иметь гораздо более значимые последствия, нежели отсутствие возможности доступа к каким-либо государственным институтам, оказывающих предоставление услуг или к относящиеся к новым формам участия в управлении делами государства. При этом подобное цифровое неравенство может повлечь за собой проблему социального неравенства, в основном из-за того, что некоторые слои населения физически не успеют адаптироваться к новым реалиям жизни общества²⁰². М.А. Абызовым указывалось, что наибольшему риску потерять работу в эпоху цифровой экономики подвергаются люди предпенсионного возраста, по его мнению, это связано с трудностью переподготовки кадров²⁰³. В связи с этим крайне важным является вопрос технического обеспечения населения страны всеми необходимыми составляющими жизни индивида в современном обществе. С данной целью в России реализуется политика обеспечения доступности сети Интернет, что будет рассмотрено в работе далее.

По мнению некоторых представителей науки, современный уровень развития технологий в информационной сфере, а также созданная

²⁰⁰ Нестеров А.В. Обсуждаем стандарт (концепцию) открытости «открытого правительства» // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8. С. 6.

²⁰¹ Кузнецов П.У. Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 154–161.

²⁰² Соловых Н.Н. Цифровая экономика диктует необходимость квалифицированных кадров с новыми компетенциями // Российский следователь. 2018. № 5. С. 64–68.

²⁰³ Министр: три миллиона россиян вскоре могут остаться без работы // Московский комсомолец. 2017. 28 октября. URL: <http://www.mk.ru/economics/2017/10/28/ministr-tri-mil>.

инфраструктура²⁰⁴ уже сегодня позволяют учитывать мнение населения при решении различных вопросов, при этом с каждым днем такая возможность только растет²⁰⁵. В связи с этим стоит рассмотреть вопрос, насколько увеличение роли Интернета при управлении делами государства может повлиять на уже сложившиеся отношения в области представительной демократии. При этом, скорее всего, правильно будет задать вопрос, когда влияние Интернета будет столь значительным, что это сможет оказать существенное воздействие на сложившийся во всем мире формат взаимодействия государства и общества.

Необходимо рассмотреть и существующие механизмы оценки уровня развития электронного государственного управления. В мировой практике существует целый ряд индексов, оценивающих уровень цифровизации государственного управления и его отдельных компонентов. Можно выделить индекс развития электронного правительства и индекс электронного участия ООН, индекс готовности к сетевому обществу всемирного экономического форума, индекс развития информационно-телекоммуникационных технологий и глобальный индекс кибербезопасности международного союза электросвязи, индекс цифрового внедрения Всемирного банка, оценка цифровизации государственного управления организацией экономического сотрудничества и развития, а также различные негосударственные оценки цифровизации государственного управления.

Все же основным инструментом для проведения подобных сравнений принято считать Индекс развития электронного правительства ООН (E-Government Development Index, EGDI). С помощью этого комплексного показателя производится анализ готовности государственных органов при

²⁰⁴ Колюшин Е.И. Правовые проблемы электронизации (цифровизации) выборов // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9 (61). С. 103–113.

²⁰⁵ Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Прямая электронная демократия в Российской Федерации: возможности и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 28–29; Нудненко Л.А., Тхабисимова Л.А. Актуальные проблемы совершенствования демократии в России // Государство и право. 2020. № 6. С. 178. С. 171–178.

использовании информационно-телекоммуникационных технологий для оказания государственных услуг²⁰⁶.

Внедрение индекса началось в 2003 году, рассчитывается он один раз в два года, за ранжирование стран отвечает Департамент экономического и социального развития ООН, на настоящий момент Российская Федерация занимает 36 место из 193 стран. Расчет показателей при ведении индекса производится по довольно сложным математическим моделям и учитывает большое количество исходных данных, таких как уровень цифровизации, интенсивность использования информационно-телекоммуникационных технологий, результаты опросов официальных правительственных порталов и т.д.²⁰⁷ К числу основных факторов, тормозящих развитие российского электронного государственного управления, авторы относят: необходимость совершенствования нормативной базы по увеличению цифровизации страны, низкий уровень популяризации цифровых услуг в стране²⁰⁸, а также необходимость внедрения прорывных цифровых технологий, существующих за рубежом²⁰⁹.

Подводя итог, стоит отметить, что широко используемое понятие «электронный референдум» не предусмотрено в нормативной базе Российской Федерации, однако часто применяется в качестве обобщающего термина и характерно для консультативных форм демократии.

Установлено, что применение информационных технологий при реализации механизмов прямой и представительной демократии не вступает в противоречие с принятыми и устоявшимися юридическими идеалами, что, в свою очередь, не должно помешать введению новых механизмов реализации политических прав человека в правовую систему страны.

²⁰⁶ Рейтинг стран мира по уровню развития электронного правительства // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/e-government-survey/info>.

²⁰⁷ См., например: Черняков М.К., Чернякова М.М. Прогнозирование тенденций развития цифрового правительства (e-government) в постсоветских странах // Journal of new economy. 2019. №4. С. 5–21.

²⁰⁸ Габазова Я.Д., Голева Г.А. Международная оценка развития электронного правительства в Российской Федерации (на примере индекса развития электронного правительства ООН) // Молодой исследователь Дона. 2017. №5 (8). С. 176.

²⁰⁹ Добролюбова Е.И. Международные показатели цифровизации государственного управления: обзор практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2019. №1. С. 38.

2. 2. Право на обращение и иные консультативные институты непосредственной демократии

Становление права на обращение происходило в различных правовых формах на довольно долгом промежутке времени. В Великобритании право петиций впервые было закреплено в Билле о правах 1689 года, однако обращения направлялись гражданами с момента образования Парламента. В свою очередь, во Франции право на обращение получило закрепление в Конституции 1791 года²¹⁰. В России право на обращение в органы власти также эволюционировало вместе с иными правами человека посредством принятия важнейших правовых актов. Так, в качестве документа, закрепившего первичную форму рассматриваемого права учеными, отмечается Судебник 1497 года²¹¹, а к числу документов, впервые детализирующих порядок рассмотрения обращений, принято относить манифесты 1763 года и 1810 года²¹². На конституционном уровне право на обращение впервые было закреплено в Конституции СССР 1977 года, где в ст. 49 декларировалось право граждан обращаться в государственные органы и общественные организации с предложениями об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в их работе, должностные лица же получили обязанность в установленные сроки рассматривать и давать на ответы на такие обращения²¹³. В свою очередь, положения Конституции

²¹⁰ Фомина М.Г., Мальцев Н.Г. Право на обращение в органы публичной власти в зарубежных странах: история становления и развития // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 123.

²¹¹ Адамова Э.Р. Эволюция права граждан на обращение в органы государственной власти в России // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. №4. С. 98.

²¹² См., например: Чистяков О.И., Новицкая Т.Е. Законодательство Екатерины II: В II томах. М: Юридическая литература, 2000. С. 516–517; Сагиндыков А.Н. Манифесты как законодательные акты XVII–XIX вв. в системе русского права: понятие и мульти-предикаты в «форме права» // Правовое государство: теория и практика. 2017. №1 (47) С. 66–74.

²¹³ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7.10.1977 г. // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

РСФСР 1978 года детализировали указанные правоотношения и закрепили форму коллективных обращений граждан²¹⁴.

В современной конституционно-правовой доктрине право гражданина на обращение относится к неотъемлемым, политическим субъективным правам и является выражением отношений между публичными органами и гражданами. Рассматриваемое право закреплено в ст. 33 Конституции Российской Федерации, в которой содержится следующее положение: «Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления».

Право на обращение включается в группу политических прав человека как один из действенных механизмов реализации права на управление делами государства и один из важнейших каналов связи между населением и властью²¹⁵. Основной сущностной характеристикой данного права является возможность граждан как выразить свою поддержку государственным органам какими-либо действиями, так и свое несогласие, причем данный институт является наиболее мирным и удобным как для граждан, желающих высказать свою позицию, так и для граждан, никак в этом не заинтересованных и не вовлеченных в данную деятельность. Ведь направление обращений в органы государственной и муниципальной власти никак не затрагивает общественный порядок в отличие от форм выражения мнений, проводимых в формате публичных мероприятий, безусловно создающих определенные трудности.

Право на обращение принято рассматривать в качестве родового понятия для различных форм взаимодействия государства и общества, реализуемых с помощью множества демократических механизмов, такой подход будет использоваться и в рамках данной работы. Однако некоторые

²¹⁴ Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России. Принята ВС РСФСР 12.04.1978 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

²¹⁵ Малявкина Н.В., Алексикова О.Е. Особенности реализации конституционного права граждан Российской Федерации на обращение в органы публичной власти // Вестник Поволжского института управления. 2019. № 19 (2). С. 21.

исследователи конституционного права используют в качестве основного понятия термин «петиция» и включают в его содержание правотворческую и законодательную инициативы граждан, а также право на обращение. Подобное использование терминологии является не совсем верной трактовкой содержательных понятий рассматриваемого института²¹⁶. Все вышеперечисленные особенности рассматриваемого правового института позволяют говорить о его особой значимости для механизмов реализации прав и свобод человека и гражданина применительно к сети Интернет, при этом, в немалой степени подобное утверждение относится и к консультативным институтам непосредственной демократии, которые будут рассмотрены в работе далее.

Содержательные положения и механизмы реализации права на обращение конкретизируются и раскрываются в федеральном законодательстве. Основным нормативным правовым актом, регулирующим данные отношения, является Федеральный закон от 02.05.2006 № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»²¹⁷. Данным законом устанавливается возможность граждан обращаться в органы государственной власти или местного самоуправления и к их должностным лицам как с индивидуальными, так и с коллективными обращениями. Гражданам доступно несколько форм для возможности обращения к органам власти, одним из них является предложение. Исходя из положений закона, под предложением понимается рекомендация гражданина по улучшению нормативных правовых актов, деятельности органов власти, улучшению сфер деятельности государства и общества, развитию общества. Таким образом, предложение является своего рода инструментом для выражения позиций относительно действующего законодательства и не связано с нарушениями права граждан.

²¹⁶ Иванова К.А. Электронные петиции как способ осуществления населением общественного контроля за органами публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 15–17.

²¹⁷ СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

Следующей возможной формой обращения граждан является заявление, данная форма может использоваться гражданами для содействия в реализации их конституционных прав и свобод, для сообщения о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках либо критики в работе органов власти и их должностных лиц.

Также формой обращения может служить жалоба, которая, согласно закону, является просьбой гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав или прав других лиц. Рассматривая различные формы обращений граждан, стоит упомянуть, что они могут производиться в устной, письменной, а также в электронной форме.

Дифференциация данных понятий происходит по содержательному принципу и никак не влияет на порядок их рассмотрения. Как указывается авторами, обращение граждан стоит рассматривать не только в контексте реализации политических прав, но также и в связи с предоставлением органами власти публичных услуг²¹⁸. Исходя из правовых норм, можно сделать вывод, что индивидуальным обращениям граждан уделяется больше внимания, нежели коллективным. Однако, проводя логическую параллель, можно утверждать, что коллективные обращения не могут являться менее значимыми, а, скорее, их рассмотрение является даже более приоритетным.

Важно отметить, что указанный Федеральный закон не закрепляет существующие особенности, присущие электронной форме обращений, а лишь приравнивает обращения, поступившие в форме электронного документа, к иным, традиционным формам обращений, что указывается как значительный недостаток существующего регулирования²¹⁹.

Нужно отметить, что российская практика имеет и довольно специфические формы обращений граждан. Например, в ряде регионов функционирует система «Инцидент», которая, как указывается, обрабатывает информацию, размещаемую пользователями в социальных сетях, и на ее

²¹⁸ Иванова К.А. Указ. соч.

²¹⁹ Решетникова Д.С. Проблемы эффективности реализации права граждан на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 2 (10). С. 66.

основе происходит оперативное реагирование органов власти²²⁰. Подобный мониторинг публикаций в сети Интернет не несет юридически значимой обязанности для какой-либо стороны и скорее должен рассматриваться как один из институтов выявления общественного мнения²²¹.

Наиболее полный перечень форм электронного обращения предлагается А.В. Савоськиным, к которым, по его мнению, стоит относить направление обращений:

- «по электронной почте;
- через электронную приемную официального сайта органа власти в сети Интернет;
- посредством специализированных официальных (государственных) интернет-порталов;
- через электронные терминалы»²²².

Существующая, на первый взгляд, довольно конкретная регламентация реализации данного права на самом деле оставляет некоторое количество спорных вопросов. Например, использование органом власти Интернет-приемной чаще всего фактически является инициативой данного органа, а не требованием законодательства, так как отсутствует какое-либо регулирование в данной сфере. В настоящий момент основными актами, конкретизирующими рассмотрение Интернет-обращений, являются уже упомянутый Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан», а также Типовой регламент внутренней организации федеральных органов исполнительной власти, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации²²³. В данных документах указывается возможность принятия обращений граждан, направленных посредством сети

²²⁰ В Башкирии система «Инцидент менеджмент» зарегистрировала 100-тысячную жалобу // Российская газета. 2020. 12 февраля. URL: <https://rg.ru/2020/02/12/reg-pfo/zhurnalst-rg-odin-den-porabotal-v-sisteme-incident-menedzhment.html>.

²²¹ Камалова Г.Р. Инцидент-менеджмент как новая стратегия коммуникации власти и общества: анализ практик // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 4 (154). С. 31.

²²² Савоськин А.В. Способы подачи электронных обращений в России (проблемы правового регулирования и практики) // Информационное право. 2016. № 3. С. 12–16.

²²³ Постановление Правительства Российской Федерации от 28.07.2005 г. № 452 «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2005. № 31. Ст. 3233.

Интернет, также устанавливается, что после получения обращение рассматривается в обычном порядке. Однако существует определенное противоречие в положениях рассматриваемых актов. В положениях указанного Закона закреплено, что «ответ на обращение направляется в форме электронного документа по адресу электронной почты, указанному в обращении, поступившем в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в форме электронного документа и в письменной форме по почтовому адресу, указанному в обращении». В свою очередь, в ст. 12.11 типового регламента указывается следующее: «Ответы на обращения граждан, поступившие по информационно-телекоммуникационным сетям, направляются по почтовому адресу, указанному в обращениях». Конечно, необходимо помнить про юридическую силу нормативных правовых актов, однако присутствие подобных неточностей и противоречий оставляет возможность для злоупотребления и нарушения прав заявителей.

Проблемным видится и отсутствие каких-либо норм в регламенте Государственной Думы Российской Федерации относительно обращений граждан, направляемых через портал «Приемная Государственной Думы». Возможность использования подобного механизма взаимодействия предусматривается только инструкцией по направлению обращений в рассматриваемую палату Федерального Собрания.

На уровне субъектов федерации, а также муниципальных образований, нормативное закрепление подобной формы обращений тоже встречается – так, например, подобные положения присутствуют в правовых базах Томской области, Пермском крае, в городе Челябинске, а также в некоторых других административных единицах. Однако на основании изученных правовых материалов с уверенностью можно утверждать, что в большинстве случаев не предполагается регистрация подобных форм обращений в особом порядке.

Конечно, стоит отметить, что многие из реализуемых государственных услуг, предоставляемых посредством сети Интернет, не требуют личного посещения какого-либо государственного или муниципального органа, однако все же большинство получаемых при обращении гражданами услуг требуют личного присутствия заявителя. Как справедливо подчеркивается А.В. Савоськиным, довольно часто реализация права на обращения через сеть Интернет остается без юридического оформления, поскольку отсутствуют единые государственные стандарты подобного взаимодействия²²⁴.

Стоит уделить внимание Единому portalу государственных и муниципальных услуг (функций) gosuslugi.ru, который является специализированным государственный порталом для подачи обращений граждан в электронной форме. Основой для деятельности данного портала стал принятый в целях реализации программы «Открытое правительство» Федеральный закон от 27.07.2010 № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»²²⁵, также в настоящий момент работа данного Интернет-сайта регулируется несколькими постановлениями Правительства Российской Федерации²²⁶. Указанные Постановления были последовательно приняты в 2011 году с целью детальной регламентации порядка осуществления функций по оказанию государственных и муниципальных услуг, утвердив правила и положения осуществления данной деятельности.

К числу основных нововведений, привнесенных данным ресурсом, стоит отнести важность подачи заявления онлайн, возможность онлайн-записи на прием и онлайн-оценки оказанных услуг, а также на данном

²²⁴ Савоськин А.В. Указ. соч.

²²⁵ СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

²²⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 24.10.2011 г. № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // СЗ РФ. 2011. № 44. Ст. 6274; Постановление Правительства Российской Федерации от 08.06.2011 г. № 451 «Об инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме» // СЗ РФ. 2011. № 24. Ст. 3503.

ресурсе содержится большое количество информации о деятельности различных органов власти.

Вскоре после появления сайта gosuslugi.ru была решена проблема с досудебным обжалованием вопросов, связанных с предоставлением государственных услуг, путем появления Интернет-ресурса «Госуслуги досудебное обжалование» (do.gosuslugi.ru). На данной платформе предусмотрена возможность подачи жалоб в органы всех уровней государственной власти, а именно в федеральный, региональный и местный с целью обжалования действий органов при предоставлении государственных и муниципальных услуг²²⁷.

В контексте рассматриваемой темы нельзя обойти стороной сервис «Ваш контроль» (vashkontrol.ru), являющийся элементом сферы «Открытого правительства». Данный сервис создавался с целью реализации мониторинга качества государственных и муниципальных услуг, осуществляемого на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 12.12.2012 №1284 ²²⁸. С помощью функционала данного сайта зарегистрировавшийся пользователь может оставлять отзывы по результатам оказания государственных услуг, что может рассматриваться как специфическая форма обращений.

В качестве дополнительной возможности реализации права на обращение через информационно-телекоммуникационные сети указываются электронные терминалы, находящиеся в помещениях, занимаемых органами власти. Стоит отметить, что такая форма обращений не получила большой популярности среди населения и, как указывает А.В. Савоськин, специальное правовое регулирование для подобной деятельности отсутствует²²⁹.

На основании рассмотренной проблематики стоит указать возможные пути реформирования нормативной базы данного общественного института.

²²⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 20.11.2012 г. № 1198 «О федеральной государственной информационной системе, обеспечивающей процесс досудебного (внесудебного) обжалования решений и действий (бездействия), совершенных при предоставлении государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2012. № 48. Ст. 6706

²²⁸ СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7219.

²²⁹ Савоськин А.В. Указ. соч.

Как видится, первоначально необходимо заложить базовые принципы электронного взаимодействия с заявителями, что должно производиться посредством федерального законодательства. Необходимо рассмотреть возможность конкретизации сроков реагирования на определенные обращения к органам власти, содержащие сведения о чрезвычайном характере какой-либо ситуации²³⁰. Предлагается закрепить в нормативных актах требование сокращенного срока рассмотрения обращений, поступающих посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Исходя из существующих положений ст. 12 ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», срок рассмотрения письменного обращения, поступивший в государственный орган или орган местного самоуправления, составляет 30 дней, предлагается установить сокращенный срок для рассмотрения обращения, поступившего посредством сети Интернет, а именно 21 день. Такое незначительное сокращение срока, с одной стороны, должно в разы увеличить количество обращений, направляемых через информационные сети, а, с другой, оставляет достаточно времени для рассмотрения обращения уполномоченными лицами. В целом подобные шаги могут крайне положительно повлиять на уровень доверия населения к электронной демократии.

Нужно подчеркнуть, что положения, предусматривающие уменьшения срока рассмотрения обращений, содержатся в законодательстве ряда субъектов Российской Федерации, например, они присутствуют в нормативной базе Московской области, однако эти нормы никак не связаны с подачей обращения через Интернет. Ускорение рассмотрения обращений, поступающих онлайн, может иметь целый ряд положительных качеств, во-первых, стимулировать граждан к более активному изучению использования Всемирной сети, что в условиях цифровизации стоит рассматривать как

²³⁰ Малявкина Н.В., Алексикова О.Е. Особенности реализации конституционного права граждан Российской Федерации на обращение в органы публичной власти // Вестник Поволжского института управления. 2019. № 19 (2). С. 27

крайне положительное качество, во-вторых, уменьшение количества обращений на бумажных носителях, что уменьшит нагрузку на аппарат государственных и муниципальных органов²³¹.

Немаловажное значение в осуществлении правосубъектности при реализации конституционного права на обращение занимает работа с обращениями граждан, поступающими посредством сети Интернет, в судебные органы. Так, например, как отмечает Е.В. Булгаков, с целью реализации положений Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в арбитражных судах были разработаны и внедрены сервисы «Интернет-приемная» и «Гостевая книга председателя»²³².

Исследователями в целом отмечается положительная динамика развития отношений в сфере взаимодействия граждан с судебными органами посредством сети Интернет, однако, как подчеркивается, до полноценного замещения электронных документов традиционными, печатными еще далеко²³³. Такой подход применим практически ко всем видам обращений, реализуемых с использованием Сети.

Как указывалось ранее, право на обращение является многогранным институтом реализации политических прав граждан и содержит в себе множество различных форм реализации. Так, например, в настоящее время в России активно используются разнообразные механизмы выявления общественного мнения по социально-значимым вопросам путем использования сервисов в сети Интернет. Причем важной особенностью является тот факт, что инициаторами подобных мероприятий являются как граждане Российской Федерации, так и органы публичной власти. Специфическая природа данных действий выражается в том, что теоретически им придается особый правовой статус, однако юридически они

²³¹ Решетникова Д.С. Проблемы эффективности реализации права граждан на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 2 (10). С. 65–68.

²³² Булгакова Е.В. Электронное правосудие // Российский судья. 2013. № 7. С. 14–17.

²³³ Шарифуллин Р.А., Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г. Элементы электронного правосудия // Российский судья. 2018. № 6. С. 57–62.

чаще всего являются формой коллективных обращений граждан, к которым применяется особый порядок рассмотрения, ввиду их большей поддержки населением.

Изучая иностранный опыт, А.И. Черкасов приходит к выводу, что существует тенденция увеличения консультативных форм взаимодействия с населением для разрешения насущных вопросов, при этом данная практика становится одной из основ принятия решений. Для правомерной реализации подобных механизмов осуществляется реформирование законодательства с целью расширения форм прямой демократии и увеличение уровня открытости органов власти непосредственно через использование ресурсов Всемирной сети. Подобная деятельность именуется так называемым «интерактивным управлением»²³⁴.

В настоящее время одной из важнейших форм выявления общественного мнения при использовании сети Интернет является Российская общественная инициатива (далее – РОИ), которую в современных реалиях можно причислять к механизмам реализации права на участие в управлении делами государства²³⁵. Импульс развитию данному институту придал Указ Президента от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», который предусмотрел создание технических и организационных условий для публичного представления предложений граждан с использованием специализированного ресурса в сети Интернет.

Данная площадка была создана в 2013 году на основании Указа Президента Российской Федерации «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»²³⁶. Исходя из положений этого указа РОИ является площадкой,

²³⁴ Черкасов А.И. Кризис представительной демократии на местном уровне в зарубежных странах и механизмы его преодоления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2014. № 1. С. 27–29.

²³⁵ Ибрагимов Г.Ш. Российская общественная инициатива: проблемы правового регулирования. Скиф // Вопросы студенческой науки. 2019. № 4 (32). С. 328.

²³⁶ СЗ РФ. 2013. № 10. Ст. 1019.

на которой граждане Российской Федерации представляют свои предложения по решению различных общественно важных вопросов.

Принцип направления обращений при использовании данной платформы является схожим с обычным коллективным обращением граждан, однако имеет целый ряд дополнительных ограничений, которые заключаются в следующем: подписывать и направлять инициативы имеют право только граждане, достигшие 18-летнего возраста и прошедшие регистрацию в «Единой системе идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме», причем при регистрации необходимо предоставлять паспортные данные. Также любой инициативе, предлагаемой гражданами, требуется пройти предварительную экспертизу, которая должна осуществляться уполномоченной некоммерческой организацией и в срок не более 2 месяцев. Инициатор предложенной инициативы должен указывать уровень организации власти, на котором предлагается внедрение положений инициативы, федеральный, региональный или местный. От уровня применения рассматриваемой инициативы зависит и количество подписей, необходимых для ее рассмотрения. Так, если инициатива направлена на регулирование правоотношений на федеральном уровне, то требуется поддержка не менее 100 000 человек, если инициатива регионального либо местного уровня, то тогда необходимый уровень поддержки составляет не менее 5% населения от постоянно проживающих на данной территории. После того как инициатива набрала необходимое количество голосов в свою поддержку, она направляется на рассмотрение в экспертную группу соответствующего уровня, где будет рассматриваться вопрос о ее применении и реализации содержащихся в ней положений.

В целом создание данного института оценивается положительно и учеными указывается на его особую значимость в свете присоединения

Интернет-ресурсов к такой форме непосредственной демократии, как народная инициатива²³⁷. Однако существуют и определенные недостатки, к которым можно в первую очередь отнести отсутствие обязанности уполномоченных органов власти учета подобных инициатив. Соответственно, такой институт рассматривается как одна из форм выявления общественного мнения и не имеющая отношения к формам народного правотворчества.

Необходимо отметить, что в настоящий момент наиболее социально значимые инициативы так и остались не реализованными даже с учетом необходимой поддержки²³⁸. Фактически складывается ситуация, когда органы публичной власти могут отклонить поддержанную инициативу без каких-либо правовых последствий. Данное положение крайне негативно сказывается на доверии населения к рассматриваемой процедуре. Однако авторы указывают, что имела место реализация инициатив, не набравших необходимого минимума поддержки со стороны населения, при этом, этот факт не был помехой для их реализации. Данные действия по принятию решений, вместе с игнорированием мнения населения²³⁹, в дальнейшем могут приводить к дискредитации создания РОИ²⁴⁰.

Интересным представляется изучение вопроса, связанного с участниками предварительного рассмотрения инициативы, а также ее рассмотрение после получения необходимой поддержки. Как указывает С.А. Авакьян, фактически как на этапе предварительного контроля, так и на этапе ее непосредственного рассмотрения этим занимаются органы государственной власти, без привлечения представителей общественности, что может в определенной мере политизировать данный институт и оставить острую социальную инициативу без движения, если ее рассмотрение

²³⁷ Авакьян С.А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 16.

²³⁸ Ибрагимова Г.Ш. Российская общественная инициатива: проблемы правового регулирования. // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 4 (32). С. 330.

²³⁹ Давыдова М.Л., Гончарова А.А. Проблемы и перспективы реализации проекта «Российская общественная инициатива» // Legal Concept. 2015. № 2. С. 62–63.

²⁴⁰ Волошинская А.А. «Российская общественная инициатива»: парадоксы отечественной электронной демократии // Власть. 2016. № 1. С. 48.

является невыгодным для органов власти²⁴¹. Стоит отметить, что у данного негативного подхода к необходимости предварительной модерации инициативы существуют свои сторонники²⁴². Однако, в свою очередь, они характеризуют эту необходимую форму контроля позитивно, указывая, что тем самым у организаторов выдвижения инициативы отпадает необходимость подготовки точного, с юридической точки зрения документа, что является необходимым требованием для рассмотрения правотворческой инициативы граждан²⁴³.

На основании сравнительного правового анализа понятий «правотворческая инициатива» и «общественная инициатива» можно сделать вывод, что общественная инициатива имеет рекомендательную форму²⁴⁴, а правотворческая инициатива является предложением проекта муниципального или регионального нормативного правового акта, а так как других форм осуществления правотворческих инициатив российская правовая база не предусматривает, можно утверждать, что посредством сети Интернет можно реализовывать инициативу только рекомендательного характера. Стоит упомянуть, что некоторые авторы выделяют в качестве субъектов законодательной инициативы на федеральном уровне граждан и их объединения, указывая, что они обладают правом вносить законопроекты в Государственную думу, но не стоит забывать, что такие законопроекты подлежат только лишь процедуре обсуждения и не предусматривают обязанности их рассмотрения на пленарных заседаниях²⁴⁵. К существенным отличиям стоит также отнести то, что перечень субъектов законодательной инициативы является закрытым, о чем указывается в определении

²⁴¹ Авакьян С.А. Указ. соч. С. 12.

²⁴² Фролова Н.А. Отдельные проблемы реализации института общественной инициативы // Гражданское общество и правовое государство. 2015. Т. 1. С. 45.

²⁴³ Гузий А.Е. Соотношение понятий «Правотворческая инициатива» и «Общественная инициатива» // Сибирское юридическое обозрение. 2015. №1 (26). С. 11.

²⁴⁴ Там же. С. 9.

²⁴⁵ Кокотов А.Н. Законодательная инициатива в федеральном парламентском законодательном процессе // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 61.

Конституционного суда Российской Федерации ²⁴⁶. Законопроект, предложенный лицами, не имеющими конституционного права законодательной инициативы, может в том или ином виде учитываться в законодательном процессе в качестве дополнительных материалов, однако к этому стоит относиться, скорее, как к форме некоего вспомогательного правотворчества.

Перечень субъектов обладающих правом законодательной инициативы на федеральном указан в ст. 104 Конституции Российской Федерации, на уровне субъектов в Конституции или Уставе субъекта, в некоторых из них группе избирателей предоставляется право предложить законопроект, который в обязательном порядке должен быть рассмотрен представительным органом субъекта. Такие положения присутствуют, например, в Уставах Свердловской области, ХМАО–Югре, Еврейской автономной области, Санкт-Петербурге²⁴⁷ и т.д. Возможность обращения граждан с правотворческой инициативой в законодательные органы власти субъекта была закреплена ст. 6 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»²⁴⁸. Так как регулирование данного института является крайне ограниченным, в настоящее время в региональном законодательстве сформировалась довольно разнообразная практика его закрепления. Например, применяются такие термины, как гражданская законодательная инициатива, народная инициатива, народная правотворческая инициатива и т.д. Подобные положения присутствуют и в нормативной базе некоторых

²⁴⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.10.1999 № 150-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Привалова Анатолия Алексеевича на нарушение основ конституционного строя Российской Федерации статьей 104 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁷ Устав Свердловской области от 23.12.2010 г. № 105-ОЗ (принят Областной Думой Законодательного Собрания Свердловской области 30.11.2010) (ред. от 24.09.2018) // Областная газета. 2010. № 466-467; Устав (Основной закон) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 26.04.1995 г. № 4-ОЗ (принят Думой Ханты-Мансийского автономного округа 26.04.1995) (ред. от 08.12.2017) // Новости Югры. 2005. № 44; 4.

Устав Еврейской автономной области от 08.10.1997 г. № 40-ОЗ (принят ЗС ЕАО 08.10.1997) (ред. от 29.11.2018) // Биробиджанская звезда. 2002. № 90; Устав Санкт-Петербурга (принят ЗС СПб 14.01.1998) (ред. от 25.10.2018) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 1998. № 2.

²⁴⁸ СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

муниципальных образований, такое регулирование осуществляется на основании нормы закрепленной в ст. 26 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»²⁴⁹.

Однако, практически все указанные недостатки при деятельности, связанной с РОИ, могут быть преодолены наделением получившей большую поддержку инициативы, размещенной на сайте РОИ, процедурой обязательного рассмотрения органом власти соответствующего уровня или же принятия требования о необходимости мотивированного отказа в принятии подобного акта.

Авторы также указывают, что при формировании в России института народной правотворческой инициативы на федеральном уровне основной проблемой станет вопрос сбора подписей в ее поддержку²⁵⁰, решением данной проблемы может послужить возможность сбора квалифицированных подписей в электронном виде после процедуры регистрации пользователей. Подобный механизм может значительно облегчить многие процессы, связанные с выявлением общественного мнения, в том числе и при использовании институтов непосредственной демократии. При этом стоит учитывать существующий опыт использования электронного голосования, применявшегося на всенародном голосовании по поправкам в Конституцию Российской Федерации в 2020 году.

Таким образом, можно отметить, что существует реальная проблема обращения граждан посредством такого ресурса, как РОИ, так как фактически они не могут в полной мере реализовать свое право на управление делами государства. Конечно, данная проблема не может решаться сиюминутно и требует серьезных и взвешенных решений, а также повышенного внимания со стороны представителей власти.

²⁴⁹СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

²⁵⁰ Фетюков Ф.В. Народная законодательная инициатива как форма взаимодействия государства и гражданского общества // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2018. № 2 (104). С. 64.

В качестве еще одной проблемы можно выделить недоверие граждан к процедуре реализации данной инициативы, связанной в том числе с отсутствием глубоких познаний в технических вопросах организации данного ресурса, что может отталкивать граждан от участия в мероприятиях подобного рода.

Подытоживая вопрос, связанный с нормативным закреплением института петиций на федеральном уровне как одного из видов обращений граждан, стоит отметить, что Интернет-петиции имеют большой потенциал при реализации коллективными субъектами конституционного права на обращение, хотя и требует определенного совершенствования²⁵¹.

При рассмотрении вопроса, связанного с общественными инициативами граждан, необходимо отметить, что федеральные проекты являются не единственными способами реализации политических прав граждан, и важное место занимают подобные региональные платформы. Отмечая положительный опыт использования средств электронной демократии на региональном уровне²⁵², стоит выделить Интернет-ресурс «Электронная демократия», который существует в Новосибирской области. Основной целью данного портала является укрепление взаимодействия между населением региона и органами власти. Специалистами в области права разрабатываются предложения, содержащие детальный механизм использования подобных Интернет-площадок в других регионах России²⁵³. Исследователями в качестве положительных последствий указывается возможность выявления реальных потребностей населения с учетом их интересов, а также возможность стимулирования правовой активности населения в целом²⁵⁴.

²⁵¹ Савоськин А.В., Мещерягина В.А. О реализации конституционного права на обращение в сети Интернет. Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 32.

²⁵² Галиев Р.С., Васильков К.А. Конституционно-правовое регулирование Интернет-демократии в Российской Федерации и пути совершенствования института общественных инициатив (на примере Алтайского Края) // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 25.

²⁵³ Там же. С. 26.

²⁵⁴ Там же. С. 27.

Можно предположить, что идея расширения консультативных форм взаимодействия общества и органов власти посредством сети Интернет базируется на существующих на муниципальном уровне разнообразиях форм непосредственной демократии, которыми, в свою очередь, являются публичные слушания, общественные обсуждения, собрания, конференции и опросы граждан. Исследователи отмечают, что опыт применения такой новой формы взаимодействия, как электронные референдумы, имеет положительную тенденцию в муниципалитетах с развитой телекоммуникационной инфраструктурой²⁵⁵. Стоит также отметить важность подобного опыта при придании легитимности различным решениям органов власти.

Крайне удачным видится опыт использования платформы «Активный гражданин», которая применяется в городе Москве. Данная платформа создавалась в целях реализации основных принципов проекта Открытого правительства, а именно вовлечения граждан в процессы государственного и муниципального управления в субъекте Российской Федерации. С инициативой образования платформы в 2014 году выступило Правительство Москвы, основной задачей формулировалось создание площадки для проведения так называемых открытых референдумов в электронной форме. В настоящий момент рассматриваемая платформа в основном применяется для решения отдельных вопросов, связанных с благоустройством города. Вопросы могут быть как локального значения, так и общегородского. Особенностью такого механизма, как и иных видов учета общественного мнения, является отсутствие у граждан возможности формирования итогового императивного решения по обсуждаемому вопросу.

Опыт применения информационных технологий при решении вопросов, возникающих при осуществлении государственного управления на уровне субъектов и муниципалитетов, также имеется, например, в

²⁵⁵ Нечкин А.В. Непопулярные реформы в России: понятие и возможные пути легитимации // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 4. С. 18–22.

Ульяновской области и Республике Татарстан, однако широкого применения подобные институты там так и не получили. Столь незначительное применение различных Интернет-ресурсов ученые в том числе связывают с проблемой обеспечения безопасности и защиты персональных данных участников. Данная проблема действительно возникает довольно часто, обеспечение безопасности данных в эпоху цифровизации представляется проблемным вопросом, негативным фактором видится и увеличение хакерских атак на информационные ресурсы государственных органов в сети Интернет, что вызывает большие опасения, при этом не стоит забывать, что данный вопрос является техническим и не может быть решен специалистами в области юриспруденции.

На основании изучения различных форм осуществления коллективных обращений граждан к числу основных функций, присущих Интернет-петициям, стоит отнести следующие: информационную, коммуникационную и правозащитную²⁵⁶. Подобная функциональная составляющая дает возможность охарактеризовать рассматриваемые правоотношения как один из реальных способов привлечения общественного и государственного внимания к существующим в обществе проблемам.

Также указывается на такую функцию, реализуемую рассмотренными платформами, как осуществление общественного контроля, в том числе относя данные ресурсы к списку таких институтов общественного контроля, как общественные палаты разных уровней организации и общественные советы при органах публичной власти²⁵⁷. Сравнение подобного рода видится не совсем правильным, поскольку указанные коллегиальные органы имеют различные широкие полномочия, в том числе и определенные контрольные функции, соответственно, отнесение коллективных обращений граждан к

²⁵⁶ Кравец И.А. Конституционно-правовые инновации как способ совершенствования механизма защиты прав и свобод личности, прав юридических лиц // Инновационное развитие юридической науки как фактор укрепления российской государственности: Материалы конференции: Сб. науч. ст. 2012. С. 17–24.

²⁵⁷ Шарнина Л.А. Общественный контроль как гарантия конституционной законности при реализации конституционного усмотрения // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 10–14.

числу форм общественного контроля стоит рассматривать как не совсем верное.

В целом использование Интернет-петиций представляется одним из самых эффективных и наименее финансово затратных механизмов взаимодействия государства и общества по решению различных вопросов общественной жизни. Однако сложившаяся неоднозначная практика применения данного института требует его реформирования. Так, признание подобной формы демократии одним из видов законодательной инициативы, ввиду наличия закрытого перечня субъектов, обладающих подобным правом в Конституции, является крайне сложным, в связи с чем предлагается установить институт обязательного рассмотрения органами исполнительной власти таких обращений, в зависимости от уровня осуществления инициативы. Таким образом, в обязательном порядке предлагается рассматриваться обращения, которые получили более значительную поддержку граждан, относительно установленных в настоящий момент требований²⁵⁸. Например, для федерального уровня предлагается поднять существующие требования и установить необходимость сбора 200 000 подписей, полученных в течение одного года, а для остальных уровней также увеличить необходимое количество подписей в 2 раза. Данное предложение стоит обосновать российским и мировым опытом реализации политических прав и свобод в сети Интернет, представленным в исследовании ранее. Подобный усложненный механизм оформления обращений сможет отфильтровать инициативы, затрагивающие наиболее общественно значимые отношения.

При этом важно учесть и фактор стремительно растущего числа пользователей сети Интернет, который по разным источникам, в среднем

²⁵⁸ Малявкина Н.В., Алексикова О.Е. Особенности реализации конституционного права граждан Российской Федерации на обращение в органы публичной власти // Вестник Поволжского института управления. 2019. № 19 (2). С. 26.

составляет около 7.3% ежегодно²⁵⁹. Подобная статистика является важной в рамках исследования, так как с момента принятия многих нормативных правовых актов, регулирующих рассматриваемую сферу правоотношений, прошло более 5 лет, в течение которых, отсутствовало изменение критериев для рассмотрения инициатив граждан.

Еще одним примером использования сети Интернет при осуществлении непосредственного народовластия можно указать всенародное обсуждение законопроектов или, как их еще называют, общественное обсуждение законопроектов. В России существует небольшой опыт подобной практики – так, например, на специально созданном сайте проходило обсуждение проектов Федеральных законов «Об образовании в Российской Федерации» и «О полиции». За время обсуждений поступило больше тысячи предложений, некоторые из которых являлись довольно интересными, однако принято и использовано было всего несколько, при этом порядок отбора поступивших предложений не уточнялся. Важной составляющей обсуждений явилось отсутствие специального правового регулирования, которым устанавливались процедура и порядок проведения подобного рода обсуждений в сети Интернет.

В свою очередь, в качестве существенной проблемы указанных обсуждений стоит подчеркнуть возможность изучить и внести свои предложения только пользователям сети Интернет. Таким образом, на практике сложилась ситуация, когда возможны ограничения конституционных прав граждан, не обладающих доступом к Интернету или не имеющих определённых технических знаний для реализации своих законных прав. Подобные действия могут иметь крайне негативные последствия для легитимности таких обсуждений.

Стоит отметить, что в момент проведения указанных обсуждений возможность вынесения законопроекта на всенародное обсуждение

²⁵⁹ Digital 2021: global overview report // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report>; Digital 2020: global digital overview // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview>.

предусматривалась только регламентом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в соответствии с которым на обсуждение может быть вынесен законопроект, принятый палатой в первом чтении²⁶⁰, рассматриваемый документ это положение больше никак не регулирует. На момент написания данной работы к использованию данных положений Государственная дума не прибегала.

В свою очередь, в 2012 году Постановлением от 27.06.2012 № 194-СФ²⁶¹ регламент Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации был дополнен ст. 143.1, которая предусматривает возможность, по итогам рассмотрения законопроекта, его вынесения на общественное обсуждение²⁶². Регламентом предусмотрено, что законопроект вместе с соответствующим постановлением палаты размещается на официальном сайте Совета Федерации в сети Интернет. Палата сама устанавливает срок проведения обсуждений и ответственный комитет. Однако в положениях регламента отсутствует подробное регулированное данной процедуры, как и информация об обязательности учета мнения участников обсуждений.

В целях организации проведения всенародного обсуждения упомянутых ранее Федеральных законов 09.02.2011 года был подписан Указ Президента Российской Федерации № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов». Согласно данному акту, у Президента появилась возможность вынесения проектов законов на общественные обсуждения, но только в том случае, если они затрагивают основные направления государственной политики в области социально-экономического развития страны. Данный законопроект вместе с сопроводительными документами подлежит размещению в сети Интернет на срок 90 дней, подобная обязанность возлагается на федеральный орган

²⁶⁰ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 г. № 2134-II ГД (ред. от 15.11.2018) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

²⁶¹ СЗ РФ. 2012. № 27. Ст. 3620.

²⁶² Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30.01.2002 № 33-СФ (ред. от 17.01.2018) «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 635.

государственной власти, который является разработчиком проекта. В дальнейшем после истечения данного срока орган государственной власти предоставляет Президенту доклад о результатах обсуждения.

Постановлением Правительства Российской Федерации № 159 22.02.2012 были утверждены Правила проведения общественного обсуждения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов²⁶³, которые в скором времени утратили силу. Дальнейшее развитие рассматриваемых правоотношений производилось Указом Президента от 7.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», в соответствии с которым Правительству поручалось создание единого ресурса в информационно-телекоммуникационной сети Интернет для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов, ходе и результатах их общественного обсуждения. В целях реализации указанного документа Правительством было принято Постановление № 851, которым устанавливались новые Правила раскрытия информации и общественного обсуждения нормативных актов²⁶⁴.

Согласно положениям данных правил, не все проекты нормативных правовых актов подлежат общественному обсуждению. Рассматриваемая процедура не распространяется на акты составляющую государственную тайну, а также акты, касающиеся бюджетных отношений, акты, подлежащие оценке регулирующего воздействия, нормативные правовые акты по вопросам, связанным с регулированием международных договоров и, наконец, акты, для разработки которых Правительством установлен срок, не превышающий 20 дней. Стоит подчеркнуть, что федеральный орган исполнительной власти, являющийся разработчиком проекта нормативного акта, может не выносить на общественное обсуждение проекты актов о

²⁶³ СЗ РФ. 2012. № 10. Ст. 1247.

²⁶⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2012 г. № 851 (ред. от 31.10.2018) «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4902.

признании утратившими силу подзаконных нормативных правовых актов, которые разрабатывались в соответствии с нормативными правовыми актами, обладающими большей юридической силой и признанными утратившими силу. Также согласно Правилам, органом устанавливается срок проведения общественной экспертизы, который по общему правилу не может составлять менее 15 дней, а для проектов государственных программ и федеральных целевых программ срок размещения не может составлять менее 60 дней. По истечении установленного срока уполномоченный орган готовит сводку поступивших предложений со своими комментариями.

Органом исполнительной власти, занимающимся разработкой проекта нормативного правового акта, принимается решение о размещении проекта на официальном сайте ведомства или на специализированных Интернет-сайтах. В настоящее время в качестве специализированного ресурса используется «Федеральный портал проектов нормативных правовых актов» (regulation.gov.ru). Таким образом весь необходимый пакет документов размещается его разработчиком на указанном портале.

В настоящее время складывается ситуация, когда инициаторами общественного обсуждения на федеральном уровне являются два субъекта. Одним из них выступают органы исполнительной власти, причем в обязательном порядке, а также такими правами обладает Президент Российской Федерации, однако его полномочия не носят обязательного характера и ограничены сферой, затрагиваемой законопроектом, который должен относиться к вопросам социально-экономического развития страны.

Особо спорными представляются вопросы отсутствия требований об обязательности вынесения на обсуждение целого ряда нормативных актов, к которым, в том числе, стоит относить акты Президента. Также спорным остается вопрос, может ли Президент потребовать вынесения на обсуждение проектов законов, разрабатываемых Государственной Думой и Советом

Федерации²⁶⁵. Однозначного ответа на данный вопрос в юридической литературе и правоприменительной практике нет.

В качестве еще нескольких существенных недостатков процедуры всенародного обсуждения законопроектов можно выделить недостаточную осведомленность населения, которую предлагается решать посредством использования СМИ с целью оповещения граждан о предстоящем обсуждении, а также возможности участия в нем²⁶⁶. Важным также является структурирование информации, размещаемой на сайте regulation.gov.ru, для удобства использования и возможности быстрого поиска наиболее важных документов, которые в большей степени затрагивают права и свободы человека и гражданина, стоит предусмотреть отдельный раздел на сайте. Также возможным вариантом, который стоит рассмотреть более детально, является создание отдельного сайта для размещения самых значимых законопроектов, при этом стоит использовать уже существующий опыт всенародных обсуждений, который был получен в 2010-2011 годах на обсуждениях законопроектов, касающихся образования и деятельности полиции, а также в 2020 году во время проведения всеобщего голосования по поправкам в Конституцию России. Опыт применения подобных сайтов является положительным, так как данные сайты являлись крайне информативными и интуитивно понятными для большинства граждан.

Крайне интересным представляется размещение в рамках процедуры общественного обсуждения проектов нормативных актов, действующего законодательства, с целью упрощения ознакомления с ним лицами, не обладающими специальными, юридическими познаниями. Подобная процедура применялась при официальном размещении в сети Интернет предлагаемых поправок в Конституцию Российской Федерации. Стоит отметить, что при ее осуществлении использовался крайне наглядный и

²⁶⁵ См., например: Черногор Н.Н., Залоило М.В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 74–92; Каменская Е.В. Модернизация правотворчества: основные тенденции // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2017. № 1. С. 4–5;

²⁶⁶ Соколова М.А. Дефекты юридических документов: монография. М.: Юриспруденция, 2016. 160 с.

понятный способ донесения информации об изменяющихся положениях Основного закона.

Как отмечается, одним из важнейших при участии населения в процедурах общественного обсуждения является именно проблематика, связанная с понятийным аппаратом, что влечет столь низкое участие населения в подобной деятельности. Получается, что публичное обсуждение проектов «в среднем собирает 0,97 участника в расчете на один акт. У 27% ведомств нет ни одного участника обсуждений проектов, еще у 50% — менее одного участника. На проекты 47% актов не поступает ни одного отзыва»²⁶⁷. Столь низкое участие граждан в данной процедуре может иметь различные основания, однако, как видится, в первую очередь необходимо увеличение информированности населения о реальных возможностях участия в управлении делами государства. Как указывает Е.А. Хохлова, необходима «демонстрация действительной заинтересованности органов власти в участии граждан в обсуждении, реальный диалог власти с населением, а не только показательные демократические процедуры»²⁶⁸. В связи с этим реально действенным шагом видится обязательность учета уполномоченными органами мнения, высказанного во время проведения общественного обсуждения. Фактически в настоящий момент отсутствуют какие-либо требования, касающиеся обязательности учета данных мнений, в том числе в доктрине указывается на возможные злоупотребления, связанные с отсутствием регулирования, согласно которому возможно внесение коренных изменений в законопроект уже после проведения процедуры обсуждения²⁶⁹.

Подводя итог, стоит указать, что посредством федерального законодательства необходимо заложить базовые принципы электронного

²⁶⁷ Дзидзоев Р.М., Тамаев А.М. Общественное (публичное) обсуждение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов в формате открытого правительства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 70.

²⁶⁸ Хохлова Е.А. Общественное обсуждение законопроектов и важных вопросов государственной и/или общественной жизни: конституционно-правовое регулирование и практика применения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 47–59.

²⁶⁹ Черногор Н.Н., Залоило М.В. Указ. соч.

взаимодействия с заявителями, которые в дальнейшем, должны будут найти продолжение в законодательстве субъектов.

В целях стимулирования использования при обращении в органы власти гражданами сети Интернет, предлагается закрепить в нормативных актах требование сокращенного срока рассмотрения обращений, например, поступающих посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Особое внимание при этом стоит уделить институту Российской общественной инициативы, и посредством наделения получившей большую поддержку инициативы, размещенной на сайте проекта РОИ, процедурой обязательного рассмотрения органом власти соответствующего уровня, или же принятия требования о необходимости мотивированного отказа в принятии подобного акта может иметь крайне положительный эффект.

Выявлен и положительный опыт проведения общественных обсуждений самых значимых законопроектов на отдельном сайте в сети Интернет, что позволяет говорить о возможности дальнейшего привлечения населения к реализации механизмов прямой демократии с использованием цифровых технологий сети Интернет.

2. 3. Особенности проведения публичных мероприятий в сети Интернет

Не стоит забывать, что совершенствование каких-либо технологий в первую очередь несет в себе неминуемое развитие различных общественных правоотношений. Так, мессенджеры и социальные сети давно используются в качестве инструмента для вовлечения людей в политические акции, а также для управления большим количеством людей во время самих акций²⁷⁰. Первым опытом применения социальных сетей и мессенджеров с подобной целью принято считать протесты в Молдавии и Иране²⁷¹, которые проходили уже более 10 лет назад, что является довольно большим сроком, даже

²⁷⁰ Революция соцсетей: протесты, которые начались с Интернета. URL: <https://kod.ru/social-network-revolutions/>.

²⁷¹ Мизюркин Ю.А. Роль интернет-коммуникаций в движениях протеста в странах Магриба и Ближнего Востока // Пути к миру и безопасности. 2013. № 1 (44). С. 113.

несмотря на стремительное развитие информационных технологий, которое в наши дни дает социальным сетям просто безграничные возможности в данной области.

Современными учеными, ведущими свои исследования в области политики, проводятся крайне глубокие изучения темы Интернет-мемов, которые, по их мнению, могут использоваться как оружие в информационной войне²⁷². Зарубежными исследователями даже применяется такой термин, как «величайшая война мемов»²⁷³, который относится к противостоянию сторонников Дональда Трампа и Хиллари Клинтон на президентских выборах в США в 2016 году.

Российское Интернет-пространство также становится популярным местом для реализации гражданами своих политических прав. Так, 20 апреля 2020 года в приложениях «Яндекс.Навигатор» и «Яндекс.Карты» на центральных площадях различных городов России начали появляться метки с комментариями пользователей, выражающими позицию о политической ситуации. Спустя какое-то время метки начали пропадать. Как объяснили в пресс-службе компании «Яндекс», которой принадлежат данные сервисы, метки были удалены в соответствии с правилами модерации, как не относящиеся к дорожной ситуации²⁷⁴. Многие средства массовой информации назвали эти действия «виртуальными митингами»²⁷⁵. В обстоятельствах, когда большинство стран мира вводят ограничения, связанные с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией, публичные акции вынужденно перешли в формат мероприятий, стихийно проводимых в сети Интернет. Однако данное явление не стоит связывать только с пандемией коронавируса, охватившей весь мир, нужно заметить, что данная

²⁷² Шомова С.А. «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния // Мониторинг. 2019. №5 (153). С. 255.

²⁷³ Nagy L. Memes and their impact on politics. // University of Pannonia, Veszprém, 2018. URL: https://www.academia.edu/38128191/Memes_and_their_impact_on_politics.

²⁷⁴ В «Яндекс.Навигаторе» признали удаление комментариев участников виртуальных митингов // Новая газета. 2020. 20 апреля. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2020/04/20/160869-v-yandeks-navigatore-priznali-udalenie-kommentarijev-uchastnikov-virtualnyh-mitingov>.

²⁷⁵ «Яндекс» объяснил удаление меток участников виртуальных митингов // РБК. 2020. 20 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e9dd5269a794704743d5ee2>.

тенденция наметилась довольно давно, а всеобщие карантинные меры послужили лишь необходимым ее катализатором. Для развития конституционно-правовой доктрины, как для источника науки конституционного права, крайне значимым является мнение председателя Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, который высказывает следующую позицию: «Граждане имеют конституционное право на протест, то есть право всеми законными средствами выразить свое недовольство и несогласие с неправовыми или неэффективными действиями государственных и муниципальных властей»²⁷⁶. Для изучения законности рассматриваемых акций необходимо обратиться к законодательству, регулирующему массовые мероприятия.

Согласно ст. 31 Конституции Российской Федерации «граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования». По отношению к органам власти и органам местного самоуправления ст. 31 Конституции предусматривается охранительное право гражданам на участие в публичных мероприятиях. Действия государства должны быть регламентированы и строго определены. Также к важным функциям государственных органов и органов местного самоуправления относится обязанность по обеспечению безопасности проведения манифестаций. Для реализации данных полномочий применяется уведомительный характер для согласования подобных акций. Право на свободу манифестаций можно кратко охарактеризовать как механизм выражения обществом отношения как к политическим вопросам, так и к проблемам общественности, а также как возможность защитить свои права и свободы, позволяющие требовать от органов власти принятия решений по разрешению общественно важных вопросов²⁷⁷.

²⁷⁶ Зорькин В.Д. Право в цифровом мире Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>.

²⁷⁷ Буянтуева Р.С. Понятие и сущность свободы манифестаций // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 22. С. 7.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»²⁷⁸ (далее – закон о собраниях), в которой указаны основные понятия, касающиеся правового регулирования массовых мероприятий, под публичным мероприятием понимается следующее – открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, в том числе с использованием транспортных средств. Целью публичного мероприятия является свободное выражение и формирование мнений, выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики или информирование избирателей о своей деятельности при встрече депутата законодательного (представительного) органа государственной власти, депутата представительного органа муниципального образования с избирателями. Исходя из данного положения, можно предположить, что у проводимых в сети Интернет-акций присутствуют все необходимые составляющие для их отнесения к ряду публичных мероприятий. Единственным недостатком является тот факт, что мероприятия, проводимые посредством сети Интернет, не подпадают под конкретное определение какой-либо публичной акции, закрепленной в законе о собраниях. Стоит отметить, что в ст. 2 рассматриваемого Федерального закона содержится закрытый перечень форм публичных мероприятий, и в юридической науке уже высказывались мнения о необходимости реформирования как самого перечня проводимых акций, так и понятия публичного мероприятия²⁷⁹.

²⁷⁸ СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

²⁷⁹ Мараев Т.И. К вопросу о разграничении понятий «массовое мероприятие» и «публичное мероприятие» // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 226.

Рассмотренная выше акция, проведенная с использованием сервисов компании «Яндекс», по своему характеру больше всего близка к понятию митинг, под которым, согласно вышеуказанному закону, стоит понимать массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера. Если предположить, что на момент проведения акции проблемы общественно-политического характера являлись актуальными, то можно говорить о прошедших мероприятиях как о митингах, естественно, с единственной оговоркой, допускающей, что физически люди на них не находились. Физическое присутствие при современном развитии технологий перестает иметь определяющий фактор в большом количестве правоотношений, и выражение политических настроений не должно являться исключением, особенно если массовая акция будет проходить с использованием официального ресурса и будет иметь официальный статус публичного мероприятия. При участии в акции возможно присутствие человека в определенном месте посредством видеосвязи или своего электронного образа в сети Интернет²⁸⁰, подтверждающим фактом данного действия может являться авторизация с использованием государственных сервисов, например, такого как gosuslugi.ru. Исходя из положений закона о собраниях, целями участия в подобном мероприятии является свободное выражение мнений, а также зачастую привлечение внимания к различным проблемам.

Заслуживающим внимания является прецедент, при котором сотрудники МВД вынесли предупреждение гражданину, который анонсировал на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» информацию о проведении Интернет-митинга. Ситуация произошла в мае 2020 года в городе Казани. В предупреждении указывается на недопущение нарушения закона о собраниях, а также о необходимости уведомлять органы власти о

²⁸⁰ Попова А.В. Правовые аспекты онтологии искусственного интеллекта // Государство и право. 2020. № 11. С. 117.

проведении публичного мероприятия²⁸¹. Данными действиями сотрудники правоохранительных органов фактически приравнивали онлайн-акцию к публичному мероприятию, проводимому в привычном офлайн-формате. Конечно, подобного рода действия не имеют под собой правового основания, что в очередной раз указывает на необходимость нормативного регулирования политических акций в сети Интернет.

Помимо уже рассмотренных мероприятий, стоит упомянуть и иные политические акции, которые состоялись при помощи сети Интернет. 28 апреля 2020 года на сервисе YouTube было выложено видео с названием «Онлайн-митинг "За жизнь"». Данное видео состоит из интервью различных медийных людей, в которых они высказывают свою позицию относительно деятельности различных государственных органов. Как сообщили организаторы акции, видеоматериалы были специально записаны для участия в данном мероприятии. В сентябре 2019 года акции также прошли с применением сервиса YouTube, с его помощью была организована прямая трансляция, во время которой известные певцы и актеры читали стихи классиков российской и советской литературы²⁸². По заявлению организаторов, целью мероприятия было привлечение внимания к уголовным делам, возбужденным после протестных акций в Москве.

После рассмотрения всех вышеперечисленных случаев реализации политических прав в онлайн-пространстве стоит задаться вопросом, насколько в 21 веке необходимым является элемент физического присутствия человека в конкретном публичном месте для выражения своей позиции? Существует большое количество различных теорий и подходов к познанию и изучению возможности распространения информации протестного характера через Интернет, а также проведению публичных акций, реализуемых посредством Всемирной сети, однако устоявшемуся

²⁸¹ Полиция взялась за онлайн-митинги // Коммерсантъ. 2020. 2 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4335807>.

²⁸² #сядзатекст: Оксимирон, Александр Петров и Михаил Идов в прямом эфире читают классику, а их за это судят // Meduza. 2019. 19 сентября. URL: <https://meduza.io/feature/2019/09/19/syadzatekst-oksimiron-aleksandr-petrov-i-mihail-idov-v-pryamom-efire-chitayut-klassiku-a-ih-za-eto-sudyat>.

мнению об упомянутых вопросах так и не удалось сложиться²⁸³. Несмотря на отсутствие нормативного регулирования онлайн-акций, с уверенностью можно утверждать о существовании такого правового явления как онлайн-митинги. Данный вывод можно сделать на основании анализа постоянно проводимых во Всемирной сети публичных акций, к которым с каждым годом прибегает все большее количество людей. В российском контексте немаловажным является еще и то обстоятельство, что онлайн-присутствия в каком-либо месте добиться намного проще, чем физического, что опять же влияет на вовлеченность людей при проведении подобных мероприятий. Важным аспектом при реализации права на манифестации является соотношение публичных мероприятий с общественным порядком, так как практически любое публичное мероприятие связано с определенным рода запретами и ограничениями, в том числе и для людей, не являющихся их участниками или организаторами. Основной целью запретов и ограничений при проведении публичных акций является обеспечение общественной безопасности, зачастую именно для этого принимаются серьезные меры, связанные с привлечением сотрудников правоохранительных органов. Однако если для механизмов обеспечения безопасности офлайн-мероприятий существуют инструкции и обширная практика, то для мероприятий в сети Интернет какие-либо нормы полностью отсутствуют. В настоящее время необходимость какого-либо регулирования подобных действий является крайне спорной, при нынешнем развитии информационных технологий ситуацию, когда онлайн-мероприятия могут повлечь нарушение общественного порядка, представить практически невозможно. Однако важно отметить, что если традиционные способы реализации политических прав вызывают большое количество споров²⁸⁴, то современные механизмы

²⁸³ См., например: Архипова А.С., Радченко Д.А., Титков А.С., Козлова И.В., Югай Е.Ф., Белянин С.В., Гаврилова М.В. «Пересборка митинга»: интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг. 2018. № 1 (143). С. 20.

²⁸⁴ См., например: Нудненко Л.А. Правоприменительная практика Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в постановлениях Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека // Государство и право. 2021. № 1. С. 63–71.

реализации политических прав, порождают еще большее количество вопросов, требующих решения.

Например, спорным является вопрос возможности организации иностранными гражданами публичных мероприятий в сети Интернет²⁸⁵. В сложившихся обстоятельствах складывается ситуация, когда существующий запрет на возможность иностранного гражданина быть организатором публичного мероприятия труднореализуем. Применительно к онлайн-формату, когда фактически отсутствует понятие публичных онлайн-акций, данные требования не могут быть применены, что может иметь крайне негативные последствия. Таким образом, отсутствие понимания процессов в сфере массовых онлайн-акций несет реальную угрозу нарушениям конституционно-правового законодательства и основ конституционного строя Российской Федерации. В связи с этим вопросы конкретизации правовых норм в сфере публичных онлайн-акций в очередной раз представляются крайне актуальными и требующими решения.

Большое количество проблем, возникающих при рассмотрении вопросов, связанных с онлайн-акциями, могло бы решить требование об обязательной идентификации участников, которое можно реализовать, например, через уже упомянутый выше сервис gosuslugi.ru. Применение технологий в области идентификации человека могло бы помочь в решении целого ряда вопросов, таких как пресечение возможной экстремистской деятельности, распространение запрещенной информации, борьба с незаконным ограничением права на информацию и т.д. Использование

²⁸⁵ В рамках данной работы не будет рассматриваться дискуссионный вопрос относительно возможности участия иностранных граждан в публичных акциях, при этом, автор исходит из позиции, что российское конституционно-правовое законодательство не содержит прямого запрета на участие иностранных граждан в публичных мероприятиях, но содержит запрет на организацию публичного мероприятия иностранным гражданином. Данное ограничение является совершенно оправданным и выступает одним из гарантов государственной целостности Российской Федерации (см.: Таева Н.Е. Право иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, собираться мирно, без оружия // Юридический мир. 2006. № 12. С. 4–12; Рубанова М.Е. Конституционно-правовые ограничения политических прав иностранных граждан в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 1. С. 41–46; Жилиев А.В., Голованова Т.В. Регулирование и практика реализации права иностранных граждан на доступ к государственной службе в Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1 (76). С. 70–75.)

подобных технологий будет говорить о значимости и важности данных правоотношений.

Одной из главных целей массового мероприятия является возможность донесения какой-либо информации до определенного круга лиц, и, конечно же, задача привлечения как можно большего количества людей к акции является первоочередной для ее организаторов²⁸⁶.

При рассмотрении вопроса использования информационно-телекоммуникационных сетей в протестной деятельности некоторые авторы указывают и на существующие недостатки: так, например, существует подход, согласно которому после выражения политического негодования в Сети потенциальный участник традиционных уличных протестных акций «успокоится» и не выйдет на публичное мероприятие²⁸⁷, однако на сегодняшний день отсутствуют какие-либо исследования, на основании которых можно соотнести положительное или отрицательное влияние Интернета на потенциальных участников публичных акций и их вовлеченность в них. При этом в современных условиях Интернет все чаще является одним из инструментов привлечения граждан к участию в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетированиях. Организаторы таких политических акций в свою очередь дают публичные обещания компенсации налагаемого административного штрафа. Таким образом подрывается существующий правовой механизм административной ответственности, снижается его штрафная функция. Более того, с помощью указанного тезиса появляется дополнительное обоснование финансирования организаций и лиц, осуществляющих противоправную деятельность.

Такой механизм вовлечения обладает высокой степенью общественной опасности и позволяет говорить даже не столько об установлении

²⁸⁶ Архипова А.С., Радченко Д.А., Титков А.С., Козлова И.В., Югай Е.Ф., Белянин С.В., Гаврилова М.В. Указ. соч. С. 17–18.

²⁸⁷ Mozorov E. The Net Delusion the Dark Side of Internet Freedom-Public Affairs. // 2011. URL: https://www.academia.edu/7170576/Evgeny_Morozov-The_Net_Delusion_The_Dark_Side_of_Internet_Freedom-Public_Affairs_2011_.

дополнительного состава в рамках административной ответственности, т.к. он скорее всего не будет выполнять в должной мере предупредительную функцию, а о дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации соответствующим составом.

С учетом постепенного увеличения и все большего использования различных сервисов сети Интернет в разного рода публичных мероприятиях можно говорить о том, что всплеск политических акций, проводимых в сети Интернет, является закономерным и соответствует техническому этапу развития общества. Нет никаких оснований сомневаться, что данные акции являются лишь начальным этапом в становлении института Интернет-манифестаций. В данной ситуации крайне важным является своевременное правовое закрепление рассматриваемых правоотношений, однако сейчас среди ученых и специалистов в области права довольно часто встречаются позиции, согласно которым необходимость в реформировании и цифровизации прав обстоит довольно остро и фактическое регулирование значительно отстает от уже сложившихся отношений²⁸⁸.

В.Д. Зорькин заявляет об очевидной необходимости конкретизации прав и свобод человека и гражданина применительно к цифровой реальности. Он утверждает, что под термином «цифровые права» стоит понимать следующее: «права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности к сети Интернет»²⁸⁹. При этом отдельный акцент стоит делать на соблюдении конфиденциальности личной информации.

В настоящий момент отсутствует концепция, касающаяся правового регулирования публичных акций, проводимых посредством сети Интернет. Данное обстоятельство оставляет ученым возможность для формирования собственных подходов.

²⁸⁸ Михеева Т.Н. К вопросу о правовых основах цифровизации в Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 9 (61). С. 115.

²⁸⁹ Зорькин В.Д. Указ. соч.

Изучая новые формы политических манифестаций, осуществляющихся с использованием сети Интернет, необходимо крайне аккуратно подходить к вопросу их правового регулирования. В первую очередь необходимо выяснить правовую позицию Конституционного суда Российской Федерации в части отнесения данных протестных акций к какой-либо группе конституционных прав и их соотношения со ст. 29 и ст. 31 Конституции Российской Федерации. Ввиду столь стремительного развития института политических онлайн-акций не существует какого-либо правового основания для их проведения. То есть фактически в настоящий момент их регулирование происходит на основании пользовательского соглашения той платформы, с помощью которой они осуществляются.

В научной литературе уже высказываются мнения, согласно которым различные ресурсы в Сети рассматриваются не только в качестве платформы для привлечения возможных участников каких-либо мероприятий, но и как инструмент для проведения политических акций. Также отмечается, что Интернет-сайты часто используются для построения сообществ, посредством которых фактически существуют те или иные гражданские движения²⁹⁰. Нарастающее влияние технологий неминуемо подталкивает человечество к изучению зарождающегося «права второго модерна», которое несомненно включает в себя и такие новые правовые формы, как «виртуальные митинги».

При рассмотрении вопроса о правовом регулировании акций, проводимых посредством сети Интернет и имеющих политический характер, стоит пойти по пути унификации и выработать общий подход для акций, проводимых на различных площадках, в том числе в социальных сетях, приложениях и на онлайн-платформах. Одним из методов регулирования подобной деятельности может служить применение необходимости согласительных процедур, схожих с теми, которые требуются для проведения массового мероприятия в режиме офлайн.

²⁹⁰ Соколов А.В., Фролов А.А. Интернет-аспекты протестной активности в современной России // Известия АлтГУ. 2012. № 4–2 (76). С. 281.

Крайне важно определиться с вопросом дифференциации различных видов онлайн-акций, определить, какие акции могут являться публичными мероприятиями, от какого минимального количества участников стоит отталкиваться при их проведении. Важным классифицирующим параметром может стать один из нескольких форматов проводимой акции, а именно проведение ее в режиме реального времени или трансляция записанных заранее материалов. Важность конкретизации формата мероприятия продиктована требованиями безопасности, так как в зависимости от вида акции стоит определять круг необходимых запретов и ограничений, с целью обеспечения правопорядка.

Помимо дифференциации различных форм массовых Интернет-акций, необходимо сформулировать и понятие, содержащее основные цели и принципы проводимых мероприятий. Фактически при отсутствии определения «онлайн-митинг», к данной форме выражения мнений можно относить различные виды массовых действий в Сети. Под понятием виртуального митинга можно понимать массовое собрание граждан на определенной странице сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, реализуемое с целью публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера. Данное понятие максимально емко отображает сформировавшиеся в настоящий момент институты реализации политических прав в Сети.

С целью охраны правопорядка и недопущения распространения в сети Интернет запрещенной информации, акции подобного рода должны иметь модераторов, для незамедлительной блокировки запрещенной информации. Что касается прав и обязанностей организаторов подобных акций, то на них стоит возложить все те же функции, которые осуществляют организаторы публичных офлайн-мероприятий, в том числе и указанные в Законе о собраниях запреты. Конечно, подобное регулирование стоит производить исходя из обстоятельств проведения публичных акций, а именно учесть

необходимость тех или иных требований применительно к различным онлайн-мероприятиям.

Подводя итог, стоит отметить, что с целью дальнейшего нормативного регулирования предлагается установить следующее определение политических акций, проводимых в сети Интернет: массовое собрание граждан на определенной странице сайта в информационно-телекоммуникационной сети, реализуемое с целью публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера.

Установлена необходимость проведения определенных согласительных процедур, а также возможность и критерии классификации политических акций в сети Интернет по формату проведения – в реальном времени или трансляции заранее подготовленных материалов. Указывая на значимость рассматриваемых правоотношений, подчеркивается необходимость использования модераторов при проведении крупных акций в сети Интернет.

Глава 3. Особенности конституционно-правового регулирования реализации права на информацию в сети Интернет

3. 1. Теоретические основы права на информацию

В настоящее время отсутствует единый легальный термин, должным образом характеризующий многогранное понятие права на информацию, однако в науке существует несколько подходов к его пониманию. Например, В.В. Стахова трактует право на информацию как «правовую презумпцию свободы поиска, получения и распространения информации различного рода субъектами информационных правоотношений»²⁹¹, а С.Н. Братановский и С.Ю. Лапин в понятие права на информацию включают нормативно определенный порядок реализации полномочий различных субъектов в области производства (создания, получения, доступа, сбора, хранения, использования и распространения) информации в целях, не противоречащих свободам, правам и интересам личности, общества и государства. Данные авторы особо подчеркивают, что цели доступа к информации не должны противоречить правам и интересам других лиц, общества, государства²⁹². Таким образом, если исходить из данных определений, под правом на информацию стоит понимать установленный законом порядок свободы поиска, получения и распространения различной информации любым, не запрещенным законом способом различными субъектами правоотношений. Нужно отметить также и важность информации в связи с ее необходимостью для полноценной реализации индивидом своих прав и свобод.

Впервые право на информацию в Российской Федерации было закреплено в Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 года, а именно согласно положениям ч. 2 ст. 13: «Каждый имеет право искать, получать и свободно распространять информацию. Ограничения этого права

²⁹¹ Стахова В.В. Особенности реализации права человека на информацию в России через средства массовой информации: дисс. ... канд. юрид. наук М., 2005. 237 с.

²⁹² Братановский С.Н., Лапин С.Ю. Конституционные аспекты права на доступ к информации // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 2–5.

могут устанавливаться законом только в целях охраны личности, семейной, профессиональной, коммерческой и государственной тайны, а также нравственности. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, устанавливается законом.»²⁹³

В Российской Федерации существует самостоятельность права на информацию. Право на информацию, закрепленное в ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации, дает возможность каждому свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается. Как указывает С. А. Авакьян, право на информацию в определенной степени перекликается с правом граждан на доступ к информации о деятельности органов государственной власти²⁹⁴, закрепленном в ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации, в которой содержится следующее положение: «Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом». Данные положения напрямую взаимосвязаны с существующими принципами государственной и муниципальной службы, и в первую очередь с принципом транспарентности. Для реализации данного принципа крайне важны положения ч. 1 ст. 15 Конституции, в соответствии с которыми право на информацию не нуждается в подтверждении иными правовыми актами и гарантируется Конституцией. Стоит указать, что подобный подход в полной мере применяется в отношении права на информацию, а ограничения, налагаемые на информацию, которая составляет государственную тайну или относится к информации

²⁹³ Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

²⁹⁴ Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 т. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. Т. 1. С. 720.

ограниченного пользования, являются полностью оправданными по отношению к современным условиям.

В целом схожие по смыслу положения содержатся в конституциях многих постсоветских стран, таких как Республика Азербайджан, Республика Беларусь, Республика Молдова, Грузия и в некоторых других. Во всех перечисленных странах право на информацию также наделяется самостоятельностью.

В контексте данной работы важно понимать различия между элементами права на информацию – так, например, Э.В. Талапина рассматривает право на доступ к информации как составную часть права на информацию, которое является главенствующим, при этом подчеркивая возможность разделения права на доступ к информации по способу ее получения, разделяя получение на приобретение информации любым разрешенным законом способом и приобретение персонализированной информации посредством доступа к ней²⁹⁵.

На основании ч. 4 ст. 29 выделяются следующие правомочия права на информацию:

- искать;
- получать;
- передавать;
- распространять;
- производить.

Подобного деления придерживается большинство исследователей в конституционно-правовой сфере, подчеркивая комплексность данного права²⁹⁶.

²⁹⁵ Талапина Э.В. Модернизация государственного управления в информационном обществе: информационно-правовое исследование: дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2015. 469 с.

²⁹⁶ См., например: Нудненко Л.А. Некоторые проблемы правовой регламентации конституционного права гражданина на информацию // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5. С. 40–44; Кондрашев А.А. Основные тенденции ограничения конституционных прав граждан на информацию в сети Интернет: российское законодательство и практика // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. №2 (35). С. 113.

Для реализации рассматриваемых конституционных прав принят целый перечень федеральных законов и подзаконных актов, к основным из них принято относить: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»²⁹⁷, Федеральный закон от 13.12.1995 № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации»²⁹⁸, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 12.05.2009 № 95-ФЗ «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами», Указ Президента Российской Федерации от 05.04.1994 № 662 «О порядке опубликования и вступления в силу Федеральных законов». Федеральным законом «Об информации» в свою очередь устанавливаются детальные базовые принципы нормативного регулирования правоотношений в информационной сфере, которые содержатся в ст. 3 указанного закона.

Право на информацию относится к числу основных прав и свобод человека и гражданина и в силу ч. 2 ст. 17 является неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения. Однако стоит отметить, что право на информацию не является абсолютным и в ряде случаев подлежит ограничению. В первую очередь для рассматриваемого права, как и для остальных основных прав, предусмотрены ограничения, содержащиеся в ст. 17 и ст. 55 Конституции Российской Федерации. Данные положения подтверждаются Конституционным судом Российской Федерации в ряде его постановлений. Например, в Постановлении от 18.02.2000 № 3-П Конституционный суд указывает, что информация, содержащая собранные документы и материалы, затрагивает его права и свободы должна быть доступна гражданину, если для такой информации не установлен

²⁹⁷ РГ. 1992. № 32.

²⁹⁸ СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 170.

специальный статус²⁹⁹. Не менее важная правовая позиция содержится в Постановлении Конституционного суда от 09.07.2013 г. № 18-П³⁰⁰, в нем отмечается, что конституционные установления в части неприкосновенности частной жизни в полной мере относятся к любой информации вне зависимости от места и способа ее производства, передачи и распространения, что особенно важно в эпоху становления цифровых прав человека³⁰¹.

Важным также является понимание специфического соотношения рассматриваемого права со свободой слова и иными правами в области информации³⁰². По мнению С.Н. Братановского и С.Ю. Лапина, осуществление права на информацию требует прямого сотрудничества каждого индивида с государством, а при реализации права на свободу слова, мысли и печати, от государственного аппарата, наоборот, требуется невмешательство в данные правоотношения³⁰³. На современном этапе существования общества специфика также обусловлена осуществлением данных прав применительно к сети Интернет. Например, реализации свободы слова в Сети присущ спектр уникальных отличительных черт, и основной из которых видится возможность направления информации неограниченному числу лиц, что в большей степени характерно для средств массовой информации, однако особенность заключается в том, что распространитель информации не имеет отношения к организационной структуре средств массовой информации.

²⁹⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.02.2000 № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана» // СЗ РФ. 2000. № 9. Ст. 1066.

³⁰⁰ СЗ РФ. 2013. № 29. Ст. 4019

³⁰¹ Атагимова Э.И. Значимые аспекты обеспечения права на защиту информации в свете правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2019. №1 (30). С. 40.

³⁰² Нарутто С.В. Актуальные направления развития избирательного законодательства / С.В. Нарутто // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня окончания Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), Грозный, 30 апреля 2020 года. Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, «АЛЕФ», 2020. С. 184.

³⁰³ Братановский С.Н., Лапин С.Ю. Конституционные аспекты права на доступ к информации // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 2–5.

Таким образом, возможности сети Интернет увеличивают механизмы реализации свободы слова³⁰⁴. В свою очередь, А.А. Щербович справедливо отмечает взаимосвязь права на доступ к информации с возможностью выражения своих мнений во Всемирной сети. По его мнению, эти нормы «поддерживают и дополняют друг друга»³⁰⁵.

Следовательно, можно утверждать, что право на информацию, применительно к правоотношениям, осуществляемым во Всемирной сети, стоит понимать как комплексное право, содержащее в себе целый список вспомогательных конституционных правомочий, которые зачастую выступают гарантией и составной частью при реализации многих современных прав. Многогранность права на информацию порождает различные формы его реализации, что имеет положительное значение для современных сфер правоотношений, в том числе оно оказывает влияние на развитие других отраслей права. Можно наблюдать, как с развитием технологий происходит своего рода расщепление права на информацию, что сказывается на его развитии в связи с иными группами прав. Например, ученые выделяют такое новое правовое явление, как право на информированность³⁰⁶.

Как уже было указано, в современных реалиях развития цифровых технологий один человек может приравняться по объему охвата аудитории к федеральному каналу или федеральному Интернет-ресурсу. Данное обстоятельство повлекло введение в юридическую сферу новых правовых понятий. О.А. Беглова указывает на схожесть по своим свойствам и функциям Интернета со СМИ и на перемещение основного потока

³⁰⁴ Сергеева О.В. Свобода доступа к информации как идея изменений: опыт антропологии современного общества // Обсерватория культуры. 2007. № 5. С. 7.

³⁰⁵ Щербович А.А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. С. 169

³⁰⁶ См., например: Осипов Р.А. Право на информированность: понятие и соотношение с правом на информацию // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3 (110). С. 163–167.

медиаконтента в Сеть, чем обосновывается необходимость регулирования, схожего с регулированием традиционных средств массовой информации³⁰⁷.

Столь специфическое содержание подобных правоотношений ожидаемо накладывает на них определенные особенности. Так, в связи с развитием цифровых технологий и постоянно увеличивающейся аудиторией, получающей информацию посредством современных каналов связи, существующих в сети Интернет, возникает и совершенно иное правовое регулирование, относящееся к производителям и распространителям подобной информации, не подпадающим под традиционное понятие средств массовой информации. Так, в 2014 году Федеральным законом от 05.05.2014 № 97-ФЗ³⁰⁸ были внесены изменения в Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации), согласно которым в законодательство было введено понятие «блогер» и была предпринята попытка урегулировать их деятельность. В законодательстве были зафиксированы их основные права и обязанности, однако в 2017 году данные положения были признаны не действующими по причине принятия соответствующего Закона³⁰⁹ – данные действия приводятся в качестве примера явной непоследовательности действий законодателя при регулировании цифровой сферы правоотношений³¹⁰.

Стоит указать, что государственное регулирование в данной области крайне важно, так как в условиях цифровизации и медиатизации политической сферы определенные действия делают возможным наделить любого человека требуемыми компетенциями, создать ему необходимый вид³¹¹, что в докладе Государственной Думы рассматривается в качестве

³⁰⁷ Беглова О.А. Регулирование распространения информации через Интернет: перспективы в России // Известия вузов. Правоведение. 2010. № 6. С. 221–227.

³⁰⁸ СЗ РФ. 2010. № 19. Ст. 2302.

³⁰⁹ Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4825.

³¹⁰ Дженакова Е.В. Субъекты правоотношения по распространению информации: к постановке проблемы // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2019. №1 (109). С.73–74.

³¹¹ Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. 269 с.

одного из негативных последствий развития правоотношений в сети Интернет³¹².

Термин «блог» использовался в правовых актах и раньше – так, в 2010 году в рекомендациях Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации «блог» упоминался как объект первоначального поиска сведений о должниках³¹³. В содержательное понятие данного термина разные авторы вкладывают разное смысловое содержание, например, существует предложение, согласно которому блог это – «форма "не режиссированного" общественного диалога пользователей разных стран. Он дает возможность организовать общественную дискуссию без необходимости собирать публику в одном из мест»³¹⁴. Также предлагается понимать под этим термином личный сетевой дневник, позволяющий документировать информацию в различных формах путем ее самостоятельного размещения в сети Интернет³¹⁵. Однако все перечисленные понятия не являются официальными, при этом некоторые авторы формируют его признаки, так, согласно мнению С.А. Сударникова, к ним относятся:

- публичность;
- информационная направленность;
- отсутствие премодерации;
- творческий характер³¹⁶.

На основании приведенных материалов можно сделать вывод, что основными особенностями блога являются самостоятельное формирование информации его владельцем, размещаемой в публичном пространстве информационно-телекоммуникационных сетей, отсутствие ограничений

³¹² Володенков С.В., Зверев А.Л., Кузнецов И.И., Сетов Н.Р., Телин К.О. Представительная демократия и парламентские учреждения в современном мире: состояние и тенденции. Монография М.: Издание Государственной Думы. 2014. С. 111.

³¹³ Методические рекомендации по использованию сети Интернет в целях поиска информации о должниках и их имуществе утв. ФССП России 30.11.2010 г. № 02–7 (ред. от 16.03.2011) // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2011. № 1.

³¹⁴ Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М.: Норма, 2009. 383 с.

³¹⁵ Терещенко Л.К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2013. 227 с.

³¹⁶ Сударников С.А. Право интеллектуальной собственности. М.: Проспект, 2010. 368 с.

размещаемой информации, естественно за исключением установленных законодательством рамок, отсутствие какого-либо цензурирования информации, а также неограниченный круг получателей данной информации.

В настоящее время термин «блог» отсутствует в нормативных правовых актах, однако содержится в правовых документах различных ведомств – так, например, согласно Инструкции о порядке ведения официального сайта Следственного комитета Российской Федерации в сети Интернет, под данным термином понимается следующее – «раздел сайта СК России, представляющий собой сетевой журнал.. посетители сайта могут вступить в публичную полемику с автором, оставляя в блоге комментарии на размещенное в нем сообщение автора (владельца)»³¹⁷. Стоит отметить, что данное регулирование осуществляется для ведения официального блога Председателя Следственного комитета Российской Федерации и включает в себя еще несколько особенностей, которые содержатся в рассматриваемой инструкции. Так, модератор предварительно рассматривает каждый комментарий в соответствии с правилами блога, анализирует характер содержащейся в них информации и принимает одно из следующих решений:

- «в случае обнаружения нарушений посетителем сайта правил блога оставляет комментарий без публикации;
- принимает меры к подготовке публикации комментария посетителя сайта и ответного сообщения Председателя Следственного комитета Российской Федерации»³¹⁸.

Если решение является положительным, то модератор оставляет комментарий от имени руководителя Следственного комитета.

Интересным представляется тот факт, что, как подчеркивает Л.К. Терещенко, согласно данному приказу, размещение подобных комментариев

³¹⁷ Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 30.09.2011 № 141 «Об утверждении Инструкции о порядке ведения официального сайта Следственного комитета Российской Федерации в сети Интернет» // СПС «КонсультантПлюс».

³¹⁸ Там же.

не является обращением и, соответственно, у органа власти в лице Следственного комитета отсутствует обязанность официального рассмотрения со всеми вытекающими последствиями³¹⁹. То есть фактически комментарии посетителей рассматриваемого ресурса де-юре не несут какой-либо официальной составляющей.

При изучении правовой природы рассматриваемого понятия стоит также принимать во внимание и иные точки зрения, согласно которым блог несет коллективную составляющую, а именно то, что комментарии также являются неотъемлемой частью распространяемой информации³²⁰. Исходя из этого получается, что комментарии, размещаемые на официальном сайте Следственного комитета, относятся к информации, распространяемой этим ведомством, что в корне неправильно.

Также в нормах, содержащихся в Законе об Информации, впоследствии потерявших свою силу, содержались положения, согласно которым человек, чей блог суммарно посещало в день менее трех тысяч человек, освобождался от обязанности соблюдения требований Закона. К подобным требованиям, например, относилась необходимость проверять достоверность размещаемой информации (еще до ее размещения) и при выявлении ее недостоверности сразу удалять. Эти положения вызывали спорную интерпретацию в правовой среде³²¹. Федеральным законом от 29.07.2017 № 276-ФЗ статья 10.2 Закона об информации, регламентирующая данные положения, была исключена из текста Закона, подобные действия в первую очередь стоит связывать с желанием разрешить большое количество возникающих правовых коллизий.

На основании всей рассмотренной информации возникает важный вопрос, относящийся к требованиям о свободе получаемой информации. Стоит отметить, что большинство декларируемых норм, как международных, так и национальных, в первую очередь направлены на свободу поиска,

³¹⁹ Терещенко Л.К. Указ. соч.

³²⁰ Там же.

³²¹ См., например: Кучеренко А.В. О правовом статусе блогера // Информационное право. 2015. № 1. С. 29.

получения и распространения информации, что обусловлено тенденциями развития общества в момент законодательного закрепления данных норм, что, как указывалось выше, чаще всего происходило в середине-конце двадцатого века. Однако необходимо указать на требование учета современного развития информационных технологий, что особенно важно при правотворческой деятельности.

В связи со всем перечисленным, стоит выделить такое новое юридическое понятие как «право на свободу выбора получаемой информации». Катализатором для формулирования и выделения подобного термина стоит считать тот объем информации, который в настоящий момент воздействует на индивида при любых составляющих жизнедеятельности, а особенно при использовании информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Фактически распространение информации в сети Интернет до сих пор с трудом поддается контролю со стороны государственных органов, тем более что ситуация, когда государственные решения являются реакцией на уже существующие в Сети правоотношения, становится нормальным явлением, возникает проблема свободы выбора получаемой информации.

Необходимо обратить внимание на содержание термина «свобода», существующего в философии права, где данный термин рассматривается как мера независимости субъекта от внешнего воздействия³²². Именно понимание свойства свободы в современном обществе и является базовой составляющей права на свободу выбора получаемой информации. Опасность насаждения определенной информации учеными связывается с особенностями мышления современного человека, в том числе важным аспектом является использование сети Интернет в качестве единственного источника информации для большого количества населения³²³.

³²² Новая философская энциклопедия. В 4 т. М.: Мысль, 2001. С. 501

³²³ См., например: Омарова Л.Б. Мера свободы личности в информационных потоках современности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. № 4. С. 31–37; Алиулов Р.Р. О некоторых правовых проблемах реализации свободы слова в сети Интернет на современном этапе (вопросы методологии, теории и практики) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 1 (39). С. 41–46.

Навязывание идей в информационном обществе является проблемой не новой, однако новизна состоит в значительном расширении различных подходов и способов, применяемых к осуществлению подобной деятельности. Отдельно стоит выделить такую особенно важную составляющую, как возможность посредством информации воздействовать на судьбу каких-либо политических решений. Крайне интересным представляется опыт использования персональных данных пользователей «Фейсбук (Facebook)» компанией «Кембридж Аналитика (Cambridge Analytica)» во время президентских выборов в США в 2016 году. Как указывается, данная компания собирала персональные данные пользователей, в том числе без их согласия, с целью дальнейшего анализа и применения полученных данных при формировании необходимого общественного мнения среди избирателей³²⁴. В этой связи стоит упомянуть, что буквально в последнее десятилетие крайне стремительное развитие получила технология больших данных (big data), с помощью которой стала возможна обработка и хранение огромных массивов данных, а также, соответственно, их использование в различных целях³²⁵.

Право на свободу выбора получаемой информации стоит рассматривать как один из принципов конституционного права на информацию. Данный принцип соотносится с важнейшим аспектом права на информацию, а именно с принципом свободного получения информации. Важной составляющей является отсутствие какого-либо навязывания получаемой информации со стороны ее распространителей. Указывается, что манипулирование индивидом посредством использования информационных технологий уже оказывает огромное влияние на развитие современных правоотношений³²⁶.

Значительную роль при навязывании информации играют персональные данные, так как исходя из рассмотренных примеров любое

³²⁴ Susser D., Roessler B., Nissenbaum H.F. Online Manipulation: Hidden Influences in a Digital World // 4 Georgetown Law Technology Review. №1. 2019. p. 45.

³²⁵ Barocas S., Selbst A.D. Big Data's Disparate Impact // 104 California Law Review. 2016. P. 671–732.

³²⁶ Там же.

влияние осуществляется на основе проведенных анализов персональных данных определенных лиц. Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 152 «О персональных данных», к термину «персональные данные» стоит относить любую информацию, которая прямо или косвенно относится к определенному физическому лицу³²⁷, а, согласно положениям Директивы Европейского союза от 24.10.1995, это любая информация, позволяющая идентифицировать индивида³²⁸. По общепризнанным критериям группировки основные конституционные права человека в области персональных данных, которые закрепляются статьями 23 и 24 Конституции Российской Федерации, относятся к группе личных прав. На основании содержащихся в указанных статьях положений стоит указать, что государством охраняется право на неприкосновенность частной жизни, а сбор, хранение, использование и распространение информации о ней без согласия индивида не допускается.

Применительно к сети Интернет значимость права на свободу выбора получаемой информации также возрастает и в связи с существующей правовой неопределенностью относительно правового регулирования, применяемого для распространителей информации во Всемирной паутине. Например, стоит указать на проблематику, связанную с распространением рекламы в Интернете. Отраслевой Федеральный закон от 13.03.2006 № 38 «О рекламе»³²⁹ устанавливает конкретные требования к рекламе, распространяемой СМИ, однако при регулировании не конкретизируются правоотношения при распространении рекламы в сети Интернет. Учеными уточняется, что исходя из положений различных правовых актов, а также судебных решений, можно сделать вывод, что на Интернет-ресурсы, зарегистрированные в качестве СМИ, распространяются положения,

³²⁷ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

³²⁸ Directive 95/46/EC of the European Parliament. 1995. // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=inT&n=49528#05660673397001759>.

³²⁹ СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

регулирующие рекламную деятельность³³⁰. Однако стоит отметить, что большинство Интернет-сайтов не являются СМИ, а также стоит учитывать различные социальные сети, мессенджеры, блогеров и т.д. Соответственно, можно сделать вывод, что большее количество рекламной деятельности в сети Интернет остается в «серой зоне», что открывает возможности для большого количества злоупотреблений. Также стоит отметить, что посредством рекламы возможно воздействие и на политические процессы в стране. Вариантом решения подобной проблемы видится, во-первых, разработка требований по осуществлению рекламной деятельности в сети Интернет, а во-вторых, стандартизация содержания пользовательских соглашений Интернет-ресурсов. Разработка конкретных предложений относительно использования рекламы в Сети не входит в предмет исследования данной работы и рассмотрена не будет, а предложения по реформированию законодательства в части использования пользовательских соглашений будут рассмотрены в 3 части данной главы.

В целом право на свободу выбора получаемой информации стоит рассматривать как один из принципов конституционного права на информацию. Данный принцип соотносится с важнейшим аспектом права на информацию, а именно с принципом свободного получения информации, при этом необходимой составляющей видится отсутствие какого-либо навязывания получаемой информации со стороны ее распространителей, что, безусловно, крайне важно в существующих реалиях.

Защита информации граждан должна состоять из целого комплекса правовых мер, позволяющих индивиду самому определять границы возможного информационного пространства и воздействия на него со стороны. Фактически предлагаемая правовая конструкция должна выступать дополнительной гарантией реализации и защиты провозглашенного нормой Конституции Российской Федерации права каждого на поиск, получение и

³³⁰ Ионова Т.А. Правовое регулирование распространения рекламы через сеть Интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 43.

распространение информации, при этом делая больший акцент на информации, используемой посредством новых механизмов передачи данных. Для этого в качестве одного из действенных шагов можно предложить стандартизацию пользовательских соглашений, в содержание которых необходимо включить запрет на размещение нежелательной информации, а также новые механизмы защиты. При этом важно учитывать, что в настоящее время пользовательские соглашения представляют из себя документ, которому большинство пользователей не уделяет никакого внимания и соглашается с любыми его положениями на уровне рефлексов. Однако стоит ответить на вопрос, а есть ли у современного человека реальная возможность выбора при ознакомлении с какими-либо соглашениями в Интернет-пространстве, может ли он не пользоваться социальными сетями, мессенджерами и почтовыми сервисами? Ответ на данный вопрос будет разочаровывающим, но помимо этого необходимо задуматься о влиянии крупнейших мировых корпораций особенно в связи с тем объемом информации, который они получают от пользователей своих сервисов и устройств, – в то время, когда даже бытовая техника имеет возможность доступа в Интернет, кто может гарантировать отсутствие угрозы злоупотребления персональными данными пользователей?

Подводя итог, можно указать, что в содержательное понятие права на свободу выбора получаемой информации стоит включать, во-первых, непосредственное регулирование распространяемой информации, во-вторых, определенные составляющие самоцензуры и премодерации, в-третьих, регулирование в сфере защиты персональных данных, в-четвертых, стандартизацию требований о работе с информацией.

При этом важно учитывать, что порождение новых механизмов реализации прав и свобод человека в информационной среде ожидаемо сопровождается появлением новых правовых конструкций. Большое количество неурегулированных правоотношений в сети Интернет открывает различные возможности для злоупотреблений и нарушения базовых

конституционных принципов, затрагивающих политические права человека. Соответственно, с целью предупреждения подобной деятельности требуется соблюдение определенных элементов права на свободу выбора получаемой информации. К данным элементам можно отнести:

- свободу от навязывания информации;
- отсутствие необоснованного ограничения информации;
- ужесточение ответственности за нарушения в информационной сфере;
- установление дополнительных ограничительных мер для ресурсов, с помощью которых происходит распространение информации.
- необходимость унификации стандартов по работе с информацией.

В своей совокупности рассмотренный институт должен выступать действенным механизмом защиты и реализации конституционного права на информацию в современных условиях, однако стоит учесть, что в настоящий момент реализация некоторых перечисленных элементов видится крайне затруднительной ввиду отсутствия вспомогательных положений в законодательстве, что должно быть устранено на всех уровнях государственного регулирования.

Законодательные нововведения, связанные с регулированием запретов и ограничений, возникающих при использовании сети Интернет, а также реализация права на доступ к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления будут рассмотрены далее.

Подводя итог, стоит отметить комплексность права на информацию, содержащего в себе целый список вспомогательных конституционных правомочий, которые зачастую выступают гарантией и составной частью при реализации многих современных прав, реализуемых с помощью сети Интернет. Подобная многогранность приводит к расщеплению права на

информацию, что сказывается на его развитии. При этом выделяется такое новое правовое явление, как право на информированность, отдельно демонстрирующее значительные различия в их юридическом содержании.

В рамках параграфа предложено и обосновано использование термина «право на свободу выбора получаемой информации», которое стоит рассматривать как один из важнейших принципов конституционного права на информацию. Выделен ряд принципов, присущих рассматриваемому праву. В связи с чем действенным шагом обозначена законодательная стандартизация пользовательских соглашений.

На основании анализа существующего нормативного регулирования, связанного с деятельностью распространителей информации в сети Интернет, установлено, что деятельность, подпадающая под общепринятое понятие «блогер», на законодательном уровне подробно не регулируется. С целью конкретизации указанной терминологии были выделены основные особенности такой деятельности.

3. 2. Конституционно-правовые особенности реализации права на доступ к информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в сети Интернет

К праву на доступ к информации стоит относиться как к древней концепции, отвечающей за взаимосвязь власти и общества и существующей на протяжении многих веков. В свою очередь развитие правовой культуры повлекло за собой необходимость юридического закрепления рассматриваемого права. Исследователями указывается, что впервые принцип информационной доступности был закреплен в Швеции законом о свободе изданий в 1766 году³³¹. Хотя данный Закон и претерпевал определенные изменения, указанные нормы, установленные в этом

³³¹ Банисар Д. Свобода информации и доступ к правительственным документам. Обзор законодательства по доступу к информации в мире. М.: Де Ново, 2004. С. 141.

государстве, внесли большой вклад в развитие гражданского общества, и в 1949 году принятие Закона «О свободе печати» включило положения Закона в число конституционных норм³³². В настоящее время право на доступ к информации в контексте деятельности органов власти присутствует в конституционно-правовых актах Бразилии, Филиппин, Польши, США и других стран. При этом крайне подробно и детализировано рассматриваемое право закреплено именно в положениях Конституции Польши³³³.

Некоторые ученые, рассматривая правоотношения, связанные с доступом к информации о деятельности государственных органов, особо выделяют огромный объем информации, которым располагают данные органы, а также тот факт, что содержание подобных данных в секрете серьезно нарушает право на свободу выражения мнений³³⁴.

Документом, которым на международном уровне впервые декларировалось право на доступ к официальным документам органов власти, считается «Конвенция о доступе к официальным документам»³³⁵.

Положениями Конвенции закрепляются базовые положения взаимоотношений государственных органов и заявителей, устанавливаются определенные стандарты такой работы. В положениях Конвенции также присутствует возможность использования сети Интернет как одного из альтернативных источников информации, которым может пользоваться запрашиваемое лицо, однако при использовании такого источника информации важно учитывать доступность Интернета для каждого индивидуально. По состоянию на ноябрь 2020 года Россией данная конвенция не ратифицирована.

Как было указано ранее, в нормах ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации содержится положение о праве человека на доступ к информации, которая непосредственно затрагивает его права и свободы, а также

³³² Указ о свободе печати Швеции от 05.04.1949 г. № 1949:105 // URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/tryckfrihetsforordning-1949105_sfs-1949-105

³³³ Казанник А.И., Костюков А.Н. Конституционное право. В 2 т. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 528 с.

³³⁴ Мендел Т. Свобода информации: сравнительно-правовое исследование. Париж: ЮНЕСКО, 2008. 176 с.

³³⁵ Конвенция Совета Европы о доступе к официальным документам (CETS № 205) (Заключена в г. Тромсе 18.06.2009) // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/205>.

обязанность органов власти обеспечить ознакомление лица с этой информацией. Важно отметить, что подобные положения необходимо соотносить с требованиями законодательства в части охраняемой законом тайны. Как справедливо указывают С.Н. Братановский и С.Ю. Лапин, положения ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации являются дополнительными гарантиями на доступ к информации о деятельности органов власти, а в качестве главного основания все же стоит рассматривать нормы, содержащиеся в ч. 4 ст. 29 Основного закона³³⁶. Положения ч. 2 ст. 24 Конституции также детализируются посредством положений ст. 8 Закона об информации, согласно которой «гражданин (физическое лицо) имеет право на получение от государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы».

Для дальнейшего понимания тезисов данной работы необходимо указать, что термин «право на доступ к информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления» будет использоваться как комплексный, включающий в себя, в том числе, право на доступ к официальным документам государственных органов, а также будет рассматриваться как содержательно верный и равнозначный при использовании терминов «право на доступ к информации о деятельности органов власти» и «право на доступ к информации о деятельности государственных органов».

С целью реализации конституционного права граждан на информацию, государственными органами осуществляется размещение на информационных ресурсах актуальной информации о своей деятельности. В общих чертах, к главному основанию для проведения подобной деятельности можно отнести положения ст. 2 Конституции Российской Федерации, в

³³⁶ Братановский С.Н., Лапин С.Ю. Конституционные аспекты права на доступ к информации // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 2–5.

которой права и свободы человека и гражданина провозглашаются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. Важность данных положений ни в коем случае нельзя недооценивать, особенно на современном этапе развития общества, когда информация и цифровизация оказывают значительное влияние на все аспекты жизнедеятельности.

Согласно отраслевому законодательству в содержание понятия «информация о деятельности органов власти» заложено следующее – «информация, созданная в пределах своих полномочий органами или организациями, подведомственными государственным органам. К информации о деятельности органов власти относятся также законы и иные нормативные правовые акты, а также иная информация, касающаяся их деятельности»³³⁷. Указанное определение максимально конкретно описывает рассматриваемую сферу и не требует какой-либо дополнительной конкретизации.

В целях реализации положений о возможности гражданами получения указанной информации у органов власти появилась обязанность размещать актуальную информацию о своей деятельности на официальных сайтах ведомств в Сети. Основой для реализации этой деятельности послужил Федеральный закон Российской Федерации от 09.02.2009 № 9-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»³³⁸. К основным способам обеспечения доступа граждан к информации, помимо обнародования в средствах массовой информации и размещения в занимаемых помещениях, указанный Закон также отнес и иные способы получения информации о деятельности указанных органов, в том числе размещение информации в сети Интернет. Перечень способов в упомянутом Законе является открытым и позволяет государственным органам и органам местного самоуправления своими

³³⁷ Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

³³⁸ СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 777.

актами устанавливать другие способы доступа к подобной информации. Однако, как подчеркивает А.С. Агеев, хоть указанный перечень способов реализации рассматриваемого права и является открытым, вряд ли индивид сможет получить информацию другим путем³³⁹.

Л.К. Терещенко указывает, что рассматриваемые способы не являются равнозначными и выделяет в качестве наиболее важных – опубликование информации и получение ее по запросу³⁴⁰. В целом с такой позицией стоит согласиться, однако необходимо дополнительно указать, что можно выделить как активную, так и пассивную составляющую права на информацию о деятельности органов власти. Таким образом, стоит рассматривать получение информации по запросу заявителя в качестве наиболее важного способа реализации активного права на информацию, в свою очередь более обширным и более значимым является реализация права на информацию в контексте информирования населения, посредством которой затрагиваются права большего количества людей. Данная деятельность осуществляется в целях реализации принципа открытости работы государственных органов и занимает ведущее место при реализации пассивного права на доступ к подобной информации.

На важность максимальной информационной открытости органов государственной власти в части доступа к информации в своем решении указывает и Конституционный суд Российской Федерации. Так, в Определении от 08.12.2011 № 1624-О-О указывается, что «законодательное регулирование, направленное на создание гарантий максимальной информационной открытости государственных органов и органов местного самоуправления для граждан и иных субъектов гражданского общества, согласуется с принятой Советом Европы 27.11.2008 г. Конвенцией о доступе

³³⁹ Агеев А.С. Проблемы реализации права на доступ к информации, нашедшие отражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 34–37.

³⁴⁰ Терещенко Л.К. Доступ к информации: правовые гарантии // Журнал российского права. 2010. № 10 (166). С. 49.

к официальным документам, в которой подчеркивается особое значение прозрачности деятельности государственных органов»³⁴¹.

При рассмотрении вопросов, связанных с реализацией конституционных прав граждан, отдельное внимание стоит уделить установленным наборам прав и свобод, обеспечивающих реализацию регулятивных норм, то есть правовым гарантиям. Среди данных норм важное место занимает принцип информационной открытости, который получил свое закрепление в Указе Президента Российской Федерации от 31.12.1993 г. № 2334 «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию». Согласно этому документу, реализация принципа открытости происходит при помощи:

- доступности для граждан информации, представляющей общественный интерес или затрагивающей личные интересы граждан;
- систематического информирования граждан о предполагаемых или принятых решениях;
- осуществлении гражданами контроля за деятельностью государственных органов, организаций и предприятий, общественных объединений, должностных лиц и принимаемыми ими решениями, связанными с соблюдением, охраной и защитой прав и законных интересов граждан;
- создании условий для обеспечения граждан Российской Федерации зарубежными информационными продуктами и оказания им информационных услуг, имеющих зарубежное происхождение.³⁴²

³⁴¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2011 № 1624-О-О «По жалобе граждан Андреевой Татьяны Алексеевны, Морозова Филиппа Владиславовича и других на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴² Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1994. № 2. Ст. 74.

Похожие по смыслу положения содержатся и в других нормативных правовых актах, так или иначе затрагивающих сферу рассматриваемых правоотношений.

Также, например, К.С. Евсиков, выделяет следующие группы конституционных гарантий реализации конституционного права на доступ к информации о деятельности государственных и муниципальных органов:

- права и свободы, раскрывающие и конкретизирующие естественные права;
- результат деятельности органов государственной власти;
- правовой механизм реализации права³⁴³.

М.Л. Давыдова и Р.П. Кушнирук в качестве гарантий доступа к информации указывают принципы судебной защиты и возможности обжалования решения в вышестоящие органы³⁴⁴.

В целом стоит указать, что все перечисленные гарантии выполняют важные функции в обеспечении права на информацию о деятельности органов государственной власти и их необходимо рассматривать в непосредственной связи друг с другом.

С целью реализации группы прав на доступ к информации в России была создана система размещения общедоступной информации о деятельности органов власти в Интернете в форме открытых данных. Согласно нормативным документам, в список общедоступной информации не может включаться информация, которая отнесена законом к информации ограниченного доступа³⁴⁵. При этом согласно положениям Правил отнесения информации к общедоступной информации, размещаемой государственными органами и органами местного самоуправления в информационно-

³⁴³ Евсиков К.С. Право граждан на доступ к услугам связи как средство реализации права на доступ к информации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1-2. С. 110.

³⁴⁴ Давыдова М.Л., Кушнирук Р.П. Цифровое информирование как форма электронной демократии: особенности правового регулирования // Власть Закона. 2017. № 1. С. 107.

³⁴⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 10.07.2013 г. № 583 (ред. от 20.11.2018) «Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных» // СЗ РФ. 2013. № 30 (часть II). Ст. 4107.

телекоммуникационной сети Интернет в форме открытых данных (утвержденных упомянутым Постановлением Правительства Российской Федерации), решение о необходимости отнесения информации, находящейся в государственных информационных системах, к числу общедоступной принимается органом власти, отвечающим за обеспечение эксплуатации государственной информационной системы, если иное не предусмотрено нормативными правовыми актами.

Также в указанных Правилах определяется информация, подлежащая отнесению в обязательном порядке к общедоступной информации и, соответственно, требующей обязательной публикации в сети Интернет. В указанных Правилах содержатся и детализированные требования к размещаемой информации, а также ряд основных принципов подобной деятельности. Исходя из приведенных положений, можно утверждать, что государством в качестве дополнительных гарантий реализации права на информацию и в том числе права на доступ к информации о деятельности органов власти установлен довольно детальный порядок размещения информации в сети Интернет, который отвечает современным мировым тенденциям.

Однако, как указывает, например, А.А. Кривоухов, рассматривая проблематику существующего регулирования, в качестве спорного вопроса стоит выделить отсутствие реальных правовых механизмов информирования населения с использованием сетевых технологий³⁴⁶. Данное утверждение прежде всего стоит связывать со спецификой использования Всемирной сети Интернет. Необходимо учитывать, что для пользования сетью Интернет нужны специфические знания, зачастую получить которые людям не так уж и просто³⁴⁷. В связи со стремительным развитием информационных технологий возникают определенные возможности для дополнительной

³⁴⁶ Кривоухов А.А. Перспективы интернет-взаимодействия населения и органов власти в контексте развития информационного права. *Коммуникология*. 2019. № 7 (4). С. 122.

³⁴⁷ См., например: Шарифуллин Р.А., Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г. Проблемы и перспективы внедрения информационных технологий в деятельность судебной системы России // *Российский судья*. 2018. № 8. С. 49–53.

реализации прав человека, однако на сегодняшний момент цифровые взаимоотношения еще очень далеки от замены собой реальных. В связи с этим стоит обратить внимание на проблематику, связанную с выбором способов осуществления права на доступ к информации о деятельности органов власти. Так, в ч. 3 ст. 20 Федерального закона №8-ФЗ и в ч. 2 ст. 20 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»³⁴⁸ содержатся положения, согласно которым государственные органы и органы местного самоуправления, а также органы судебной власти вправе не предоставлять информацию по запросу заявителя, если она размещена на официальном сайте в сети Интернет. Возникшие споры о возможном ограничении прав, закрепленных ч. 4 ст. 29 Конституции, разрешил Конституционный суд Российской Федерации.

Конституционный суд в своем Определении от 24.02.2011 № 203-О-О указал, что оспариваемая норма не ограничивает права граждан на получение информации, а лишь дает право органам власти и судебным органам не предоставлять информацию, доступ к которой обеспечен иным способом³⁴⁹. Таким образом Конституционный суд подчеркивает значимость информационно-телекоммуникационных сетей, в очередной раз указывая на равнозначный статус официальных сайтов в сети Интернет и СМИ. Однако, как указывают ученые, данным решением Конституционный суд мог «поставить под сомнение» свободу выбора способов осуществления права на информацию, включающего в себя добывания информации любым законным способом³⁵⁰. Однако все же рассматриваемое решение, скорее всего, нужно воспринимать в контексте уменьшения нагрузки на бюрократический

³⁴⁸ Федеральный закон от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

³⁴⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2011 № 203-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Галаниной Елены Валерьевны на нарушение ее конституционных прав частью 2 статьи 20 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵⁰ Агеев А.С. Проблемы реализации права на доступ к информации, нашедшие отражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 34–37.

аппарат указанных органов, деятельность которых, как известно, является крайне трудоемкой и времязатратной.

Стоит отметить, что в научной литературе присутствуют идеи и о том, что исходя из норм действующего законодательства не в полном объеме реализуются гарантии, связанные с правом на информацию, ввиду отсутствия положений о необходимости доведения информации до ее получателей. Фактически исходя из положений законодательства, а также решений Конституционного суда Российской Федерации, получается, что поиском необходимой информации субъект должен заниматься самостоятельно, так как исходя из закрепленных гарантий у государственных органов отсутствует необходимость доведения информации. Все же подобное сужение способов получения информации является крайне негативным и требующим изменений, в том числе требуется дополнительное исследование норм, касающихся получения информации, размещенной в сети Интернет.

Также к числу существующих проблем в рассматриваемой сфере стоит отнести ситуации, когда действующие нормы закрепляют только базовые, исходные положения правоотношений, а их фактическая реализация остается предметом усмотрения различных органов власти. Данная практика может вызывать большое количество спорных ситуаций и в целом негативно влиять на весь институт реализации данных прав. С другой стороны, стоит учесть, что закрепление на федеральном уровне жестких критериев относительно требований, предъявляемых к размещаемой информации, в существующих условиях может повлечь большое количество нарушений в данной сфере. Ведь крайне важно учитывать техническую составляющую рассматриваемых правоотношений, в том числе дифференцируя субъекты федерации по уровню реального информационного развития.

При этом в нормативных актах присутствуют определенные диспозитивные нормы, в которых указывается, что органы местного самоуправления могут размещать информацию о своей деятельности на

сайте субъекта федерации, в границах которого муниципальное образование расположено. Это правило распространяется на поселения, входящие в муниципальный район и на городские округа с внутригородским делением. С точки зрения государственного управления подобные положения являются крайне полезными и значительно снижают нагрузку на муниципальные бюджеты, так как деятельность по администрированию официальных сайтов является довольно затратной. Однако, с другой стороны, может ли применение данных норм негативно сказаться на правах человека? Стоит отметить, что фактически какое-либо ограничение прав при реализации данных норм усмотреть не получается.

С целью реализации положений о доступе к информации в России установлена административная ответственность за нарушения, связанные с размещением информации о деятельности государственных и муниципальных органов в сети Интернет. Согласно ч. 3 ст. 24 Закона «Об обеспечении доступа к информации...» надзор за исполнением данного акта возложен на органы прокуратуры. К основным нарушениям, выявляемым органами прокуратуры в данной сфере, авторы относят:

- недопустимые несоответствия в нормах отдельных положений правовых актов, регулирующих процедуры размещения необходимой информации;
- отсутствие необходимой информации на информационных ресурсах в сети Интернет;
- несвоевременное опубликование необходимой информации;
- распространение органами власти на официальных сайтах в Сети персональных данных без согласия третьих лиц;
- недоведение необходимой информации до граждан и организаций;

- сокрытие общедоступной информации и информации, доступ к которой не может быть ограничен³⁵¹.

Стоит подчеркнуть, что предусмотренные Законом санкции, применяемые к рассматриваемым отношениям, являются крайне незначительными и составляют от трех по пяти тысяч рублей и предполагают возможность наложения только на должностных лиц. Если для органов муниципального управления уровень данных санкций является адекватным, то для государственных органов, особенно на федеральном уровне, может являться незначительным. Федеральному законодателю стоит более подробно рассмотреть вопрос возможного увеличения санкций за подобного рода нарушения в зависимости от уровня органов, допустивших подобное нарушение, в связи с возможными негативными последствиями для населения.

Учеными высказываются и обосновываются позиции, согласно которым в связи с развитием как общественного правосознания, так и возможностей в сфере информационных технологий возникает необходимость государственных и муниципальных органов не только в размещении информации на официальных сайтах ведомств в сети Интернет, но также и ведения коммуникационной деятельности в Сети³⁵². Авторы указывают, что когда будет полностью воспринят весь возможный потенциал влияния социальных сетей на свободу информации, у органов власти появится обязанность предоставления информации в форматах, наиболее подходящих для восприятия сетевым сообществом³⁵³.

Однако уже на сегодняшний день большое количество федеральных органов власти размещают информацию не только на официальных сайтах, но и пользуются различными сервисами, в том числе мессенджерами и социальными сетями. В официальных аккаунтах многих ведомств

³⁵¹ Маматов М.В. Надзор за соблюдением конституционного права граждан на доступ к информации о деятельности органов власти // Законность. 2015. № 7. С. 3–8.

³⁵² Кривоухов А.А. Перспективы интернет-взаимодействия населения и органов власти в контексте развития информационного права // Коммуникология. 2019. № 7 (4). С. 125. С. 117 - 127.

³⁵³ Кирка А.В. Влияние социальных сетей на коммуникационные процессы в гражданском обществе // Вестник университета. 2013. № 8. С. 22.

размещается информация об их работе – так, например, большой популярностью пользуются страницы МИД России в социальных сетях ВК и Facebook. Также в 2020 году Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации был создан телеграмм-канал, в котором публиковалась важная информация для россиян, возвращающихся из-за границы во время пандемии коронавирусной инфекции³⁵⁴. Необходимо подчеркнуть, что такая деятельность государственных органов в настоящий момент не имеет официального статуса и фактически является добровольной.

Процесс опубликования правовых актов является одной из важнейших стадий правотворчества, в связи с чем данному институту всегда уделяется повышенное внимание. Юридически закреплено несколько официальных путей, посредством которых реализуется обязанность государства информировать граждан о своей деятельности. Согласно ч. 3 ст. 15 Конституции «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения». К процедуре опубликования следует относить размещение информации в печатных изданиях, СМИ и сети Интернет. Но стоит отметить, что в настоящее время наиболее популярным способом ознакомления с правовой информацией является ее изучение на официальных ресурсах в сети Интернет. Согласно п. 2.1 Указа Президента Российской Федерации от 05.04.1994 № 662 «О порядке опубликования и вступления в силу Федеральных законов» официальным опубликованием федерального закона считается первое размещение (опубликование) его полного текста на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru), функционирование которого обеспечивает Федеральная служба охраны Российской Федерации. Существует точка зрения, согласно

³⁵⁴ «Везем домой COVID-19» Минкомсвязи завело телеграм-канал для возвращения россиян из-за границы // Meduza. 2020. 12 апреля. URL: <https://meduza.io/shapito/2020/04/12/vezem-domoy-covid-19>.

которой с принятием данных положений в Российской Федерации начался новый период официального электронного опубликования правовых актов³⁵⁵. Действительно, внесение подобных изменений в очередной раз свидетельствует о важности сетевого пространства, отводя ему одну из ведущих ролей в информировании граждан, а также, в свою очередь, означает переход реализации все большего количества прав человека в сетевое пространство.

Исследовав существующую процедуру опубликования правовых актов различных федеральных органов власти, можно утверждать, что «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) является не единственным официально предусмотренным для этой цели Интернет-ресурсом. Так, например, акты Министерства юстиции Российской Федерации, признанные данным органом не нуждающимися в государственной регистрации, подлежат опубликованию в Бюллетене Министерства юстиции Российской Федерации и на официальном сайте Минюста России в сети Интернет (www.minjust.ru), при этом размещение на данном ресурсе является их официальным опубликованием³⁵⁶. Схожие нормы установлены и для актов Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока³⁵⁷, а также других федеральных ведомств. Помимо внутригосударственных органов, подобные положения применяются и к решениям международных организаций, например, для опубликования решений Совета и Коллегии Евразийской экономической комиссии используется сайт (www.eaeunion.org).

Однако стоит отметить, что учеными выделяются серьезные проблемы в данной области. Так, например, Н.А. Артебякина указывает на

³⁵⁵ 14. Исаков В.Б. Официальное электронное опубликование: история, подходы, перспективы. М.: Формула права, 2012. С. 18, 120.

³⁵⁶ Приказ Минюста Российской Федерации от 01.11.2012 г. № 197 «Об утверждении Порядка опубликования и вступления в силу актов Министерства юстиции Российской Федерации, признанных не нуждающимися в государственной регистрации» // РГ. 2012. № 268.

³⁵⁷ Приказ Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока от 02.09.2014 г. № 62 «Об утверждении порядка опубликования и вступления в силу актов Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока, признанных Министерством юстиции Российской Федерации не нуждающимися в государственной регистрации» // РГ. 2014. № 235.

необходимость нормативного закрепления положений, требующих установить, что опубликование документов в источниках, прямо не предусмотренных законом, возможно, однако не должно являться их официальным опубликованием³⁵⁸. Данное предложение особенно актуально в связи с возникновением различных правовых споров. Интересным представляется решение Ульяновского областного суда от 10.01.2017 г., в котором подчеркивается, что несмотря на положения законодательства Ульяновской области³⁵⁹ о необходимости опубликования нормативного правового акта в установленных официальных источниках, к которым относятся печатные издания «Народная газета» и «Ульяновская правда», а также Официальный Интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, принятые с целью реализации положений ч. 3 ст. 15 Конституции, законным было признано опубликование проекта Приказа Министерства лесного хозяйства, природопользования и экологии Ульяновской области на сайте ведомства. Данное решение выглядит крайне спорным и не однозначным, а также, вероятно, нарушающим положения ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации.

С целью разрешения сложившийся правовой неопределенности Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации³⁶⁰ даются разъяснения, согласно которым официальным опубликованием нормативного правового акта следует считать его первое размещение в установленной законом форме. Также указывается, что «если обязательное опубликование нормативного правового акта предусмотрено в одном или нескольких средствах массовой информации и на официальном Интернет-портале правовой информации, то официальным опубликованием акта

³⁵⁸ Артебякина Н.А. К вопросу о надлежащем опубликовании нормативных правовых актов: практический аспект // Юрист. 2018. № 12. С. 74–77.

³⁵⁹ Закон Ульяновской области от 29.11.2005 г. № 136-ЗО (ред. от 24.03.2017) «О порядке опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов Ульяновской области» (принят ЗС Ульяновской области 24.11.2005) // Ульяновская правда. 2005. № 114 (22.428).

³⁶⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // РГ. 2019. № 6.

следует признавать его первое размещение в одном из этих мест опубликования».

Касательно опубликования нормативных правовых актов высказался и Конституционный суд Российской Федерации, в позиции которого отмечается позитивный характер нормы, согласно которой официальное опубликование может происходить в том числе в сети Интернет³⁶¹, в этом решении Конституционный суд подчеркнул, что применение способа размещения информации на Интернет-сайтах не может подменять собой традиционные печатные издания.

На муниципальном уровне власти также в целом наблюдается тенденция на увеличение количества ресурсов в сети Интернет, на которых опубликование правовых актов считается официальным и имеет соответствующие правовые последствия. В науке данные положения считаются оправданными³⁶² и, действительно, сложно выделить какие-либо негативные последствия подобной правовой активности законодателей. При этом на муниципальном уровне выделяется большое количество различных правовых неопределенностей. Федеральным законом № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в ст. 47 закрепляется необходимость официального опубликования муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, также актов, устанавливающих правовой статус организаций, учредителем которых выступает муниципальное образование, а также соглашений, заключаемых между органами местного самоуправления. В положениях данной статьи Закона указывается, что помимо опубликования в периодическом печатном издании, распространяемом в соответствующем муниципальном образовании, публикация возможна и в сетевом издании.

³⁶¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 3.

³⁶² Гайнов И.Д. Актуальные вопросы соблюдения порядка опубликования муниципальных нормативных правовых актов // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 11. С. 35–37.

Главной проблемой видится ограниченность доступа к совокупности нормативных правовых актов муниципальных образований. Особенно трудным является ознакомление с содержанием муниципальных актов различных муниципальных образований, так как в настоящее время отсутствует какая-либо единая система доступа к актам муниципального уровня, которая реализуется по отношению к актам федеральных и региональных органов власти. Правовые системы «КонсультантПлюс» и «Гарант» не имеют полной базы данных рассматриваемых актов и, как указывается, к общему числу более 5 миллионов муниципальных нормативных правовых актов ежегодно прибавляется более 1 миллиона новых, а указанные справочно-правовые системы содержат менее двух третей от общего количества упомянутых документов³⁶³.

В настоящий момент наиболее полная информация содержится на портале Министерства юстиции Российской Федерации. Однако, как указывается учеными, основной проблемой этой базы данных является то, что субъекты федерации сами определяют содержание информации, включаемой в данную базу данных, таким образом, складывается спорная картина относительно объема содержащейся информации³⁶⁴. Важным элементом, составляющим проблематику в данной сфере правоотношений, является отсутствие требований об опубликовании всех нормативных правовых актов муниципальных органов власти. Указанная проблематика оказывает негативное влияние на развитие муниципальной власти в целом, а также на взаимодействие различных муниципалитетов в сфере учета существующего опыта правового регулирования различных правоотношений.

Выделенные проблемы могли бы быть решены внесением в законодательство положений об обязательном размещении всех

³⁶³ Астанин В.В., Роговая А.В. Мониторинг обеспечения и состояния качества нормотворческой деятельности органов местного самоуправления // Мониторинг правоприменения. 2016. № 4. С. 4.

³⁶⁴ Дамм И.А., Роньжина О.В., Акунченко Е.А., Корхов А.В., Волкова М.А. Электронная информационная система учета, хранения и актуализации муниципальных правовых актов: разработка и апробация на территории Красноярского края // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. № 4 (48). С. 702–703.

муниципальных нормативных правовых актов в сети Интернет на официальном портале правовой информации. В том числе и акты, не требующие регистрации Минюстом России, обязанность по реализации такой деятельности целесообразно будет возложить на территориальные подразделения Минюста.

В контексте работы стоит подробнее затронуть вопрос соотношения средств массовой информации и сети Интернет. СМИ являются одним из институтов реализации права на получение информации о деятельности органов власти. В ст. 38 Закона «О СМИ» установлено, что граждане имеют право оперативно получать информацию о деятельности органов государственной и муниципальной власти, общественных объединений и должностных лиц. А в ст. 39 упомянутого Закона закрепляется право запрашивать информацию о деятельности рассматриваемых органов и должностных лиц.

Согласно Закону «О СМИ» периодическое сетевое издание включается в понятие «средства массовой информации», в свою очередь под сетевым изданием понимается «сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с Законом». Закон «О СМИ» предоставляет органам власти право выступать учредителем СМИ без указания конкретных форм и также предоставляя такую возможность органам местного самоуправления, однако указывая возможные формы учреждаемых ими изданий, к которым относятся печатные и сетевые СМИ. Также предусматривается отказ от необходимой государственной регистрации, если СМИ создается органом государственной или муниципальной власти исключительно для издания их официальной информации и нормативных актов (например, Собрание Законодательства Российской Федерации www.szrf.ru). Распространение информации органами власти не ограничено использованием только собственных ресурсов, подобная деятельность может осуществляться и через СМИ. Положения,

регулирующие данные правоотношения, довольно детально регламентируются в нормах упомянутого Федерального закона от 13.01.1995 № 7-ФЗ.

При изучении вопроса о регистрации официальных сайтов органов власти в качестве средств массовой информации учеными указывается на существование определенной правовой коллизии. Так, согласно положениям Закона о СМИ целью создания средства массовой информации является свободное распространение информации среди неограниченного круга лиц, для этого в Законе закреплены определенные специфические гарантии такой свободы, которые довольно сложно применить к официальным сайтам органов власти, так как являются чрезмерными и несхожими со спецификой осуществляемой деятельности. Например, к подобным излишним мерам можно отнести требование об определении главным редактором, осуществляющим руководство редакцией, содержание выпуска СМИ, при этом редакция выступает как объединение лиц, осуществляющее производство и выпуск средства массовой информации³⁶⁵. Понятно, что подобные требования не могут применяться к официальным сайтам органов власти, так как являются чрезмерными и несхожими со спецификой осуществляемой деятельности.

С целью реализации положений о доступе к информации о деятельности рассматриваемых органов Закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов власти» предусматривает в местах, доступных для пользователей информации, организацию доступа к сети Интернет. Также с 01.04.2020 г. вступил в силу Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, согласно которому в период с 01.04.2020 г. по 01.07.2020 г. на территории России осуществляется бесплатный доступ к социально

³⁶⁵ Колобаева Н.Е. Право на доступ к информации о деятельности органов власти. Российское право: Образование. Практика. Наука. 2015. № 1 (85). С. 19.

значимым информационным ресурсам в сети Интернет³⁶⁶. Этим приказом утверждается перечень сайтов, в который вошли 391 домен, 29 из которых являются официальными сайтами различных государственных органов, либо посредством которых граждане могут получить государственные услуги. Данные положения реализуются на основе ежегодного послания Президента России³⁶⁷. Также в июле 2021 года вступил в силу Закон³⁶⁸, в соответствии с которым были внесены изменения в Федеральный закон «О связи». Теперь доступ к социально значимым ресурсам будет предоставляться гражданам бесплатно не только в рамках эксперимента, а на постоянной основе.

Важно отметить, что за реализацией принципа открытости государственных органов, который был рассмотрен в работе ранее, предусмотрен общественный контроль, который осуществляется при помощи автоматизированной информационной системы «Мониторинг государственных сайтов» (gosmonitor.ru). Сайт разработан для оценки соблюдения требований, существующих для всесторонней оценки доступности информации органов государственной и муниципальной власти. Сервис функционирует с 2011 года и позволяет представителям уполномоченных органов власти отслеживать, насколько эффективным является используемый ими информационный ресурс.

Также для обеспечения информационной открытости деятельности судов в Российской Федерации, на федеральном уровне принят закон от 22.12.2008 № 262 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», в котором закреплены базовые положения, касающиеся рассматриваемой темы, например, указанный Федеральный закон устанавливает требования о размещении актуализированной и важной

³⁶⁶ Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 31.03.2020 г. № 148 «О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁷ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // РГ. 2020. № 7.

³⁶⁸ Федеральный закон от 02.07.2021 № 319-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» // СЗ РФ. 2021. № 25. Ст. 5147

информации о деятельности судов на своих официальных сайтах. Указывая на важность упомянутого Закона, бывший Президент России Д.А. Медведев утверждал, что принятие Федерального закона «даст людям возможность получать достоверные сведения о функционировании судебной системы. Кроме того, он впервые и достаточно детально закрепит различные формы их обнародования, в том числе через Интернет»³⁶⁹.

При реализации принципа открытости судами учитывается их особый статус, которым они наделяются как единственные органы, осуществляющие правосудие в стране, однако при этом отталкиваясь от базовых понятий и принципов, присущих органам государственной власти в целом, например, положения упомянутого Закона содержат требования об обязательном размещении органами судебной власти информации о своей деятельности в сети Интернет на официальных сайтах, создание которых также возложено на них. На указанных сайтах в сети Интернет должны быть размещены адреса электронной почты, куда может быть направлен запрос для рассмотрения в соответствующем органе, что в очередной раз свидетельствует о приравнивании обращения в цифровом виде к обычному, соответственно, налагая на данную форму необходимость применения соответствующих правовых последствий.

Закон также содержит интересное положение, согласно которому судебные органы субъектов Федерации, в соответствии с законодательством субъекта, могут иметь отличное от установленного Федеральным законом регулирование в части предоставления информации о своей деятельности. Такая свобода усмотрения имеет важное значение для организации информирования населения в различных регионах. Стоит подчеркнуть, что в соответствии с отраслевым законодательством, подобная возможность не предусмотрена в отношении органов государственной власти и местного самоуправления. Данной возможностью активно пользуются субъекты федерации и вводят в законодательство дополнительные правовые нормы.

³⁶⁹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // РГ. 2008. № 230.

Так, например, в Республике Башкортостан законодательство субъекта определяет порядок обновления информации на официальном сайте Конституционного суда Республики как не реже раза в квартал.

Интересным аспектом цифровизации в деятельности судебных органов является применение онлайн-трансляции судебных заседаний, но нужно отметить, что такая практика не получила широкого распространения. Подобная возможность реализована в судах общей юрисдикции Белгородской области, также подобные технические новшества существуют в некоторых судах общей юрисдикции Татарстана, а также в Конституционном суде этой Республики.

Стоит указать, что в целях освещения деятельности судебных органов в Российской Федерации, в 2009 году было образовано РАПСИ – Российское агентство правовой и судебной информации, учредителями которого выступили Конституционный суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший арбитражный суд Российской Федерации, а также ФГУП «РИА Новости». К основным целям агентства относятся информирование о событиях в правовой сфере, правовое просвещение граждан, а также организация работы общественных Интернет-приемных российских омбудсменов. Такая информационная работа относит данную организацию к числу непосредственных участников реализации Федерального закона № 262 ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». В своей деятельности Агентство активно пользуется информационной сетью Интернет.

Подводя итог, необходимо отметить дискуссионность существующего требования о доведении информации до получателей, при котором фактически поиском необходимой информации субъект должен заниматься самостоятельно, так как исходя из закрепленных гарантий, у государственных органов отсутствует необходимость доведения информации до получателя. С целью реализации норм ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации был проанализирован вопрос необходимости причисления к

обязательной форме опубликования нормативных правовых актов их размещения в сети Интернет.

Продиктованная современными тенденциями развития, данная норма будет способствовать уменьшению количества правовых коллизий. Опираясь на существующий опыт, отдельно подчеркивается тезис о требовании незамедлительного размещения вступивших в силу решений суда по делам об оспаривании нормативного правового акта.

Также в параграфе отмечена повышенная степень общественной опасности при нарушениях в сфере реализации права на доступ к информации о деятельности органов власти, в связи с чем, для уменьшения противоправной деятельности, предлагается увеличение штрафных санкций налагаемых на должностных лиц органов государственной власти, отвечающих за работу с информацией, при этом необходима дифференциация нарушений в зависимости от уровня осуществления полномочий.

3. 3. Особенности осуществления запретов и ограничений в сети Интернет

При изучении деятельности в сети Интернет отдельное внимание стоит уделять существующим запретам и ограничениям, которые являются важными гарантиями реализации рассматриваемых механизмов. Довольно часто в юридических трудах ограничения во Всемирной сети связываются с термином «цензура», что по смысловому содержанию является не правильным. Толковые словари, чаще всего содержат схожие положения и включают в термин «цензура» близкие по содержанию элементы, к которым обобщенно можно отнести осуществление государственными органами надзора за печатью и СМИ, а также специальные организации, осуществляющие подобный контроль. Согласно энциклопедическому словарю Конституционного права, под термином «цензура» понимается осуществление контроля за содержанием публикаций радио и телепередач,

сводящийся к императиву со стороны должностных лиц, органов власти и иных организаций в части осуществления предварительного согласования с указанными субъектами материалов, с той оговоркой, что данные положения не применяются в случае, когда лицо является автором или интервьюируемым³⁷⁰, схожая по смысловому содержанию формулировка содержится и в Законе о СМИ.

Доктринальный подход к понятию цензуры довольно единообразен и в целом совпадает с мнением М.А. Федотова, который считает, что «цензура – родовое понятие, которое охватывает различные виды и формы контроля официальных властей за содержанием выпускаемой в свет и распространяемой массовой информации с целью недопущения или ограничения распространения идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными или вредными»³⁷¹.

Выражая свое отношение к цензуре, М.В. Баглай называет данное явление страшным бичом прошлых лет, подчеркивая недопустимость присутствия ни в государственных органах, ни в редакциях СМИ людей, осуществляющих контроль за их работой в указанной сфере³⁷². Действительно, вопросы, связанные с существованием цензуры в советское время, затрагиваются очень часто, и подвергаются критике не только со стороны правоведов, но и со стороны представителей гражданского общества.

Вопрос осуществления цензуры в сети Интернет с каждым годом становится все более актуальным. Исходя из базовых положений ч. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации, закрепляющих запрет цензуры в стране, возникают разные точки зрения среди представителей правового сообщества. Например, как указывает А.А. Щербович, «модератор частного ресурса не является ни должностным лицом, ни госорганом, ни даже

³⁷⁰ Энциклопедический словарь конституционного права. URL: <https://rus-constitutional-law-dict.slovaronline.com/1290>

³⁷¹ Федотов М.А. Гласность и цензура: возможность сосуществования // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 81.

³⁷² Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С.251.

общественным объединением»³⁷³. Т.О. Ягланд также подчеркивает, что в настоящее время Интернет-посредники не осуществляют цензуру контента, созданного или переданного Интернет-пользователями³⁷⁴. В свою очередь, С.А. Куликова указывает, что цензура в Интернете существует, но реализуется посредством новых правовых форм³⁷⁵. Исходя из данных положений, а также формулировок, содержащихся в нормативных правовых актах, можно утверждать, что запреты и ограничения, возникающие в связи с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, скорее не могут включаться в традиционное и общепринятое понятие цензуры. При разработке норм действующей Конституции в понятие «цензура» вкладывался смысл, заключающийся в ограничениях, носящих скорее политический характер, и, соответственно, будет не совсем корректно, использовать данный термин в качестве собирательного для обозначения всех запретов и ограничений, возникающих при использовании сети Интернет. Таким образом, в узкий подход содержания термина цензура надо включать государственные запреты и ограничения, существующие в информационной сфере и имеющие главной целью возникновения политический характер.

При широком подходе к цензуре необходимо относить все запреты и ограничения, осуществляемые по отношению к распространяемой информации как со стороны органов власти, так и со стороны СМИ, а также фактических распространителей информации, к которым можно причислять крупнейшие Интернет-платформы. Такое формулирование подходов обусловлено теми возможностями, которые получили Интернет-ресурсы в настоящий момент.

³⁷³ Щербович А.А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 169

³⁷⁴ Ягланд Т.О. О состоянии демократии, правах человека и верховенстве права // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 1. С. 5–11.

³⁷⁵ Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в России: содержание и проблемы реализации: дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2018. С. 84.

В целом можно говорить о существовании в мире двух основных методов цензурирования информации в Сети³⁷⁶. Либеральный подход реализуется в европейских странах и в США. Смысл его реализации заключается в сведении к минимуму контроля цифровой сферы со стороны государства. Противоположный, более жесткий подход к подобному регулированию реализуется в Китае. Как указывает А.И. Хуснутдинов, в Китае действует государственная система интернет-цензуры, проект называется «Золотой щит», его суть заключается в ограничении доступа к информации, содержащей слова из черного списка³⁷⁷. А.С. Шатилина подчеркивает, что основной целью данной системы является обеспечение пользователя идеологически верной информацией и ограничение доступа к ряду иностранных сайтов³⁷⁸. С момента запуска этой системы в 2003 году, китайские власти постепенно увеличивают ее влияние на Интернет, так, в настоящий момент, в стране заблокирован доступ к десяткам тысяч мировых сервисов³⁷⁹. Особо можно подчеркнуть, что регулирование правового статуса личности, осуществляемое китайскими властями в рамках проекта социального кредита, в целом приводится в качестве примера крайней степени игнорирования прав и свобод личности в цифровом пространстве³⁸⁰.

Несмотря на более мягкий Европейский подход к данному регулированию, некоторые исследователи указывают, что в развивающихся странах отсутствует прозрачность системы блокировок, а также строгая подотчетность органов, отвечающих за нее. Все это в совокупности с плохо организованной процедурой оспаривания все чаще ставит под сомнение совместимость мер блокирования доступа с фундаментальным правом на

³⁷⁶ См., например Кондрашев А.А. Указ. соч.

³⁷⁷ Хуснутдинов А.И. Право на доступ в Интернет - новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 109–123.

³⁷⁸ Шатилина А.С. Права человека в Интернете: проблема признания права на доступ к Интернету // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 1. С. 38–45.

³⁷⁹ Сайты, заблокированные в Китае. URL: <https://wotimba.ru/sajty-zablokirovannye-v-kitae/>.

³⁸⁰ Шахрай С.М. указ. соч. С. 1078–1079.

свободу выражения мнений³⁸¹ и свободу информации, которые закрепляет базовые принципы прав человека в Сети.

При рассмотрении темы, связанной с использованием определенных запретов и ограничений в Интернет-пространстве, важно определиться с необходимым балансом, который требуется для поддержания правопорядка, ведь помимо положительных функций, которые несет глобальное использование Сети, не стоит забывать и о ее негативных последствиях. Многие правоведы приводят в качестве негативной составляющей развития Интернет-ресурсов увеличение количества киберпреступлений³⁸², совершаемых при помощи Интернета, в том числе пособничество терроризму, торговля наркотиками, распространение детской порнографии, ведение информационных войн и иных тяжких преступлений.³⁸³ Конечно, с целью ограничения распространения подобной информации, стоит принимать соответствующие меры, которые реализуются в виде определенных запретов и ограничений. Однако возникает вопрос, как определить, содержатся ли характерные для понятия цензуры положения в налагаемых на распространителей информации в сети Интернет ограничения и не являются ли они чрезмерными?

В 2011 году специальный докладчик ООН Франк Ла Рю в своем докладе указывал, что возникающие при использовании сети Интернет негативные факторы имеют место быть, однако Интернет, главным образом, служит инструментом увеличения открытости деятельности должностных лиц, в связи с этим к информации, распространяемой через Интернет, должны приниматься минимальные ограничительные меры³⁸⁴. Соответственно, ограничения, налагаемые на рассматриваемые

³⁸¹ Акдениз Я. Свобода выражения мнения в Интернете: исследование правовых норм и практик, связанных со свободой выражения мнения, свободным потоком информации и плюрализмом СМИ в Интернете в государствах – участниках ОБСЕ. Вена, 2011 год. URL: <http://www.osce.org/ru/fom/89063?download=true>.

³⁸² См., например: Якимова Е.М., Нарутто С.В. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2. С. 369–378.

³⁸³ См., например: Брылева Е.А. Право на использование Интернета как одно из «неотъемлемых» прав человека? // Информационное право. 2017. № 2. С. 23–26; Бородин К.В. Правовое регулирование распространения информации в сети Интернет в условиях информационной войны // Право и кибербезопасность. 2014. № 1. С. 27.

³⁸⁴ La Rue F. Указ. соч.

правоотношения, должны крайне жестко соблюдаться и не выходить за установленные законодательством рамки. Повышенное внимание стоит уделять деятельности судебных органов при вынесении решений, касающихся функционирования глобальных цифровых сетей. При этом крайне важен учет положений ст. 55 Конституции Российской Федерации, так как право на Интернет стоит рассматривать, как составную часть права на информацию, а применение принципов, регулирующих свободу информации, не может не использоваться применительно к Всемирной сети.

В настоящий момент, основной ограничительной мерой в российском сегменте Сети, является блокировка доступа к ней или точечная блокировка различных ресурсов, функционирующих в Интернете. Хотя подобные способы распространения вредоносной информации подвергаются критике, в настоящий момент стоит рассматривать их как единственно эффективные и не имеющие альтернативы. Стоит отметить, что 27 июня 2016 года Совет ООН по правам человека принял резолюцию³⁸⁵, в которой негативно высказался относительно блокировки доступа к сети Интернет, блокированию Интернет-сайтов и назвал эти действия нарушающими права человека.

В целом Совет ООН придерживается крайне консервативного подхода при ограничении прав в сети Интернет. Так, например, данный орган считает, что права, принадлежащие человеку за пределами Интернета, должны также соблюдаться и в Интернете, эта позиция прослеживается в документах на протяжении уже более чем шести лет³⁸⁶. Конечно, можно по-разному относиться к данному направлению развития прав человека, однако с уверенностью можно сказать, что расширение круга прав, путем юридического закрепления новых правоотношений в законодательстве намного лучше, чем их отрицание.

³⁸⁵ Палагина А.А. Механизм правовой защиты чести и достоинства при распространении порочащей информации в сети Интернет: взгляд высших судов // Молодой ученый. 2017. № 2. С. 324–326.

³⁸⁶ Роль права на свободу мнений и их свободное выражение в содействии расширению прав и возможностей женщин. Совет по правам человека. 24.06.2013 г. // A/HRC/RES/23/2. URL: <https://www.refworld.org.ru/category,LEGAL,,,,51f0d3ac4,0.html>.

Далее будут рассмотрены некоторые существующие в России варианты ограничения прав, напрямую связанные с использованием сети Интернет.

Список субъектов, обладающих правом блокирования Интернет-ресурсов в России, довольно широк, так к ним относятся Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральная налоговая служба, Министерство внутренних дел, Генеральная прокуратура, Минюст, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека Федеральное агентство по делам молодежи, а также суды. Все перечисленные органы имеют различные основания для ограничения доступа к Сети.

Можно выделить три основных процедуры для ограничений прав, связанных с использованием Сети. Первым вариантом является включение Интернет-ресурса в реестр запрещенных сайтов, осуществляемое на основании вступившего в законную силу решения суда. Вторым вариантом является блокировка сайта на основании решения суда без включения в реестр запрещенных сайтов, как указывает А.А. Кондрашев, в настоящее время данный метод практически не используется, Роскомнадзор самостоятельно блокирует подобные ресурсы после вступления в силу судебного решения³⁸⁷. Третьим видом подобной процедуры является блокировка Роскомнадзором сайтов на основании решения уполномоченных органов. Судебное решение для этого не требуется. Данная процедура вышла на первое место по количеству применений и фактически в настоящий момент является основным ограничительным механизмом.

В целом все существующие ограничения, связанные с правом на информацию, можно поделить на несколько основных групп. К первой стоит относить ограничения, реализуемые для защиты конституционного строя,

³⁸⁷ Кондрашев А.А. Указ. соч. С. 21.

обороны и безопасности страны. Во вторую группу стоит включать ограничения, объединенные защитой нравственности и здоровья граждан, при этом к третьей группе, относятся такие ограничения, которые реализуются в целях обеспечения прав и свобод других лиц. Перечисленные ограничения, осуществляемые по приведенным обстоятельствам, в той или иной мере затрагивают отношения, связанные с реализацией права на информацию, а данная группировка передает основные требования, необходимые для включения в реестр доменных имен, содержащих запрещенную информацию, которые указаны в ч. 5 ст. 15.1 ФЗ «Об информации».

Основной угрозой в сфере конституционного строя, обороны страны и безопасности государства признается экстремистская деятельность. В рамках конференции, прошедшей в 2019 году, была высказана точка зрения о том, что ключевой задачей мирового сообщества является «предотвращение использования сетевых технологий, средств массовых коммуникаций и социальных сетей для распространения экстремистских идей»³⁸⁸. О важности борьбы с экстремизмом указывается и в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Указом Президента от 29.05.2020 № 344. В ст. 14 указывается, что Информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, стали основным средством связи для экстремистских организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии.³⁸⁹

Под экстремистской деятельностью С. Туркин и Е. Ульянова понимают любые формы и методы деятельности, обусловленные политической, идеологической, национальной, расовой, религиозной или

³⁸⁸ Конференция по противодействию международному терроризму. URL: https://iacis.ru/activities/events/partnery/konferentsiya_po_protivodeystviyu_mezhdunarodnomu_terrorizmu_sovmestno_s_mezhdunarodnymi_parlamentsk/.

³⁸⁹ СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3475.

социальной ненавистью или враждой³⁹⁰. Данное определение корреспондирует с нормами ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации, в которой закреплены положения, не допускающие «пропаганду или агитацию, которые возбуждают социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.»

К числу основных российских правовых актов, регулирующих деятельность, направленную на борьбу с экстремистской деятельностью, осуществляемой в Интернете, стоит отнести Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»³⁹¹, в котором содержатся различные правовые термины по рассматриваемой тематике, в том числе провозглашаются основные принципы борьбы с экстремизмом. Как указывает А.А. Щербович, именно на основании ст. 13 данного Закона в Федеральный список экстремистских материалов, который размещен на официальном сайте Минюста, начали включаться сайты, а также информация, признанная по решению суда экстремистской³⁹².

Крайне важным является уже упомянутый Указ Президента «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», в котором содержится множество положений, касающихся регулирования запретов в сети Интернет. В рассматриваемом Указе обозначены основные направления государственной политики в сфере борьбы с экстремизмом в сети Интернет, к ним отнесены совершенствование положений законодательства, касающихся производства и распространения запрещенных материалов посредством сети Интернет, а также мер по ограничению доступа к Интернет-ресурсам, распространяющих экстремистские материалы и идеологию. В свою очередь, положения п. 6 ст. 32 Указа наделяют Интернет особой ролью при сохранении духовно-

³⁹⁰ Туркин С., Ульянова Е. Зарубежный опыт противодействия экстремистским тенденциям в Интернете // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 3 (44). С. 2.

³⁹¹ Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

³⁹² Щербович А.А. Указ. соч. С. 169.

нравственных ценностей, фактически выделяя данную Сеть в качестве основной платформы для прямого взаимодействия с населением. В том числе указывается необходимость проведения тематических встреч с представителями Интернет-сообщества, организация работы государственных органов с распространителями информации в Интернете, размещение социальной рекламы в Сети, а также работы с социальными сетями. В целом на основании анализа рассматриваемого Указа Президента можно утверждать, что содержащиеся в нем положения являются одними из самых прогрессивных в сфере регулирования отношений в сети Интернет, однако такое обстоятельство не рассматривается как самое наилучшее. Наилучшим вариантом представляется вынесение подобных положений на уровень федерального законодательства, путем включения положений в Закон «О противодействии экстремистской деятельности».

При рассмотрении регулирования ограничений в сети Интернет нужно затронуть практику использования положений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК). Так, ст. 280 УК предусмотрена ответственность за призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а ч. 2 данной статьи установлено наказание за подобные деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет³⁹³. Ст. 282 УК предусматривает наказание за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, при этом действия в сети Интернет также являются основанием для применения санкций, установленных данной статьей.

Учеными рассматривается проблематика, связанная с принципами правовой определенности, в части изучения признаков, присущих средствам массовой информации и их распространению на Интернет-ресурсы³⁹⁴.

³⁹³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³⁹⁴ Алаторцев А.Ю. Новые разъяснения Пленума Верховного Суда об уголовной ответственности за экстремизм в Интернете в контексте принципа правовой определенности // Уголовное право. 2017. № 2. С. 4–11.

Однако данное регулирование не относится к проблематике настоящей работы и рассмотрено не будет.

Важное место в реализации конституционных прав человека в борьбе с распространением экстремистских материалов, а также в регулировании ограничений, содержащихся в иных, выделенных ранее группах, занимают пользовательские соглашения. Так, например, некоторые российские сайты в пользовательских соглашениях закрепляют прямой запрет на размещение экстремистских материалов, а в других сервисах термин «экстремизм» не фигурирует вовсе, однако смысл его содержания выводится из положений данных соглашений. Пользовательские соглашения многих сайтов указывают на ограничения в связи с распространением информации, содержащий вред для здоровья других лиц, призывы к самоубийству и распространение порнографии.

Например, в пользовательском соглашении сервисов Яндекса указано: «загружать, посылать, передавать или любым другим способом размещать и/или распространять контент, который является незаконным... пропагандирует ненависть и/или дискриминацию людей по расовому, этническому, половому, религиозному, социальному признакам, содержит оскорбления в адрес каких-либо лиц или организаций»³⁹⁵, похожие положения содержатся и в правилах сообщества популярного сервиса «Твитч (twitch.tv)»³⁹⁶. Прямой запрет на размещение экстремистских материалов содержится, например, в пользовательском соглашении сервиса «vk.com»³⁹⁷. То есть фактически распространители информации, которыми, в том числе являются крупнейшие сайты в Сети, не имеющие статуса СМИ, пытаются таким образом оградить себя от возможных негативных последствий.

Также такие соглашения занимают важное место в регулировании ограничений, содержащихся в иных выделенных ранее группах. Например, в перечисленных выше пользовательских соглашениях большое внимание

³⁹⁵ Пользовательское соглашение сервисов Яндекса. URL: <https://yandex.ru/legal/rules/>.

³⁹⁶ Правила сообщества twitch. URL: <https://www.twitch.tv/p/ru-ru/legal/community-guidelines/>.

³⁹⁷ Пользовательское соглашение. URL: <https://vk.com/terms>.

уделяется распространению материалов, содержащих детскую порнографию, а также способных привести к самоубийству. В целом ограничения, содержащиеся в подобных соглашениях, во многом повторяют нормы существующего законодательства. Так как в России отсутствуют какие-либо требования к содержанию пользовательских соглашений Интернет-сайтов, по сути, данные документы устанавливают дополнительный механизм контроля, самый первичный из существующих на данный момент. В связи с отсутствием общих требований к содержанию подобных документов, стоит рассмотреть возможные варианты законодательного закрепления общих для всех базовых формулировок, в которых нужно установить требования о недопущении распространения запрещенной информации. Подобные нормы могли бы сократить как финансовые затраты государственных органов, так и время реагирования на распространение подобного контента.

Еще одним основанием для блокировки информации является решение судебного органа об ограничении доступа к информации, распространяемой с использованием Сети, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица. На обязанность владельца сайта в сети Интернет удалять информацию, порочащую честь и достоинство человека, указал Конституционный суд Российской Федерации в своем Постановлении № 18-П. В данном Постановлении суд также указывает, что эта обязанность является не мерой ответственности за виновное действие, а способом законной защиты своих прав. Однако у правоведов возникают резонные вопросы, каким образом владелец сайта в сети Интернет, тем более не являющегося средством массовой информации, может проверить достоверность той или иной информации о конкретном человеке и правомерна ли санкция в отношении владельца Интернет-ресурса?³⁹⁸ Ответ на эти вопросы дать крайне сложно, ведь на большинстве сайтов размещение информации может происходить без

³⁹⁸ ООН признала интернет-блокировку нарушением прав человека // Газета.ру. 2016. 4 июля. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2016/07/04/n_8842055.shtml.

согласования с администрацией, а также без какой-либо информации о лице, ее размещающем, однако суд посчитал более приоритетным восстановление личного достоинства, чем права администрации Интернет-ресурса. Фактически применение положений пользовательских соглашений играет немаловажную роль в ограничении недостоверной информации, так, например, в пользовательском соглашении сервиса «vk.com» указано, что пользователь несет ответственность за достоверность, актуальность, полноту и соответствие (информации) законодательству Российской Федерации. Посредством применения подобных норм администрация Интернет-ресурсов старается снять с себя ответственность за размещаемую пользователями информацию.

Различие в содержании пользовательских соглашений повлекло принятие на федеральном уровне Закона, вводящего минимальный набор положений, требующих закрепления в правилах пользования социальной сетью³⁹⁹. В них должны быть отражены:

- требования к распространению информации на Интернет-ресурсе, не противоречащие законодательству;
- права и обязанности пользователей;
- права и обязанности владельца социальной сети;
- порядок рассмотрения обращений;
- порядок осуществления мониторинга.

Вынесение таких норм на законодательный уровень отвечает выделенным в исследовании целям и принципам открытости и гласности, а также соразмерности, однако все же нужно отметить довольно широкие границы установленных требований, в связи с чем отмечается необходимость их дальнейшей конкретизации.

Рассматривая вопросы, связанные с возможностью ограничения прав человека, необходимо указать, что в конституционно-правовой доктрине они

³⁹⁹ Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (Часть I). Ст. 69.

относятся к разряду исключительной меры конституционно-правового воздействия. Защитный характер ограничительных мер проистекает из правила, что свобода одного индивида заканчивается там, где начинается свобода другого.

Существуют разные подходы к пониманию условий ограничения прав, например, К.А. Экштайн в качестве основных условий выделяет «необходимость, пригодность и соразмерность», при этом он отмечает, что «не исключены ситуации, когда даже допустимое с точки зрения критериев необходимости и пригодности ограничение прав может быть антиконституционным исходя из принципа соразмерности»⁴⁰⁰. Конституционный суд Российской Федерации на основании существующей правоприменительной практики выделил в качестве критериев ограничения следующие условия: соразмерность ограничений конституционно признаваемым целям и сохранение существа и реального содержания права. Формулировкой подобной терминологии Суд устранил недостатки содержания положений ст. 55 Конституции Российской Федерации, которые, в связи с размытостью своего содержания, оставляли большую свободу усмотрения при регулировании правоотношений в сфере прав человека.

Ограничение прав чаще всего связано с наступлением экстраординарной ситуации, например, войны или чрезвычайной ситуации, так ограничению могут подлежать те права человека, которые не ущемлялись до их наступления, а те права, которые ограничивались и до их наступления могут ограничиваться более серьезно, чем это было раньше. При наступлении таких ситуаций чаще всего ограничению подлежат личная неприкосновенность и неприкосновенность жилища, свобода слова, печати, право на информацию, тайна переписки, свобода передвижения и выбора места жительства, свободы частной собственности⁴⁰¹. Однако в последнее время все чаще цензуре подвергаются распространители информации, в том

⁴⁰⁰ Экштайн К.А. Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской конвенции. М.: Nota bene, 2004. С. 64–68.

⁴⁰¹ Ализаде И.Ф. Ограничения прав и свобод человека в экстраординарных условиях: теория и практика зарубежных стран // Молодой ученый. 2009. № 12. С. 289–293.

числе и крупные российские СМИ, осуществляющие свою деятельность в сети Интернет.

В целях противодействия нарушениям основополагающих прав и свобод человека, а также для ограничения возможного влияния на осуществление политических прав на территории России был принят закон, дающий право блокировать Интернет-ресурсы, осуществляющие цензуру в отношении российских СМИ. Согласно нововведениям, Генеральный прокурор Российской Федерации по согласованию с МИД России вправе признавать владельца ресурса в сети Интернет причастным к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации, гарантирующих в том числе свободу массовой информации, что повлечет наложение санкций в виде частичной или полной приостановки деятельности такого ресурса.

В пояснительной записке к законопроекту указано, что основанием для его внесения является многократные злоупотребления со стороны иностранных Интернет-площадок Twitter, Facebook и Youtube. А именно, цензуре подверглись такие средства массовой информации как Russia Today, РИА Новости, Крым 24. Всего за период с апреля по ноябрь 2020 года зафиксировано порядка 20 фактов подобной дискриминации⁴⁰².

В целях ограничения распространения заведомо ложной информации, а также за резкие высказывания в адрес представителей органов государственной власти в неприличной форме, осуществляемых в том числе в сети Интернет, в 2019 году была установлена юридическая ответственность. Так, например, в ст. 15.3 Закона «Об информации» появились положения о том, что «в случае обнаружения недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, соответствующие органы обращаются в

⁴⁰² Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 1058572-7 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1058572-7>.

федеральный орган исполнительной власти... с требованием о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию». Из положений данной новеллы можно сделать вывод, что в первую очередь она направлена на решение вопросов, связанных с распространением заведомо ложной информации, что, как видится, является довольно серьезной проблемой. При этом Федеральным законом № 27⁴⁰³ внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях Российской Федерации ⁴⁰⁴, в котором установлена ответственность за нарушения в отношении распространения заведомо недостоверной общественно значимой информации, несущей потенциальные угрозы, величина налагаемых штрафов зависит от кратности совершения данных правонарушений.

Также стоит указать, что в законе отсутствуют точные критерии, касательно вопроса, что именно стоит относить к приличным и допустимым формам высказывания, а что – нет. В дальнейшем данные пробелы в законодательстве могут вызвать серьезные споры, а также может иметь место злоупотребление подобными ограничительными мерами.

Рассмотренные ранее механизмы ограничения информации в Сети предусматривали императивное предписание блокирования информации для ее распространителей в редких случаях. Однако, в связи с вступлением в силу поправок к Федеральному закону Об информации, на владельцев социальных сетей в зависимости от количества пользователей в сутки ложатся обязанности по модерированию запрещенной информации. Социальные сети, число пользователей которых превышает 500 тысяч человек в сутки, при том, что они находятся на территории России, обязаны пресекать распространение информации, закрепленной в законодательстве. К такой информации относится уже привычный список материалов, перечисленных в работе ранее, а также появился довольно широкий ряд

⁴⁰³ Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1217.

⁴⁰⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 1.

нововведений. Так, с 1 февраля 2021 г. владельцы социальных сетей обязаны не допускать распространения информации, содержащей:

- Нецензурную брань;
- Информацию о способах совершения самоубийств;
- Нарушающей запреты и ограничения, закрепленные в российской нормативной базе о референдуме и выборах;
- Материалов, связанных с наркотическими средствами;
- Материалы об азартных играх;
- О розничной продаже спиртосодержащей продукции;
- Склонение несовершеннолетних к противоправной деятельности;
- Оскорбляющей человеческое достоинство;
- Призывы к участию в массовых беспорядках и публичных мероприятиях, проводимых с нарушением установленной законом процедуры проведения.

Таким образом, на администрацию социальных сетей возлагаются обязанности по оценке допустимости размещаемой информации. В случае, если администрация не смогла определить, является ли информация подходящей под перечисленные критерии, в течение суток необходимо известить орган исполнительной власти, на который возлагаются функции по контролю и надзору в сфере массовой информации, то есть фактически Роскомнадзор. Подобные обязанности, возложенные на владельцев социальных сетей, в связи с довольно размытыми формулировками, могут противоречить различным конституционным принципам, закрепленными в 2 главе Конституции Российской Федерации. В связи с этим необходимым видится формулирование более конкретных оснований и их разъяснение уполномоченными органами власти.

Особое опасение для соблюдения прав и свобод граждан вызывают санкции, предусмотренные за нарушения при отсутствии блокирования информации, подпадающей под приведенные критерии. Так, штрафные

санкции для владельцев сайта или информационного ресурса, являющихся юридическими лицами, при повторном нарушении будут составлять от одной десятой до одной пятой совокупного размера суммы выручки, полученной за календарный год⁴⁰⁵.

В России также существует запрет на использование мессенджеров без обязательной идентификации пользователя. Данные требования действуют с 1 января 2018 г., когда вступил в силу ФЗ от 29.07.2017 № 241⁴⁰⁶, который внес изменения в ФЗ от 27.07.2006 № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Согласно нормам, содержащимся в указанном законе, организаторы распространения информации в сети Интернет, которыми мессенджеры и являются, должны осуществлять идентификацию своих пользователей в обязательном порядке. Конечно, ограничения подобного рода, скорее всего, носят положительный характер, так как являются определенным рода защитой от противоправных действий в Сети, но, с другой стороны, нужно понимать, как это обязательство соотносится с правами человека, закрепленными ст. 23 Конституции Российской Федерации, в части неприкосновенности частной жизни. Тут важно понимать, что включает в себя понятие неприкосновенности частной жизни. Как указал в своем определении от 09.06.2005 г. № 248-О Конституционный суд Российской Федерации, право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. Под понятием частной жизни понимается область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она не

⁴⁰⁵ Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 511-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2021. № 1 (Часть I). Ст. 50.

⁴⁰⁶ Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.1 и 15.4 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4790.

содержит противоправного характера⁴⁰⁷. Возникает резонный вопрос, не подпадает ли ограничение подобного рода под понятие контроля со стороны общества и государства? Ведь человек фактически теряет возможность контролировать информацию о самом себе. Конечно, пользование мессенджером является правом человека, а не его обязанностью, однако в современном мире, в котором все больше сторон жизни так или иначе зависит от взаимодействия с Интернетом и от сервисов, которые работают только онлайн, мессенджеры, различные приложения и услуги становятся неотъемлемой его частью, с которой человек просто не может не сталкиваться. Эти основания в очередной раз указывают на важность права на доступ к Интернету.

В соответствии со ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК)⁴⁰⁸ в качестве меры пресечения суд может избрать домашний арест, суд также в праве устанавливать предусмотренный ст. 105.1 УПК запрет подсудимому использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. Однако согласно положениям ч. 8 ст. 107 УПК подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в использовании телефонной связи для вызова в случаях возникновения чрезвычайной ситуации, сотрудников специальных служб, а также для общения с уполномоченными лицами контролирующих органов. После использования телефонной связи при указанных выше обстоятельствах подсудимый обязан сообщить подробности данного события в уполномоченный орган.

Для рассматриваемого вопроса важным представляется Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19.12.2013 г. № 41, в котором содержится позиция суда о необходимости

⁴⁰⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.06.2005 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 06.03.2019) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

указания случаев возможного использования сети Интернет судами при применении санкций по ограничению прав подозреваемых или обвиняемых⁴⁰⁹. Однако, как показала практика, чаще всего суды пренебрегают данным положением и не указывают какие-либо особые случаи, ограничиваясь общими требованиями.

Можно утверждать, что контроль за человеком, находящимся под домашним арестом, зачастую не может быть установлен в полном объеме, так как средства связи у человека под домашним арестом всё-таки есть, а, как указывают эксперты, находящиеся в распоряжении Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации технические средства не всегда могут точно определить надлежащее использование устройств связи⁴¹⁰.

Домашний арест является более мягкой мерой пресечения, которая ограничивает права человека в меньшей мере, чем содержание под стражей, однако не стоит забывать, что человек, помещенный под домашний арест, довольно часто проживает в жилом помещении не один, а с людьми, чьи права в силу положений ст. 23, 24, 25 Конституции Российской Федерации не должны затрагиваться или ограничиваться каким-либо образом. В таких условиях представляется крайне затруднительным возможность достоверно определить, кто конкретно из фактически проживающих в жилом помещении пользовался теми или иными устройствами и сервисами. Также в настоящее время большую популярность набирают различного рода анонимайзеры и VPN-сервисы. Эти приложения работают таким образом, что при выходе в Интернет с использованием этих сервисов на сайте будет отображаться другой IP-адрес, не принадлежащий пользователю и чаще всего находящийся в другой стране, что делает идентификацию человека в Сети практически невозможной.

⁴⁰⁹ Эксперты разъяснили запрет студенту Жукову на администрирование сайтов // RNS. 2019. 6 декабря. URL: <https://rns.online/internet/Eksperti-razyasnili-zapret-studentu-ZHukovu-na-administrirovanie-saitov-2019-12-06/>.

⁴¹⁰ Емельянова Е.В., Емельянова А.Н. О некоторых проблемных аспектах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста // Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты. 2018. С. 94–95.

Таким образом, существующие пробелы и возможности несоблюдения решений суда необходимо устранять, но при этом отталкиваться нужно от основополагающих принципов, закрепленных в Основном законе.

В настоящее время суды начали использовать ограничения, связанные с использованием сети Интернет не только в отношении находящихся под следствием граждан, но также и в отношении осужденных на условный срок. Например, недавно Кунцевский районный суд города Москвы рассматривал дело об экстремизме из-за видео, размещенного в сети Интернет, приговорил подсудимого к трем годам лишения свободы условно, а также в течение двух лет ему будет запрещено заниматься администрированием Интернет-ресурсов. Данная форма наказания является новой для российской правовой системы, которая не предусматривает механизма ее реализации.

В связи с новизной санкции, заключающейся в виде запрета на занятие администрированием Интернет-ресурсов, вопрос о ее содержательном понимании изначально вызвал споры среди юридического сообщества, однако суд разъяснил что подразумевалось под данной санкцией: «предполагается запрет именно на создание и ведение собственных Интернет-страниц и администрирование чужих страниц»⁴¹¹. Стоит указать, что возможность разнообразной интерпретации санкции, особенно в уголовном судопроизводстве, является крайне негативной и требует устранения, одним из вариантов может являться создание детально проработанного механизма реализации данной санкции.

Еще один из возможных способов запретов и ограничений в сети Интернет – это блокировка доступа к сайту, для этой цели в России был создан «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющий идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской

⁴¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 г. № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // РГ. 2013. № 294.

Федерации запрещено». Данный ресурс был создан после принятия ФЗ от 28.07.2012 г. №139⁴¹², которым были внесены изменения в ФЗ об информации. Основания для включения в реестр сведений, содержащих запрещенную информацию, перечислены в ст. 15.1 указанного закона. Исходя из положений данного закона, доступ к сайту может быть заблокирован либо решением уполномоченных федеральных органов исполнительной власти в отношении распространяемых посредством сети Интернет либо решением суда о признании информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Интересным вопросом, требующим отдельного внимания, является ограничение доступа к информационно-телекоммуникационным сетям во время введения военного или чрезвычайного положений. Как указал Пленум Верховного Суда Российской Федерации, такая возможность предусмотрена содержанием положений ст. 56 и ст. 87 Конституции Российской Федерации. Порядок введения цензуры в связи с наступлением данных обстоятельств содержится в федеральном законодательстве. Так, в настоящее время в ФЗ от 30.01.2002 г. № 1 «О военном положении» в ст. 7 и ст. 14⁴¹³ содержатся положения только о введении военной цензуры за почтовыми отправлениями и сообщениями, передаваемыми с помощью телекоммуникационных систем. В ФЗ от 21.12.1994 г. № 68 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁴¹⁴ отсутствуют вообще какие-либо упоминания про информационно-телекоммуникационные сети. То есть фактически складывается ситуация, когда при чрезвычайных ситуациях никакого контроля за информацией и действиями в сети Интернет не осуществляется. Данные пробелы в законодательстве могут крайне негативно сказаться при особом режиме управления территорией, ведь, как уже было неоднократно указано выше,

⁴¹² Федеральный закон от 28.07.2012 г. № 139-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4328.

⁴¹³ СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

⁴¹⁴ СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

Интернет является одним из важнейших средств коммуникации в современном мире. Неконтролируемое использование сети с такими возможностями, как Интернет, может иметь крайне негативные последствия при чрезвычайных ситуациях. Принимая это во внимание, законодателю стоит обратить внимание на отсутствие каких-либо норм контроля и ограничений в данных правовых актах. Целесообразным будет являться рассмотрение возможности различного рода ограничений, а также разработка механизмов их реализации. Подобные меры стоит применить и в отношении бесперебойной работы Сети во время чрезвычайных ситуаций различного рода. Применение данных мер может иметь довольно позитивные последствия в будущем.

Подводя итог, стоит отметить, что в результате правовых и теоретических оснований использования института цензуры, была отмечена важность закрепления в конституционных нормах положений ч. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации, которые декларируют свободу массовой информации и запрет цензуры. Подобное закрепление в положениях 2 главы Конституции указывает на отнесение данной нормы к элементам правового статуса личности.

Основываясь на научных подходах, а также формулировках, содержащихся в нормативных правовых актах, можно утверждать, что запреты и ограничения, возникающие в связи с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, скорее не могут включаться в традиционное и общепринятое понятие цензуры. При разработке норм действующей Конституции, в понятие «цензура» вкладывался смысл, заключающийся в ограничениях, носящих скорее политический характер, и соответственно будет не совсем корректно использовать данную терминологию в качестве собирательной, для обозначения всех запретов и ограничений, возникающих при использовании сети Интернет. Таким образом, в содержание термина цензура надо включать

государственные запреты и ограничения, существующие в информационной сфере и имеющие главной целью возникновения, политический характер.

Можно утверждать о недостаточной точности формулировок, содержащихся в нормативных правовых актах, на основании которых осуществляется блокировка информации. Подобная практика свидетельствует о необходимости конкретизации норм законодательства в сфере ограничения доступа к вредоносной информации.

Повышению гарантий при применении ограничительных санкций должен служить учет положений ст. 55 Конституции Российской Федерации, так как право на Интернет стоит рассматривать как составную часть права на информацию, а применение принципов, регулирующих свободу информации, не может не использоваться по отношению к Всемирной сети.

Проведенный анализ существующих пользовательских соглашений указывает на необходимость стандартизации их содержания. Такая формализация необходима в связи с различными и даже противоположными подходами к соблюдению ограничений, закрепленных в законодательстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог рассмотрения влияния сети Интернет на институт политических прав и свобод человека и гражданина, хотелось бы отметить, что в рамках работы обоснована существующая тенденция к увеличению значимости Всемирной сети, также, с сожалением стоит констатировать, что в настоящий момент закрепление права на доступ к Интернету в Российской Федерации является преждевременным, ввиду невозможности его полноценного обеспечения со стороны государственных органов, а существующие новации в рассматриваемой сфере сложно отнести к числу подрывных технологий⁴¹⁵. Однако указание в конституционно-правовых источниках на существенную значимость рассматриваемого института при осуществлении прав человека должно являться необходимым элементом правового статуса личности. Подобная практика поможет создать необходимую базу для дальнейшего заслуженного отнесения права на доступ в Интернет к числу основных прав и свобод человека и гражданина.

В свою очередь, перечень политических прав, реализуемых с использованием различных технологий сети Интернет крайне широк, при этом право на информацию заслуживает более детального изучения относительно иных политических прав, что обусловлено подходом, согласно которому понятия «право на Интернет» является составной частью права на информацию.

Также стоит отметить тенденцию развития демократических стран в направлении использования сети Интернет в качестве одного из действенных механизмов реализации политических прав и свобод; фактически в настоящий момент все больше стран мира значительное внимание уделяют вовлечению граждан в управление делами государства при использовании цифровых сетей, что имеет крайне положительный результат. В то же время обширная международная практика в сфере управления делами государства с

⁴¹⁵ Понкин И.В., Куприяновский В.П., Морева С.Л., Понкин Д.И. Подрывные технологические инновации: понятие, значение и онтология // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. № 8. С. 60–68.

использованием сети Интернет сводится в основном к консультативным формам взаимодействия населения с властью и предоставлению различных услуг, однако также существуют возможности принятия императивных решений, но зачастую они заключаются во фрагментарном закреплении полномочий в области активного избирательного права, что также не может являться исчерпывающей мерой в современных условиях.

Формулируемая необходимость регулирования международных норм в сфере использования информационных технологий должна оказать значительное влияние на все институты политических прав и при этом задать необходимый импульс для развития правоотношения в исследуемой области, при этом вобрав в себя уже имеющийся опыт развитых стран.

Использование в России таких институтов, как, например, концепция Открытого правительства, является эффективным механизмом реализации прав и свобод граждан, в том числе это является особенно важным для группы политических прав и отвечает многим международным стандартам в области партисипативного управления. Обширный перечень функционирующих сайтов помогает гражданам в получении услуг и информации о деятельности органов власти, однако, в целях осуществления прав в сфере управления делами государства, необходимо дальнейшее развитие существующих институтов. Также и применение электронного дистанционного голосования при условии соблюдения конституционных гарантий видится крайне позитивной практикой, требующей расширения использования.

Важность использования цифровых сервисов при реализации права граждан на непосредственное участие в управлении делами государства стоит воспринимать особенно значимо именно в контексте развития цифровых технологий. Фактически в будущем применение новых форм цифровой демократии может полностью заменить ее столь привычные офлайн-формы. Данный вопрос получил особенную актуальность во время пандемии коронавируса, когда стало понятно, что без онлайн-механизмов

реализации институтов демократического общества просто невозможно нормальное функционирование государства. Как видится, использование информационных технологий не вступает в противоречие с принятыми и устоявшимися юридическими идеалами, что, в свою очередь, не должно помешать введению новых механизмов реализации политических прав в правовую систему страны.

Для увеличения значимости проводимых в сети Интернет обсуждений, а также для привлечения новых участников обсуждений, учета мнения гражданского общества, для демократизации подобных процессов и в целом для легитимации правотворчества в России необходимым является устранение цифрового неравенства, проблема которого в настоящее время является довольно острой. Обеспечение доступа в Интернет в современных условиях является одним из основных элементов развития института прав человека, ведь фактически реализация всех политических прав и свобод граждан с использованием сети Интернет требует меньших ресурсных затрат, а их обеспечение становится в несколько раз эффективнее⁴¹⁶.

На основании рассмотренной проблематики стоит указать возможные пути развития конституционно-правового регулирования института онлайн-обращений граждан. Как видится, первоначально необходимо заложить базовые принципы электронного взаимодействия с заявителями, что должно производиться посредством федерального законодательства. Необходимо рассмотреть возможность конкретизации сроков реагирования на определенные обращения к органам власти, содержащие сведения о чрезвычайном характере какой-либо ситуации⁴¹⁷. Предлагается рассмотреть возможность закрепления в нормативных правовых актах сокращенный срок рассмотрения обращений, поступающих посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В целом подобные шаги могут

⁴¹⁶ Козлова А.С., Понявина М.Б. Проблемы электронного голосования // Вести научных достижений. Экономика и право. 2020. № 3. С. 93–100.

⁴¹⁷ Малявкина Н.В., Алексикова О.Е. 2019. Особенности реализации конституционного права граждан Российской Федерации на обращение в органы публичной власти // Вестник Поволжского института управления. 2019. № 19 (2). С. 27.

крайне положительно повлиять на уровень доверия населения к механизмам электронной демократии.

Стоит указать и возможность наделения получившей большую поддержку инициативы, размещенной на сайте «Российская общественная инициатива», процедурой обязательного рассмотрения органом власти соответствующего уровня, или же принятие требования о необходимости мотивированного отказа в принятии подобного акта может иметь крайне положительный эффект. Как и с процедурами выявления общественного мнения, посредством институтов петиции и иных, коллективных обращений граждан, необходимо также рассмотреть механизмы, обязывающие органы власти не только учитывать мнение населения, а еще и принимать какие-либо решения, вплоть до внесения в законодательные органы соответствующих инициатив по мотивам общественных обращений. На основе мирового опыта реализации данного института и современного уровня развития информационных технологий, для выявления наиболее значимых инициатив, в рамках исследования предлагается на федеральном уровне поднять существующие требования и установить необходимость сбора 200 000 подписей, полученных в течение одного года, а для остальных уровней также увеличить необходимое количество подписей в 2 раза. Использование предложенных методов оценки инициатив сможет оказать положительное влияние на уровень демократизации общества и повысить доверие к органам власти. В свою очередь, увеличение уровня участия граждан в непосредственном управлении делами государства является полностью соответствующим и вытекающим из положений ст. 3 и ст. 32 Конституции Российской Федерации.

Как указывалось, в настоящее время существует реальная необходимость реформирования существующих правоотношений в сфере реализации политических прав и свобод человека и гражданина. Для дальнейшего нормативного регулирования, на основе проведенного исследования и выработанного автором термина онлайн-митинг,

предлагается установить следующее определение политических акций, проводимых в сети Интернет – массовое собрание граждан на определенной странице сайта в информационно-телекоммуникационной сети, реализуемое с целью публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера. Также возможно классифицировать подобные акции по формату проведения – в реальном времени или трансляции заранее подготовленных материалов.

Ввиду большого количества информации, получаемой человеком посредством сети Интернет, существует реальная угроза возможных злоупотреблений в данной сфере, что может осуществляться путем навязывания какой-либо информации для определенного воздействия на индивида, что безусловно противоречит положениям ст. 29 Конституции Российской Федерации, а также иным нормам конституционно-правового законодательства. На этом основании сформулирована и обоснована конституционно-правовая природа применения института – «право на свободу выбора получаемой информации». Право на свободу выбора получаемой информации стоит рассматривать как один из важнейших принципов конституционного права на информацию. В связи с этим в рамках исследования сформулированы основные составляющие предложенной терминологии, к которым стоит относить:

- свободу от навязывания информации;
- отсутствие необоснованного ограничения информации;
- конкретизация нормативного правового регулирования деятельности ресурсов, с помощью которых происходит распространение информации.

Важно также отметить, что право на доступ к информации реализует важнейшие функции по осуществлению доступа к иным основным правам человека и гражданина.

Таким образом, рассмотрев современное состояние правового регулирования в сфере политических прав и свобод человека и гражданина в информационном пространстве, можно сделать вывод, что в настоящий момент в России существует «заплаточный» режим появления новелл⁴¹⁸, касающийся регулирования правоотношений в сфере использования сети Интернет. Некоторые из них утрачивают силу вскоре после принятия, что не свидетельствует о грамотном планировании правотворческой деятельности, хотя подобные аспекты данного регулирования можно объяснить стремительным развитием прав человека в информационной среде, когда законодатель не успевает за формированием правоотношений.

В связи с вышесказанным, необходимо отдельно упомянуть и о недостаточно точных формулировках, содержащихся в нормативных правовых актах, на основании которых осуществляется блокировка информации в сети Интернет, что порождает коллизии норм действующего законодательства, выражающиеся в явной несоразмерности и необоснованности ограничений прав и свобод человека и гражданина. Подобные выводы подчеркивают необходимость конкретизации норм законодательства в сфере ограничения доступа к вредоносной информации.

Столь широкий перечень недостатков, существующих в российском конституционно-правовом законодательстве, затрагивающем сферу политических прав и свобод человека и гражданина, безусловно, нуждается в реформировании, однако, как уже указывалось ранее, такое реформирование должно проводиться с учетом мнения населения и опыта других стран.

⁴¹⁸ Наумов В.Б. Право в эпоху цифровой трансформации: в поисках решений // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2018. № 6 (108). С. 7.

БИБЛИОГРАФИЯ**Нормативные правовые акты Российской Федерации**

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017) «О военном положении» // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 06.03.2019) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 1.
7. Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
8. Федеральный закон от 13.01.1995 г. № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» // СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 170.
9. Федеральный закон от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 06.02.2019) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

10. Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
11. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
12. Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.
13. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
14. Федеральный закон от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.
15. Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
16. Федеральный закон от 02.05.2006 г. № 59 - ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
17. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 18.12.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
18. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
19. Федеральный закон от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.
20. Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных

- органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.
21. Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 9-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части усиления административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации об акционерных обществах, об обществах с ограниченной ответственностью, о рынке ценных бумаг и об инвестиционных фондах и Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» в части уточнения определения и конкретизации признаков манипулирования ценами на рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 777.
22. Федеральный закон от 12.05.2009 г. № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2392.
23. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
24. Федеральный закон от 28.07.2012 г. № 139-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4328.
25. Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // СЗ РФ. 2010. № 19. Ст. 2302.

26. Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.1 и 15.4 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4790.
27. Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4825.
28. Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1217.
29. Федеральный закон от 29.05.2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» // СЗ РФ. 2019. № 22. Ст. 2659.
30. Федеральный закон от 23.05.2020 г. № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 21. Ст. 3233.
31. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. №31 (ч.1). Ст. 5017.
32. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 511-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2021. № 1 (Часть I). Ст. 50.
33. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (Часть I). Ст. 69.
34. Федеральный закон от 02.07.2021 г. № 319-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» // СЗ РФ. 2021. № 25. Ст. 5147

35. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 г. № 2124-1 (ред. от 18.04.2018, с изм. от 17.01.2019) «О средствах массовой информации» // РГ. 1992. № 32.
36. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.1993 г. № 2334 (ред. от 01.09.2000) «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1994. № 2. Ст. 74.
37. Указ Президента Российской Федерации от 05.04.1994 г. № 662 (ред. от 01.04.2015) «О порядке опубликования и вступления в силу Федеральных законов» // РГ. 1994. № 64.
38. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.
39. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.
40. Указ Президента Российской Федерации от 04.03.2013 г. № 183 (ред. от 23.06.2014) «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» // СЗ РФ. 2013. № 10. Ст. 1019.
41. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
42. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 29.05.2020 г. № 344 // СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3475.

43. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.07.2005 г. № 452 «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2005. № 31. Ст. 3233.
44. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.10.2011 г. № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // СЗ РФ. 2011. № 44. Ст. 6274.
45. Постановление Правительства Российской Федерации от 08.06.2011 г. № 451 «Об инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме» // СЗ РФ. 2011. № 24. Ст. 3503.
46. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.02.2012 г. № 159 «Об утверждении Правил проведения общественного обсуждения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» // СЗ РФ. 2012. № 10. Ст. 1247.
47. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2012 г. № 851 (ред. от 31.10.2018) «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4902.
48. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.11.2012 г. № 1198 «О федеральной государственной информационной системе, обеспечивающей процесс досудебного (внесудебного) обжалования решений и действий (бездействия), совершенных при предоставлении государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2012. № 48. Ст. 6706

49. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.12.2012 г. № 1284 «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления ими государственных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей» // СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7219.
50. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.07.2013 г. № 583 (ред. от 20.11.2018) «Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных» // СЗ РФ. 2013. № 30 (часть II). Ст. 4107.
51. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 г. № 2134-II ГД (ред. от 15.11.2018) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.
52. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30.01.2002 г. № 33-СФ (ред. от 17.01.2018) «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 635.
53. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 27.06.2012 г. № 194-СФ «О внесении изменений в Регламент Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 27. Ст. 3620.

54. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации" // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.
55. Приказ Минюста Российской Федерации от 01.11.2012 г. № 197 «Об утверждении Порядка опубликования и вступления в силу актов Министерства юстиции Российской Федерации, признанных не нуждающимися в государственной регистрации» // РГ. 2012. № 268.
56. Приказ Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока от 02.09.2014 г. № 62 «Об утверждении порядка опубликования и вступления в силу актов Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока, признанных Министерством юстиции Российской Федерации не нуждающимися в государственной регистрации» // РГ. 2014. № 235.
57. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 31.03.2020 г. № 148 «О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // СПС «КонсультантПлюс».
58. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 30.09.2011 г. № 141 «Об утверждении Инструкции о порядке ведения официального сайта Следственного комитета Российской Федерации в сети Интернет» // СПС «КонсультантПлюс».
59. Методические рекомендации по использованию сети Интернет в целях поиска информации о должниках и их имуществе утв. ФССП России 30.11.2010 г. № 02–7 (ред. от 16.03.2011) // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2011. № 1.

Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации

60. Устав Свердловской области от 23.12.2010 г. № 105-ОЗ (принят Областной Думой Законодательного Собрания Свердловской области 30.11.2010) (ред. от 24.09.2018) // Областная газета. 2010. № 466-467.
61. Устав (Основной закон) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 26.04.1995 г. № 4-ОЗ (принят Думой Ханты-Мансийского автономного округа 26.04.1995) (ред. от 08.12.2017) // Новости Югры. 2005. № 44.
62. Устав города Москвы от 28.06.1995 г. (принят Московской городской Думой 28.06.1995) Закон г. Москвы от 28.06.1995 // Ведомости Московской городской Думы. 2001. № 8. Ст. 130.
63. Устав Еврейской автономной области от 08.10.1997 г. № 40-ОЗ (принят ЗС ЕАО 08.10.1997) (ред. от 29.11.2018) // Биробиджанская звезда. 2002. № 90.
64. Устав Санкт-Петербурга (принят ЗС СПб 14.01.1998) (ред. от 25.10.2018) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 1998. № 2.
65. Закон Ульяновской области от 29.11.2005 г. № 136-ЗО (ред. от 24.03.2017) «О порядке опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов Ульяновской области» (принят ЗС Ульяновской области 24.11.2005) // Ульяновская правда. 2005. № 114 (22.428).
66. Закон г. Москвы от 18.04.2007 г. № 11 (ред. от 31.05.2017) «О референдумах в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2007. № 29.
67. Закон г. Москвы от 22.05.2019 г. № 18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы

седьмого созыва» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 30.05.2019. № 30.

Судебная практика

68. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.02.2000 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана» // СЗ РФ. 2000. № 9. Ст. 1066.
69. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 3.
70. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова» // СЗ РФ. 2013. № 29. Ст. 4019.
71. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.10.1999 г. № 150-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Привалова Анатолия Алексеевича на нарушение основ конституционного строя Российской Федерации статьей 104 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
72. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.06.2005 г. № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-

исполнительного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

73. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2011 г. № 203-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Галаниной Елены Валерьевны на нарушение ее конституционных прав частью 2 статьи 20 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
74. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2011 г. № 1624-О-О «По жалобе граждан Андреевой Татьяны Алексеевны, Морозова Филиппа Владиславовича и других на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс».
75. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 г. № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // РГ. 2013. № 294.
76. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // РГ. 2019. № 6.
77. Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // «Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР», 26.12.1991, № 52, ст. 1865.

Международные акты и судебная практика

78. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // РГ. 1995. № 67.
79. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
80. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Заключена в г. Орхусе 25.06.1998) // СПС «КонсультантПлюс».
81. Конвенция о правах инвалидов (Заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // СЗ РФ. 2013. № 6. Ст. 468.
82. Конвенция Совета Европы о доступе к официальным документам (CETS № 205) (Заключена в г. Тромсе 18.06.2009) // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/205>.
83. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.
84. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.
85. Модельный закон об основах регулирования Интернета, г. Санкт-Петербург от 16.05.2011 г. (принят Постановлением № 36-9 на 36-м

- пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2011. № 51. С. 191–198.
86. Решение Совета глав государств СНГ «О Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности и о Комплексном плане мероприятий по реализации Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности на период с 2008 по 2010 год» (Принято в г. Бишкеке 10.10.2008) // СПС «КонсультантПлюс».
87. Постановление Европейского Суда по правам человека от 21.07.2005 г. по делу «Гринберг (Greenberg) против России» (application № 23472/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 12.
88. Постановление Европейского Суда по правам человека от 07.12.1976 г. по делу «Хэндисайд (Handyside) против Великобритании» (application 5493/72) // URL: http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Handyside_v_the_United_Kingdom_07_12_1976.pdf.
89. Постановление Европейского Суда по правам человека от 05.05.2011 г. по делу «Редакция газеты «Правое дело» и Штекель (Editorial Board of Pravoye Delo and Shtekel) против Украины» (application № 33014/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 11.
90. Постановление Европейского Суда по правам человека от 19.01.2016 г. по делу «Калда (Kalda) против Эстонии» (application № 17429/10) // Бюллетень Европейского Суда по правам человек. 2016. № 6.
91. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17.01.2018 г. по делу «Янковскис (Jankovskis) против Литвы» (application № 21575/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 1.

92. Directive 95/46/EC of the European Parliament. 1995. // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=inT&n=49528#05660673397001759>.
93. Роль права на свободу мнений и их свободное выражение в содействии расширению прав и возможностей женщин. Совет по правам человека. 24.06.2013 г. // A/HRC/RES/23/2. URL: <https://www.refworld.org.ru/category,LEGAL,,,51f0d3ae4,0.html>.
94. Hussain A. Promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression: report of the Special Rapporteur, Abid Hussain, pursuant to Commission on Human Rights resolution 1993/45. // E/CN.4/1995/32. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/181170?ln=ru>.
95. La Rue F. Report of the Special Rapporteur on the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression, Frank La Rue: addendum // A/HRC/17/27/Add.2 URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:9sp-_o8LQsUJ:https://digitallibrary.un.org/record/700120%3Fln%3Dru+%&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=safari.

Зарубежные нормативные правовые акты и судебная практика

96. Конституция Королевства Бельгии от 07.02.1831 г. // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=157>.
97. Конституция Греческой Республики от 11.06.1975 г. // URL: <http://www.hellenicparliament.gr/en/Vouli-ton-Ellinon/To-Politevma/Syntagma/>.
98. Конституция Грузии от 24.08.1995 г. // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=35>.
99. Конституция Мексиканских Соединенных Штатов от 05.02.1917 г. URL: <https://gotomexico.today/mexico/people/1744.html>.

100. Конституция Португальской Республики от 02.04.1976 г. // URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constitution/portugal/portug-r.htm.
101. Конституция Соединенных Штатов Америки от 17.09.1787 г. // URL: <https://brightonbeachnews.com/rus/constitution-of-the-usa-russian-text/>.
102. Конституция Турецкой Республики от 07.11.1982 г. // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=84>.
103. Указ о свободе печати Швеции от 05.04.1949 г. № 1949:105 // URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/tryckfrihetsforordning-1949105_sfs-1949-105.
104. Executive Order on Preventing Online Censorship. 2020. // URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-preventing-online-censorship/>.
105. Help America Vote Act. 2002. // URL: http://www.eac.gov/assets/1/workflow_staging/Page/41.PDF.
106. Решение Верховного Суда США от 30.06.1971 г. по делу «Нью Йорк Таймс (New York Times) против Соединенных штатов Америки», 403 U.S. 713 (1971) // URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/403/713>.
107. The Military and Overseas Voter Empowerment Act. 2009. URL: https://www.law.cornell.edu/topn/military_and_overseas_voter_empowerment_act
108. Open Government Declaration. 2011. // URL: <https://www.opengovpartnership.org/process/joining-ogp/open-government-declaration/>
109. Open Government Directive. 2009. // URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/open/documents/open-government-directive>.

110. Public Information Act. 2000. // URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/518012016001/>.
111. Sala Constitucional Resolución № 10627 – 2010. // URL: http://jurisprudencia.poderjudicial.go.cr/SCIJ_PJ/busqueda/jurisprudencia/jur_Documento.aspx?param1=Ficha_Sentencia¶m2=1&nValor1=1&nValor2=483875&tem1=Internet&strTipM=T&lResultado=8&strTem=ReTem.

Политико-правовые документы

112. Итоговый доклад Президенту Российской Федерации Рабочей группы по подготовке предложений по формированию в Российской Федерации системы «Открытое правительство» 05.05.2012 г. URL: <http://open.gov.ru/upload/iblock/4a9/4a93d1880a77d405d84123d82d1b1257.docx>.
113. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // РГ. 2008. № 230.
114. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // РГ. 2020. № 7.

Монографии, учебники, учебные пособия

115. Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 т. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. Т. 1. 863 с.
116. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 186 с.
117. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 768 с.
118. Банисар Д. Свобода информации и доступ к правительственным документам. Обзор законодательства по доступу к информации в мире. М.: Де Ново, 2004. 217 с.

119. Богдановская И.Ю. Право на информацию и право на доступ к информации. М.: Юстицинформ, 2009. 344 с.
120. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юрид. изд-во, 1947. 364 с.
121. Бутылин В.К, Гончаров И.В. Обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел. М.: Альянс, 2012. 246 с.
122. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Новый Юрист, 2013. 500 с.
123. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.
124. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. 300 с.
125. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М: Изд-во Московского ун-та, 1997. 299 с.
126. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. 269 с.
127. Володенков С.В., Зверев А.Л., Кузнецов И.И., Сетов Н.Р., Телин К.О. Представительная демократия и парламентские учреждения в современном мире: состояние и тенденции: монография М.: Издание Государственной Думы, 2014. 128 с.
128. Исаков В.Б. Официальное электронное опубликование: история, подходы, перспективы. М.: Формула права, 2012. 320 с.
129. Казанник А.И., Костюков А.Н. Конституционное право. В 2 т. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 528 с.
130. Карташкин И.А., Колесова Н.С., Ларин А.М., Ледях И.А., Лукашева Е.А., Салищева Н.Г., Шакарян М.С. Права человека: понятие, сущность, структура. М.: Норма, 1996. 509 с.
131. Лукашева Е.А. Права человека. М.: НОРМ, 2004. 573 с.

132. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 294 с.
133. Мендел Т. Свобода информации: сравнительно-правовое исследование. Париж: ЮНЕСКО, 2008. 176 с.
134. Панченко В.Ю. Юридическое содействие реализации прав и законных интересов: Методология, теория, правовая политика. М.: Орбита-М, 2015. 296 с.
135. Петровский С.В. Интернет-услуги в российском праве. М.: Издат. сервис, 2003. 272 с.
136. Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М.: Норма, 2009. 383 с.
137. Соколова М.А. Дефекты юридических документов: монография. М.: Юриспруденция, 2016. 160 с.
138. Стремоухов А.В. Права человека. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2009. 634 с.
139. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности. М.: Проспект, 2010. 368 с.
140. Терещенко Л.К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2013. 227 с.
141. Чистяков О.И., Новицкая Т.Е. Законодательство Екатерины II: В II томах. М: Юридическая литература, 2000. 1056 с.
142. Чхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность. М.: Юрид. лит., 1967. 339 с.
143. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации. М.: Статут, 2017. 624 с.
144. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005. 576 с.

145. Экштайн К.А. Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской конвенции. М.: Nota bene, 2004. 496 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

146. Афанасьева С.А. Реализация политических прав и свобод человека и гражданина (на примере города Москвы): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 218 с.
147. Григорьев Я.В. Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 224 с.
148. Игнатенкова К.Е. Дозволение как способ правового регулирования: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 229 с.
149. Иззатов Т.Ш. Механизм реализации конституционного права граждан на информацию в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 159 с.
150. Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в России: содержание и проблемы реализации: дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2018. 460 с.
151. Невирко Д.Д. Права и свободы человека и гражданина: проблемы соотношения, взаимодействия и иерархии: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 181 с.
152. Стахова В.В. Особенности реализации права человека на информацию в России через средства массовой информации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 237 с.
153. Талапина Э.В. Модернизация государственного управления в информационном обществе: информационно-правовое исследование: дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2015. 469 с.

154. Толкачев К.Б. Теоретико-методологические основания реализации личных конституционных прав и свобод человека и гражданина: дисс. ... доктора юрид. наук. СПб., 1998. 360 с.
155. Хижняк В.С. Конституционное право человека и гражданина на информацию в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 222 с.
156. Щербович А.А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 250 с.
157. Ягофарова И.Д. Право как мера ограничения свободы: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 206 с.

Научная литература

158. Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 3–7.
159. Авакьян С.А. Проблемы обеспечения конституционных публично-политических прав и свобод граждан Российской Федерации: новые реальности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 1. С. 3–34.
160. Авакьян С.А. Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 года // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 18–26.
161. Авакьян С.А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 12–21.
162. Агапов А.Б. Защита конституционных прав в административном и гражданском судопроизводстве // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 36–39.

163. Агеев А.С. Проблемы реализации права на доступ к информации, нашедшие отражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 34–37.
164. Адамова Э.Р. Эволюция права граждан на обращение в органы государственной власти в России // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. №4. С. 98–100.
165. Азизов Р.Ф. Электронное правительство как элемент электронного государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4 (35). С. 22–27.
166. Акдениз Я. Свобода выражения мнения в Интернете: исследование правовых норм и практик, связанных со свободой выражения мнения, свободным потоком информации и плюрализмом СМИ в Интернете в государствах – участниках ОБСЕ. Вена, 2011 год. URL: <http://www.osce.org/ru/fom/89063?download=true>.
167. Алаторцев А.Ю. Новые разъяснения Пленума Верховного Суда об уголовной ответственности за экстремизм в Интернете в контексте принципа правовой определенности // Уголовное право. 2017. № 2. С. 4–11.
168. Ализаде И.Ф. Ограничения прав и свобод человека в экстраординарных условиях: теория и практика зарубежных стран // Молодой ученый. 2009. № 12. С. 289–293.
169. Алиуллов Р.Р. О некоторых правовых проблемах реализации свободы слова в сети Интернет на современном этапе (вопросы методологии, теории и практики) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 1 (39). С. 41–46.
170. Алферов О.Л. Право и Интернет (обзор) // Теория и практика общественно-научной информации. 2002. № 17. С. 237–243.

171. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Прямая электронная демократия в Российской Федерации: возможности и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 27–31.
172. Антонов Я.В. Политико-правовые проблемы развития механизмов электронной демократии в Российской Федерации // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 5–8.
173. Антонов Я.В. Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 101–113.
174. Артебякина Н.А. К вопросу о надлежащем опубликовании нормативных правовых актов: практический аспект // Юрист. 2018. № 12. С. 74–77.
175. Архипова А.С., Радченко Д.А., Титков А.С., Козлова И.В., Югай Е.Ф., Белянин С.В., Гаврилова М.В. «Пересборка митинга»: интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг. 2018. № 1 (143). С. 12–35.
176. Астанин В.В., Роговая А.В. Мониторинг обеспечения и состояния качества нормотворческой деятельности органов местного самоуправления // Мониторинг правоприменения. 2016. № 4. С. 4–13.
177. Атагимова Э.И. Значимые аспекты обеспечения права на защиту информации в свете правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2019. №1 (30). С. 39–43.
178. Афанасьева С.А. Политические права человека и политические права гражданина: соотношение категорий // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. 2016. С. 22–25.
179. Афанасьева С.А. Реализация политических прав и свобод человека и гражданина в г. Москве // Актуальные проблемы российского права. 2009. №1 (10). С. 102–109.

180. Барциц И.Н. Демократическая модернизация информационного общества: российская модель // Социология власти. 2011. № 3. С. 6–17.
181. Барциц И.Н. Конституционная демократия это свободные выборы плюс интернетизация всей страны // Социологические исследования. 2013. № 9 (353). С. 112–119.
182. Барциц И.Н. Конституционно-правовое обеспечение реформы государственного управления // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 24. С. 2–10.
183. Бачило И.Л., Бондуровский В.В., Вус М.А., Кучерявый М.М., Макаров О.С. О совершенствовании и гармонизации национального законодательства государств-участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности // Информационное право. 2013. № 1. С. 24–27.
184. Беглова О.А. Регулирование распространения информации через Интернет: перспективы в России // Известия вузов. Правоведение. 2010. № 6. С. 221–227.
185. Беликова К.М. Особенности правового регулирования цифровой интеллектуальной экономики // Закон и право. 2018. № 8. С. 26–30.
186. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42.
187. Бородин К.В. Правовое регулирование распространения информации в сети Интернет в условиях информационной войны // Право и кибербезопасность. 2014. № 1. С. 27–31.
188. Братановский С.Н., Лапин С.Ю. Конституционные аспекты права на доступ к информации // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 2–5.
189. Брылева Е.А. Право на использование Интернета как одно из «неотъемлемых» прав человека? // Информационное право. 2017. № 2. С. 23–26.

190. Булгакова Е.В. Электронное правосудие // Российский судья. 2013. № 7. С. 14–17.
191. Буянтуева Р.С. Понятие и сущность свободы манифестаций // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 22. С. 7–9.
192. Волошинская А.А. «Российская общественная инициатива»: парадоксы отечественной электронной демократии // Власть. 2016. № 1. С. 47–51.
193. Габазова Я.Д., Голева Г.А. Международная оценка развития электронного правительства в Российской Федерации (на примере индекса развития электронного правительства ООН) // Молодой исследователь Дона. 2017. №5 (8). С. 170–177.
194. Гайнов И.Д. Актуальные вопросы соблюдения порядка опубликования муниципальных нормативных правовых актов // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 11. С. 35–37.
195. Галиев Р.С., Васильков К.А. Конституционно-правовое регулирование Интернет-демократии в Российской Федерации и пути совершенствования института общественных инициатив (на примере Алтайского Края) // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 24–27.
196. Гасанов К.К. Содержание принципа неотчуждаемости основных прав человека // Вестник Московского университета МВД России. 2012. №3. С. 134–137.
197. Глушкова С.И. К вопросу о новых подходах в исследовании прав человека // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2010. №14 (57). С. 21–29.
198. Головин А.Ю., Спиридонов А.А. Правовые основы и методы реализации идей открытого правительства в США // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2. С. 9–24.

199. Голубок С.А., Тимофеев М.Т. Где начинается и чем кончается свобода слова: замечание общего порядка № 34 Комитета по правам человека // Международное правосудие. 2012. № 3. С. 32–36.
200. Гольпяпина И.Ю. Законодательство России в области обеспечения информационной безопасности детей // Эпоха науки. 2017. №12. С. 17–25.
201. Горнов Д.М., Ермолаева Е.В. Социальные сети как пространство взаимодействия субъектов медицины // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. № 1. С. 125–125.
202. Григорян Д.К. Политические права личности как основа политической власти // Философия права. 2008. №4 (29). С. 89–91.
203. Гузий А.Е. Соотношение понятий «Правотворческая инициатива» и «Общественная инициатива» // Сибирское юридическое обозрение. 2015. №1 (26). С. 8–11.
204. Давыдова М.Л., Гончарова А.А. Проблемы и перспективы реализации проекта «Российская общественная инициатива» // Legal Concept. 2015. № 2. С. 58–67.
205. Давыдова М.Л., Кушнирук Р.П. Цифровое информирование как форма электронной демократии: особенности правового регулирования // Власть Закона. 2017. № 1. С. 101–116.
206. Дамм И.А., Роньжина О.В., Акунченко Е.А., Корхов А.В., Волкова М.А. Электронная информационная система учета, хранения и актуализации муниципальных правовых актов: разработка и апробация на территории Красноярского края // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. № 4 (48). С. 699–719.
207. Дженакова Е.В. Субъекты правоотношения по распространению информации: к постановке проблемы // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2019. №1 (109). С. 72–77.
208. Дзидзоев Р.М., Тамаев А.М. Общественное (публичное) обсуждение проектов законодательных и иных нормативных правовых

- актов в формате открытого правительства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 66–70.
209. Добролюбова Е.И. Международные показатели цифровизации государственного управления: обзор практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2019. №1. С. 28–40.
210. Евсиков К.С. Право граждан на доступ к услугам связи как средство реализации права на доступ к информации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1-2. С. 108–118.
211. Емельянова Е.В., Емельянова А.Н. О некоторых проблемных аспектах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста // Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты. 2018. С. 91–98.
212. Жилиев А.В., Голованова Т.В. Регулирование и практика реализации права иностранных граждан на доступ к государственной службе в Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1 (76). С. 70–75.
213. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>.
214. Ибрагимова Г.Ш. Российская общественная инициатива: проблемы правового регулирования. Скиф // Вопросы студенческой науки. 2019. № 4 (32). С. 328–332.
215. Ивакушкин К.М. Блокчейн для существующих и новых моделей бизнеса. / К.М. Ивакушкин. – Сб.: мат. конф. «Технологии блокчейна». – 28.02.2017 г.

216. Иванова К.А. Электронные петиции как способ осуществления населением общественного контроля за органами публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 15–17.
217. Ионова Т.А. Правовое регулирование распространения рекламы через сеть Интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 40–44.
218. Камалова Г.Р. Инцидент-менеджмент как новая стратегия коммуникации власти и общества: анализ практик // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 4 (154). С. 30–33.
219. Каменская Е.В. Модернизация правотворчества: основные тенденции // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2017. № 1. С. 4–5;
220. Карасев А.Т., Мещерягина В.А. Соотношение конституционного права на обращение с политическими правами и свободами // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3. С. 66–70.
221. Кириленко В.П., Чимаров Н.С. К вопросу об использовании инновационных подходов в избирательном процессе при электронном голосовании // Управленческое консультирование. 2014. № 12 (72). С. 111–119.
222. Киричѐк Е.В. Политические права и свободы граждан России: Федеральный и региональный уровни // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. №2 (24). С. 21–29.
223. Киричѐк Е.В. Социально-экономические и культурные права и свободы – важнейший элемент конституционно- правового положения (статуса) человека и гражданина в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 1 (19). С. 48–57.
224. Кирка А.В. Влияние социальных сетей на коммуникационные процессы в гражданском обществе // Вестник университета. 2013. № 8. С. 20–23.

225. Киселев А.С. Современные теоретические подходы к понятию электронного государства // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 32–39.
226. Кобзева С.В. Демократизация государственного управления и электронное правительство // Информационное право. 2018. № 2. С. 4–9.
227. Кобзева С.В. Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет // Информационное право. 2017. №2. С. 11–14.
228. Ковлер А.И. Эволютивное толкование Европейской Конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский суд по правам человека как субъект толкования права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 92–100.
229. Козлова А.С., Понявина М.Б. Проблемы электронного голосования // Вести научных достижений. Экономика и право. 2020. № 3. С. 93–100.
230. Кокотов А.Н. Законодательная инициатива в федеральном парламентском законодательном процессе // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 60–63.
231. Колобаева Н.Е. Право на доступ к информации о деятельности органов власти. Российское право: Образование. Практика. Наука. 2015. № 1 (85). С. 16–22.
232. Колюшин Е.И. Избирательная реформа 2020 года в свете принципов избирательного права // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С.55–61.
233. Колюшин Е.И. Правовые проблемы электронизации (цифровизации) выборов // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9 (61). С. 103–113.
234. Кондрашев А.А. Основные тенденции ограничения конституционных прав граждан на информацию в сети Интернет:

- российское законодательство и практика // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. №2 (35). С. 112–119.
235. Котляров С.Б., Кукушкин С.Б. Историческое развитие института политических прав и свобод человека и гражданина // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. 2020. № 2. С. 1–8.
236. Кравец И.А. Конституционно-правовые инновации как способ совершенствования механизма защиты прав и свобод личности, прав юридических лиц // Инновационное развитие юридической науки как фактор укрепления российской государственности: Материалы конференции: Сб. науч. ст. 2012. С. 17–24.
237. Кривоухов А.А. Перспективы интернет-взаимодействия населения и органов власти в контексте развития информационного права // Коммуникология. 2019. № 7 (4). С. 117–127.
238. Крылатова И.Ю. Механизм реализации и защиты прав человека в Российской Федерации: понятие, сущность, структура, формы // Антиномии. 2014. №14 (3). С. 210–223.
239. Кузнецов П.У. Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 154–161.
240. Кучеренко А.В. О правовом статусе блогера // Информационное право. 2015. № 1. С. 27–31.
241. Лапаева В.В. Критерии ограничения прав граждан Российской Федерации на политическое объединение (в свете европейских стандартов правовой демократии) // Права человека: теория, история, практика. 2014. С. 109–119.
242. Лебедева Е.Н. Взаимовлияние юридических дозволений и стимулирующей функции права // Вестник саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 135–141.

243. Леви Д.А. Институт выборов: перспективы развития в эпоху информационных технологий // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 2 (11). С. 80–83.
244. Лунгу Е.В. Закономерности современных конституционных правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2021. №1 (122). С. 56–63.
245. Максимова О.И. Право человека на информацию в конституционном законодательстве Российской Федерации и зарубежных государств (сравнительно-правовой анализ) // Общество и право. 2010. №3 (30). С. 63–67.
246. Малявкина Н.В., Алексикова О.Е. Особенности реализации конституционного права граждан Российской Федерации на обращение в органы публичной власти // Вестник Поволжского института управления. 2019. № 19 (2). С. 20–29.
247. Маматов М.В. Надзор за соблюдением конституционного права граждан на доступ к информации о деятельности органов власти // Законность. 2015. № 7. С. 3–8.
248. Мараев Т.И. К вопросу о разграничении понятий «массовое мероприятие» и «публичное мероприятие» // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 224–226.
249. Мартынов А.В. Система «Открытое правительство» как один из главных механизмов открытого государственного управления в России // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 13–23.
250. Медведев С.М. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ // Мир политики и социологии. 2012. № 11. С. 72–80.
251. Мизюркин Ю.А. Роль интернет-коммуникаций в движениях протеста в странах Магриба и Ближнего Востока // Пути к миру и безопасности. 2013. № 1 (44). С. 113–119.

252. Михеева Т.Н. К вопросу о правовых основах цифровизации в российской федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 9 (61). С. 114–122.
253. Монахов В.Н. Утро пятой свободы (к проблеме совершенствования правового режима свободы информации и знаний как ценностей и драйверов развития) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 121–135.
254. Нарутто С.В. Актуальные направления развития избирательного законодательства / С.В. Нарутто // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня окончания Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), Грозный, 30 апреля 2020 года. Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, «АЛЕФ», 2020. С. 182–186.
255. Нарутто С.В. В.И. Фадеев о роли местного самоуправления в демократическом устройстве государства и общества // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9 (61). С. 176–185.
256. Нарутто С.В. Определенность законодательства как гарантия прав и свобод человека и гражданина в конституционно-судебной доктрине // Lex russica (Русский закон). 2018. № 10 (143). С. 40–49.
257. Наумов В.Б. Право в эпоху цифровой трансформации: в поисках решений // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2018. № 6 (108). С. 4–11.
258. Наумов В.Б., Бутримович Я.В., Котов А.А. Обеспечение качества правового регулирования экспериментальных правовых режимов // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3 (117). С. 40–49.

259. Несмеянова С.Э., Колобаева Н.Е., Мочалов А.Н. «Открытое правительство» и права человека // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 5. С. 5–14.
260. Нестеров А.В. Обсуждаем стандарт (концепцию) открытости «открытого правительства» // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8. С. 3–7.
261. Нечкин А.В. Непопулярные реформы в России: понятие и возможные пути легитимации // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 4. С. 18–22.
262. Новак-Каляева Л.Н. Классификация прав человека в контексте функциональной взаимосвязи с государственным управлением // Вестник государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 61–71.
263. Нудненко Л.А. Некоторые проблемы правовой регламентации конституционного права гражданина на информацию // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5. С. 40–44.
264. Нудненко Л.А. Правоприменительная практика Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в постановлениях Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека // Государство и право. 2021. № 1. С. 63–71.
265. Нудненко Л.А., Тхабисимова Л.А. Актуальные проблемы совершенствования демократии в России // Государство и право. 2020. № 6. С. 171–178.
266. Нураков Н. Политическая регламентация подходов к обеспечению прав человека // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 1 (22). С. 98–103.
267. Овчинников А.И., Фатхи В.И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. №3 (90). С. 104–112.

268. Окуньков Л.А. Президент и Правительство (в механизме государственной власти) // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 3–10.
269. Олейник Н.Н., Олейник А.Н. Историческое развитие поколений «Прав человека» // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. №14 (211). С. 120–128;
270. Омарова Л.Б. Мера свободы личности в информационных потоках современности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. № 4. С. 31–37.
271. Осинюк В.А. Особенности развития электронной демократии в Москве // Власть. 2020. №2. С. 101–104.
272. Осипов Р.А. Право на информированность: понятие и соотношение с правом на информацию // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3 (110). С. 163–167.
273. Оспанов Т.А. К вопросу о политической конкуренции в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 33–37.
274. Палагина А.А. Механизм правовой защиты чести и достоинства при распространении порочащей информации в сети Интернет: взгляд высших судов // Молодой ученый. 2017. № 2. С. 324–326.
275. Перезолова А.С. Городские электронные референдумы: опыт проекта «Активный гражданин» // Власть. 2015. № 2. С. 108–113.
276. Перезолова А.С. Практики партисипативного управления в публичной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. № 20 (1). С. 122–130.
277. Пилипенко А.Н. Франция: к цифровой демократии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 185–207.
278. Понкин И.В., Куприяновский В.П., Морева С.Л., Понкин Д.И. Подрывные технологические инновации: понятие, значение и

- онтология // *International Journal of Open Information Technologies*. 2020. Т. 8. № 8. С. 60–68.
279. Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство // *Пермский юридический альманах*. 2019. № 2. С. 24–37.
280. Попова А.В. Правовые аспекты онтологии искусственного интеллекта // *Государство и право*. 2020. № 11. С. 115–127.
281. Попова А.В. Цифровая социализация, теговое мышление и современный образовательный процесс в государственно-правовом измерении // *Правовое государство: теория и практика*. 2021. № 1 (63). С. 50–69.
282. Протопопова В.Ф., Леонтьев Н.А. Проблема обеспечения высокоскоростным доступом к сети Интернет Усть-Майского улуса Якутии // *Наука и образование: новое время*. 2017. № 3 (20). С. 107–109.
283. Рахманина Н.В. Понятие Интернета и проблемы, связанные с оказанием финансовых интернет-услуг // *Legal Concept*. 2015. № 4. С. 107–113.
284. Рекончишек Е.А. Взаимодействие власти и общества Великобритании в контексте петиционных кампаний // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2019. № 11 (39). С. 41–45.
285. Решетникова Д.С. Проблемы эффективности реализации права граждан на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления // *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2018. № 2 (10). С. 65–68.
286. Ромашкин Т.В. Институты цифровой экономики // *Эпоха науки*. 2018. № 15. С. 65–68.
287. Рубанова М.Е. Конституционно-правовые ограничения политических прав иностранных граждан в Российской Федерации // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2017. № 1. С. 41–46

288. Савоськин А.В. Способы подачи электронных обращений в России (проблемы правового регулирования и практики) // Информационное право. 2016. № 3. С. 12–16.
289. Савоськин А.В., Мещерягина В.А. О реализации конституционного права на обращение в сети Интернет. Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 30–33.
290. Сагиндыков А.Н. Манифесты как законодательные акты XVII–XIX вв. в системе русского права: понятие и мульти-предикаты в «форме права» // Правовое государство: теория и практика. 2017. №1 (47) С. 66–74.
291. Семизорова Е.В., Тульская О.В. Актуальные вопросы применения судами электронных документов // Информационное право. 2013. № 5. С. 19–25.
292. Сергеева О.В. Свобода доступа к информации как идея изменений: опыт антропологии современного общества // Обсерватория культуры. 2007. № 5. С. 4–9.
293. Сибилева А.Ю. Пределы регулирования политических прав граждан как предмет конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. №11 (96), С. 169–175.
294. Соколов А.В., Фролов А.А. Интернет-аспекты протестной активности в современной России // Известия АлтГУ. 2012. № 4 - 2 (76). С. 280–283.
295. Соколова П.В. Некоторые особенности пользования политическими правами военнослужащими // Юридический мир. 2011. № 2. С. 30–32.
296. Соловых Н.Н. Цифровая экономика диктует необходимость квалифицированных кадров с новыми компетенциями // Российский следователь. 2018. № 5. С. 64–68.

297. Таева Н.Е. Право иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, собираться мирно, без оружия // Юридический мир. 2006. № 12. С. 4–12.
298. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 5–17.
299. Терещенко Л.К. Доступ к информации: правовые гарантии // Журнал российского права. 2010. № 10 (166). С. 46–53.
300. Туркин С., Ульянова Е. Зарубежный опыт противодействия экстремистским тенденциям в Интернете // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 3 (44). С. 2–7.
301. Умнова (Конюхова) И.А. Информационное право как отрасль права нового поколения: ответ на технократизацию // Государство и право в новой информационной реальности. 2018. № 1. С. 38–52.
302. Федотов М.А. Гласность и цензура: возможность сосуществования // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 80–89.
303. Фетюков Ф.В. Народная законодательная инициатива как форма взаимодействия государства и гражданского общества // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2018. № 2 (104). С. 62–65.
304. Фомина М.Г., Мальцев Н.Г. Право на обращение в органы публичной власти в зарубежных странах: история становления и развития // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 122–125.
305. Фролова Н.А. Отдельные проблемы реализации института общественной инициативы // Гражданское общество и правовое государство. 2015. Т. 1. С. 44–46.
306. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 5–16.
307. Хохлова Е.А. Общественное обсуждение законопроектов и важных вопросов государственной и/или общественной жизни:

- конституционно-правовое регулирование и практика применения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 47–59.
308. Храмушин В.В. О перспективах развития представительной демократии в эпоху цифровой экономики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. №6 (131). С. 77–84.
309. Хуснутдинов А.И. Право на доступ в Интернет - новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 109–123.
310. Черкасов А.И. Кризис представительной демократии на местном уровне в зарубежных странах и механизмы его преодоления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2014. № 1. С. 27–29.
311. Черкасов К.В., Захаревич Д.А. «Открытое правительство» и «Электронное правительство»: вопросы соотношения концепций государственного управления // Гражданин и право. 2016. № 2. С. 40–41.
312. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 74–92.
313. Черняков М.К., Чернякова М.М. Прогнозирование тенденций развития цифрового правительства (e-government) в постсоветских странах // Journal of new economy. 2019. №4. С. 5–21.
314. Чимаров Н.С. Правовые стандарты новых технологий голосования в избирательном процессе Эстонской Республики // Управленческое консультирование. 2015. № 5 (77). С. 204–210.
315. Шапова А.А. Особенности правового регулирования конституционного права каждого производить информацию в сети «интернет» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2020. №1. С. 114–118.

316. Шарифуллин Р.А., Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г. Проблемы и перспективы внедрения информационных технологий в деятельность судебной системы России // Российский судья. 2018. № 8. С. 49–53.
317. Шарифуллин Р.А., Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г. Элементы электронного правосудия // Российский судья. 2018. № 6. С. 57–62.
318. Шарнина Л.А. Общественный контроль как гарантия конституционной законности при реализации конституционного усмотрения // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 10–14.
319. Шатилина А.С. Права человека в Интернете: проблема признания права на доступ к Интернету // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 1. С. 38–46.
320. Шахрай С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской Академии Наук. 2018. № 12. Том 88. С. 1075–1082.
321. Шевердяев С.Н. Реализация стратегии «открытого правительства» в Казахстане: институциональный и законодательный контекст // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 73–80.
322. Шомова С.А. «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния // Мониторинг. 2019. №5 (153). С. 250–269.
323. Юркина Е.Е. Европейская конвенция о защите прав человека и Интернет // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 1. С. 16–28.
324. Ягланд Т.О. О состоянии демократии, правах человека и верховенстве права // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 1. С. 5–11.
325. Якимова Е.М., Нарутто С.В. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2. С. 369–378.

Литература на иностранных языках

326. Alston Ph. Conjuring Up New Human Rights: A Proposal For Quality Control // *American Journal of International Law*. 1984. Vol. 78. № 3. pp. 607–621
327. Bailleux A. Human rights in network // *Journal européen des droits de l'homme*, Vol. 3. 2014. P. 293–325.
328. Barocas S., Selbst A.D. Big Data's Disparate Impact // *104 California Law Review*. 2016. P. 671–732.
329. Bartlett J., Miller C., Reffin J., Weir D., Wibberley S. Social Media Is Transforming How to View Society... // *Vox Digitas*. 2014. URL: https://www.demos.co.uk/files/Vox_Digitas_-_web.pdf?1408832211.
330. Breedon K., Bryant C.A. Counting the Votes: electronic voting irregularities, election integrity, and public corruption // *University of Memphis Law Review*, Vol. 49. 2019. № 4. P. 980–1017.
331. Cerf V.G. Internet Access Is Not a Human Right. // URL: http://www.nytimes.com/2012/01/05/opinion/internet-access-is-not-a-human-right.html?_r.
332. Chouhan D. S. Cyberbullying: the scale of the problem in adults & children // *International Journal of Research*. 2019. Volume 8. № 6. P. 1502–1510.
333. Clemens S. From Fairness to Fake News: How Regulations Can Restore Public Trust in the Media // *Concordia Law Review*. 2020. Vol. 5. № 1. P. 219–275
334. Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // *Peace Human Rights Governance*. 2017. Vol. 1. № 2. P. 223–250.

335. Fabre E. Electronic Voting in the French Legislative Elections of 2012 // Design, Development, and Use of Secure Electronic Voting Systems. 2014. P. 176–198.
336. Fossato F., Lloyd J. The Web that Failed: How Opposition Politics and Independent Initiatives are Failing on the Internet in Russia // Reuters Institute for the Study of Journalism, University of Oxford. 2008. URL: http://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/fileadmin/documents/Publications/The_Web_that_Failed.pdf.
337. Goldman E., Kosseff J. Zeran v. America Online E-Resource // Santa Clara Univ. Legal Studies Research Paper. 2020. p. 267.
338. Goulart G. The Impact of New Technologies in Human and Fundamental Rights: Internet Access and Freedom of Speech // Revista Direitos Emergentes na Sociedade Global, Vol. 1. № 1. 2012. P. 145–168.
339. Joseph S. Social Media, Human Rights and Political Change // Boston College International & Comparative Law Review, Vol. 35. 2012. P. 145–188.
340. Khaleel I.S., Al-Janabi S., Dawood A.J. A Framework for QKD-based Electronic Voting // Journal of University of Anbar for Pure Science (JUAPS), Vol. 14. 2020. № 2. P. 95–103.
341. Maqueo M. S. El derecho al olvido digital desde la perspectiva de la Unión Europea y la viabilidad de su extrapolación al caso de México // Latin American Law Review. 2019. № 3. P. 79–97.
342. Martinez-Villalba J. C. R. La Cuarta Ola De Derechos Humanos: Los Derechos Digitales (Fourth Wave of Human Rights: The Digital Rights) // Revista Latinoamericana de Derechos Humanos. № 25 (1). 2014. P. 15–45.
343. Molly K. Land. Toward an International Law of the Internet // Harvard International Law Journal. 2013. № 54. P. 393–458.
344. Mozorov E. The Net Delusion The Dark Side of Internet Freedom-Public Affairs. // 2011. URL: https://www.academia.edu/7170576/Evgeny_Morozov-

[The Net Delusion The Dark Side of Internet Freedom-
Public Affairs 2011](#) .

345. Nagy L. Memes and their impact on politics. // University of Pannonia, Veszprém, 2018. URL: https://www.academia.edu/38128191/Memes_and_their_impact_on_politics .
346. Ottoboni K., Stark P.B. Election Integrity and Electronic Voting Machines in 2018 Georgia, USA // E-Vote-ID 2019 Proceedings. 2019. p. 16.
347. Perez O. Collaborative e-rulemaking, democratic bots, and the future of digital democracy // Digital government: research and practice. Vol. 1. № 1. 13 p.
348. Pildes R.H. Participation and Polarization // Penn. J. of Constitutional Law, NYU School of Law, Public Law Research Paper №. 20–34. 2020. P. 340–408.
349. Potential and challenges of e-participation in the European union. // URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556949/IPOL_STU\(2016\)556949_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556949/IPOL_STU(2016)556949_EN.pdf).
350. Rastegari S., Dehkordi S. Protection of consumer rights in Cyberspace // New Marketing Research Journal. 2013. Specialissue. p. 81–99.
351. Reglitz M., Rudnik A. Internet access as a right for realizing the human right to adequate mental (and other) health care // International Journal of Mental Health. 2020. № 49. P. 97–103
352. Salem F. The Arab World Online 2017-2021: Digital Transformations and Societal Trends in the Age of the 4th Industrial Revolution // The Arab World Online Policy Report Series. 2017. p. 149.
353. Singh M. From Social to Digital Capital: Implications for Digital Democracy Research // Duke Global Working Paper Series. 2021. № 35. p. 18

354. Susser D., Roessler B., Nissenbaum H.F. Online Manipulation: Hidden Influences in a Digital World // 4 Georgetown Law Technology Review. №1. 2019. p. 45.
355. Tehrani A.A., Dahaghi M.R. The Influence of Liberty Concepts on the Legal Classification of Constitutions and Constitutional Governments // Journal of Politics and Law. 2017. № 10 (4). P. 139–145.
356. To amend the Communications Decency Act to encourage providers of interactive computer services to provide content moderation that is politically neutral. // URL: <https://www.hawley.senate.gov/sites/default/files/2019-06/Ending-Support-Internet-Censorship-Act-Bill-Text.pdf>.
357. Trajkovska M.L. Privacy, freedom of expression and internet // Mélanges en l'honneur de Essays in honor of Dean Spielmann. Oisterwijk: Wolf legal publishers. 2015. P. 335–342.
358. Vasak K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. 1977. № 11. P. 28–32.
359. Vasak K. Pour une troisième génération des droits de l'homme // Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet / Ed. by C. Swinarski. 1984. P. 837–850.
360. Verdirame G. Human Rights in Political and Legal Theory // King's College London Law School Research Paper №. 2014-31. 2014. p. 23.
361. Viennet C. Social Rights in Refugee Law and Human Rights Law: The Non-discrimination Principle as a Harmonization Tool // 2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3693671>.
362. Vinayachandra, Geetha Poornima K., Rajeshwari M., Krishna Prasad K. A Conceptual Framework for the Integrated, Smart and Secure Remote Public Voting System (SSRPVS) // International Journal of Management, Technology, and Social Sciences (IJMTS), Vol. 5. 2020. № 1. P. 318–334.

363. Yansons Y. E-Democracy in Ukraine: condition and development taking into account European experience // EUREKA: Social and Humanities. 2021. №6. P. 47–54.
364. Yu H. and Robinson D.G. The New Ambiguity of 'Open Government' // 59 UCLA L. Rev. Disc. 178. 2012. P. 177–208.
365. Yusingco M. H. Social Media, Disinformation, and the 2022 BARMM Parliamentary Elections // ASOG Working Paper 21-002. 2021. p. 23.
366. Уетсон Б.Г. Права людини // Права людини: концепції, підходи, реалізація: пер. з англ. / Під ред. Б. Зізік.– К.: вид-во «Ай Бі». 2003. 262 с.

Энциклопедии, словари и справочники

367. Большой энциклопедический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82>.
368. Новая философская энциклопедия. В 4 т. М.: Мысль, 2001. 563 с.
369. Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. Ярославль, 1872.
370. Энциклопедический словарь конституционного права. URL: <https://rus-constitutional-law-dict.slovaronline.com/1290%D0%A6%D0%95%D0%9D%D0%97%D0%A3%D0%A0%D0%90>.

Интернет-ресурсы

371. «Яндекс» объяснил удаление меток участников виртуальных митингов // РБК. 2020. 20 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e9dd5269a794704743d5ee2>.
372. #сядьзатекст: Оксимирон, Александр Петров и Михаил Идов в прямом эфире читают классику, а их за это судят // Meduza. 2019. 19

- сентября. URL: <https://meduza.io/feature/2019/09/19/syadzatekst-oksimiron-aleksandr-petrov-i-mihail-idov-v-pryamom-efire-chitayut-klassiku-a-ih-za-eto-sudyat>.
373. В «Яндекс.Навигаторе» признали удаление комментариев участников виртуальных митингов // Новая газета. 2020. 20 апреля. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2020/04/20/160869-v-yandeks-navigatore-priznali-udalenie-kommentariiev-uchastnikov-virtualnyh-mitingov>.
374. В Башкирии система «Инцидент менеджмент» зарегистрировала 100-тысячную жалобу // Российская газета. 2020. 12 февраля. URL: <https://rg.ru/2020/02/12/reg-pfo/zhurnalist-rg-odin-den-porabotal-v-sisteme-incident-menedzhment.html>.
375. В даркнет утекла база данных проголосовавших по поправкам в Конституцию // РБК. 2020. 4 августа. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/08/2020/5f28ce729a7947056524fb49
376. Везем домой COVID-19 Минкомсвязи завело телеграм-канал для возвращения россиян из-за границы // Meduza. 2020. 12 апреля. URL: <https://meduza.io/shapito/2020/04/12/vezem-domoy-covid-19>.
377. Константин Носков рассказал о ходе устранения цифрового неравенства // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 2019. 14 февраля. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/38782/>.
378. Конференция по противодействию международному терроризму. URL: https://iacis.ru/activities/events/partnery/konferentsiya_po_protivodeystviyu_mezhdunarodnomu_terrorizmu_sovmestno_s_mezhdunarodnymi_parlamentami.
379. Концепция развития электронной демократии до 2020 года // URL: <http://e-democratia.ru>.

380. Министр: три миллиона россиян вскоре могут остаться без работы // Московский комсомолец. 2017. 28 октября. URL: <http://www.mk.ru/economics/2017/10/28/ministr-tri-mil>.
381. Минкомсвязь переименована в Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций // Коммерсантъ. 2018. 15 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3629435>.
382. ООН признала интернет-блокировку нарушением прав человека // Газета.ru. 2016. 4 июля. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2016/07/04/n_8842055.shtml
383. Полиция взялась за онлайн-митинги // Коммерсантъ. 2020. 2 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4335807>.
384. Пользовательское соглашение сервисов Яндекса. URL: <https://yandex.ru/legal/rules/>.
385. Пользовательское соглашение. URL: <https://vk.com/terms>.
386. Правила сообщества twitch. URL: <https://www.twitch.tv/p/ru-ru/legal/community-guidelines/>.
387. Революция соцсетей: протесты, которые начались с Интернета. URL: <https://kod.ru/social-network-revolutions/>.
388. Рейтинг стран мира по уровню развития электронного правительства // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/e-government-survey/info>.
389. Сайты заблокированные в Китае. URL: <https://wotimba.ru/sajty-zablokirovannye-v-kitae/>.
390. Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 1058572-7 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1058572-7>.
391. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#nra=45791>.
392. Эксперты разъяснили запрет студенту Жукову на администрирование сайтов // RNS. 2019. 6 декабря. URL:

<https://rns.online/internet/Eksperti-razyasnili-zapret-studentu-ZHukovu-na-administrirovanie-saitov-2019-12-06/>.

393. Cruz R. G. de la. The Regulatory Sandbox and Potential Opportunities for Spanish FinTechs // URL: <https://www.sefofuncas.com/pdf/Garc%C3%ADa%20de%20la%20cruz.pdf>.
394. Digital 2020: global digital overview // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview>.
395. Digital 2021: global overview report // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report>.
396. Regulatory Sandbox Lessons Learned. Report 2017 // URL: <https://www.fca.org.uk/publication/research-and-data/regulatory-sandbox-lessons-learned-report.pdf>.
397. The regulation that helped build the internet may be in trouble. URL: <https://www.marketplace.org/shows/marketplace-tech/trump-executive-order-social-media-legal-protections/>.
398. The TiD+. URL: <http://tidplus.net/project/>.